СВОБОДА И ЛИБЕРАЛИЗМЪ.

Кн. Д. Н. Цертелевъ.

Выпускъ II.

МОСКВА.
Университ. типографія, на Страст. бульв.
1896.

680
31

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Недавнее прошлое..... 1

Государственное и общественное служеніе.. 15

Значеніе сословной организаціи..... 29

Наука и профессія..... 43

Воспитательное значеніе школы..... 57

Всеобщее обученіе..... 67

Революціонеры и либералы..... 83

Печать какъ орудіе прогресса..... 149

Литературный языкъ и „пресса“..... 163

Книги и чтеніе..... 174

Недавнее прошлое.

Когда лѣтомъ 1894 года проникли въ общество первые слухи о болѣзни Государя, они встрѣчены были не только съ тревогой, но и съ недовѣріемъ. Не прошло, однако, и полугода, какъ самыя худшія опасенія стали совершившимся фактомъ.

Конечно, не настало еще время для безпристрастной и всесторонней оцѣнки минувшаго царствованія; но и теперь уже выяснилось многое, что̀ недавно могло казаться неяснымъ и спорнымъ.

На какой бы точкѣ зрѣнія мы ни стояли, какихъ бы взглядовъ мы ни держались, передъ нами невольно выступаетъ значеніе личности почившаго Государя, невольно чувствуется *великій характеръ*. О значеніи той или другой мѣры, реформы или направленія можно спорить; какъ бы остроумны, глубоки и даже геніальны онѣ ни были, можно не соглашаться съ ними,

находить ихъ неудобными или несвоевременными; но значеніе личнаго характера правителя непосредственно отражается на внутреннемъ и на внѣшнемъ положеніи страны, и отъ него зависитъ въ значительной мѣрѣ степень уваженія и довѣрія къ ней остальныхъ государствъ

Нельзя не видѣть, чѣмъ мы обязаны въ этомъ отношеніи покойному Государю. Только благодаря его личному характеру и вліянію Россія безъ войны могла достигнуть такого положенія, какимъ она не пользовалась послѣ кровопролитныхъ побѣдъ. Никто не могъ заподозрить Царя въ какихъ бы то ни было тайныхъ завоевательныхъ замыслахъ; но всѣ знали, что онъ не позволитъ коснуться истинныхъ интересовъ и истиннаго достоинства Россіи.

Не во внѣшней политикѣ, однако, состояла главная заслуга Императора Александра II. Почти всѣмъ намъ памятны тѣ печальные дни, когда ему приходилось принять тяжелое бремя Самодержавной власти въ такую минуту, когда, повидимому, самое понятіе объ этой власти было расшатано, когда легкомысленные теоретики, не дорожившіе ни прошлымъ, ни будущностью Россіи, готовы были бросить ее въ область рискованныхъ экспериментовъ, подъ

тѣмъ предлогомъ, что нѣтъ уже иного средства избавится отъ смуты, которою грозила ей ничтожная горсть фанатиковъ анархизма.

Тотъ, кому пришлось пережить тревожное время семидесятыхъ годовъ, особенно въ Петербургѣ, не можетъ теперь не испытывать страннаго чувства, вспоминая о немъ: спасаясь отъ меньшей опасности, мы готовы были броситься на встрѣчу другой, гораздо большей и сдѣлать ошибку, которую поправить было бы невозможно.

Но всѣ тѣ бѣдствія, которыми намъ грозили наши конституціоналисты и въ неизбѣжность которыхъ вѣрило большинство общества, видя единственное спасеніе отъ нихъ въ слѣпомъ подражаніи Западу, вдругъ оказались далеко не такъ близки и неизбѣжны, какъ это думали тогда, а то лѣкарство, которое предлагалось противъ нихъ, было хуже самой болѣзни, не успѣвшей еще проникнуть въ глубь государственнаго организма

Но видѣть это легко только теперь, когда движенію общественной и государственной жизни дано было другое направленіе, и когда мы отошли на достаточное разстояніе отъ грозившей опасности, чтобы можно было судить болѣе спокойно и безпристрастно о ея размѣрахъ и характерѣ. Въ то время мы продолжа-

ли нестись ускореннымъ движеніемъ по тому пути, въ концѣ котораго, повидимому, роковымъ образомъ являлось отрицаніе идеи самодержавія, а слѣдовательно и монархіи, такъ какъ теперь едва-ли уже можно сомнѣваться, что всѣ остальные ея виды составляютъ лишь переходную ступень къ совершенно иной формѣ политической жизни. И вотъ, въ ту минуту, когда намъ грозила непоправимая ошибка, власть переходитъ въ руки Вождя неспособнаго поддаться никакимъ постороннимъ вліяніямъ, опасеніямъ и увлеченіямъ и глубоко убѣжденнаго въ своемъ призваніи дать Россіи внѣшній миръ и обезпечить ей внутреннее спокойствіе. Тогда задача эта казалась неразрѣшимою безъ ломки всего государственнаго строя,—и вдругъ выясняется, что неразрѣшимость эта только призрачная, основанная на софизмахъ мнимаго правоваго порядка, и что достаточно разсѣчь гордіевъ узелъ этихъ софизмовъ, чтобы вернуть странѣ спокойствіе и возможность нормальной государственной и общественной жизни; и это дѣлается безъ громкихъ фразъ, безъ героическихъ дѣкарствъ и безъ ломки того, что было жизнеспособнаго въ реформахъ предшествовавшаго царствованія.

На долю Императора Александра III выпала менѣе блестящая, но едва-ли не болѣе трудная

задача, чѣмъ та, которая досталась его предшественнику.

Императору Александру II приходилось рѣшать вопросы, назрѣвшіе въ теченіе многихъ десятилѣтій, онъ могъ быть увѣренъ не только въ сочувствіи, но и въ содѣйствіи большинства общества при осуществленіи задуманныхъ реформъ; только въ самомъ концѣ царствованія ему пришлось столкнуться съ противодѣйствіемъ или, по крайней мѣрѣ, съ пассивнымъ несочувственнымъ отношеніемъ тѣхъ элементовъ, которые прежде видѣли въ немъ носителя собственныхъ идеаловъ.

При совершенно иныхъ условіяхъ пришлось начинать свое царствованіе Императору Александру III. Большинство общества не понимало его, видѣло въ его мѣропріятіяхъ только регрессъ, только удаленіе отъ того идеала, достиженіе котораго уже казалось ему совсѣмъ близкимъ. Покойному Государю приходилось одиноко прокладывать новый путь, даже среди исполнителей своихъ предначертаній находя не столько усердныхъ сотрудниковъ, сколько слугъ, которые какъ бы нехотя и противъ собственныхъ убѣжденій выполняли свои обязанности,—и несмотря на это, то дѣло умиротворенія и успокоенія Россіи, на которое онъ полагалъ всѣ свои силы, подвигалось и крѣпло вопреки всѣмъ

зловѣщимъ предсказаніямъ завистниковъ и недоброжелателей.

Одному изъ дѣятелей предшествовавшаго царствованія приписываютъ изрѣченіе: «Съ русскимъ народомъ не сунтиться». Это глубоко вѣрное правило, которое такъ мало примѣнялъ на практикѣ его авторъ, стало какъ бы лозунгомъ слѣдующихъ лѣтъ, и сразу прекратились попытки перекраивать и перестраивать государство потому только, что оно не удовлетворяетъ требованіямъ того или другаго ученаго, или потому что въ немъ остается возможность частныхъ злоупотребленій, сразу стали считаться съ тою истиной, что недостаточно написать законы, соотвѣтствующіе всѣмъ требованіямъ современной науки, а надо еще найти для нихъ исполнителей.

Ни крупныхъ завоеваній, ни крупныхъ реформъ не дало минувшее десятилѣтіе; но оно дало больше того: увѣренность въ прочности и устойчивости существующаго порядка и возможность всѣмъ сословіямъ, учрежденіямъ и частнымъ лицамъ заниматься собственнымъ дѣломъ.

Можно сказать, конечно, что возможность эта существовала и прежде, но это было такъ развѣ только въ глухой провинціи, а никакъ не въ центрахъ, откуда направлялась вся госу-

дарственная и общественная жизнь и гдѣ даже самые спокойные люди не были увѣрены въ завтрашнемъ днѣ и невольно вовлекались въ водоворотъ политическихъ теченій. Чиновники, ученые, литераторы, всѣ одинаково чувствовали себя въ какомъ-то напряженномъ, переходномъ состояніи, и ни у кого не было спокойствія необходимаго, чтобы заниматься тѣмъ, что составляло его прямую обязанность.

Правительство чувствовало ненормальность и опасность такого положенія; но оно уже не могло, или думало что не можетъ, помѣшать этому. Самъ Императоръ, повидимому, раздѣлялъ это мнѣніе; онъ лично призывалъ общество къ борьбѣ съ анти-государственными и анти-соціальными элементами, безумныя покушенія которыхъ направлены были, очевидно, не столько противъ личности Государя, сколько противъ государства. Какъ же откликнулись на этотъ призывъ то общество и тѣ учрежденія, среди которыхъ онъ долженъ былъ, повидимому, найти самый живой отголосокъ?

Почти вся пресса звучитъ большинство поздравленій съ двадцатипятилѣтіемъ благополучнаго царствованія, гдѣ нѣтъ и помину объ этомъ призывѣ. Не только дѣятельной помощи правительству въ борьбѣ съ общимъ врагомъ, но даже громкаго негодованія на этого врага об-

щество не выражало, продолжая близоруко мечтать объ «увѣнчаніи зданія», когда самый фундаментъ его то и дѣло подкапывался.

Въ такомъ настроеніи застаетъ насъ громовый ударъ 1 марта. Сознало ли по крайней мѣрѣ тогда общество все легкомысліе и всю преступность своей нейтральности? Нѣтъ, оно только на минуту какъ будто ошеломлено было неожиданностью и скоро снова заняло свое прежнее положеніе, даже съ болѣе оппозиціоннымъ оттѣнкомъ. Къ счастію для Россіи и для самого общества, оппозиція эта оказалась совершенно безсильною предъ мощною волей и яснымъ сознаніемъ цѣли Императора Александра III.

Онъ не только не уступилъ этой оппозиціи, но какъ будто и не замѣчалъ ея. Отвѣтственный за дѣла свои передъ однимъ Богомъ, Онъ дорожилъ лишь свидѣтельствомъ собственной совѣсти. Не сразу могли оцѣнить современники значеніе такого характера. Сколько злобныхъ инсинуацій, сколько тупаго непониманія окружало всѣ Его дѣйствія, особенно, въ началѣ царствованія! Нельзя не упомянуть по этому поводу объ одной изъ первыхъ мѣръ, смыслъ которой не только не былъ понятъ, но часто извращался самымъ нелѣпымъ образомъ.

Переѣздъ Государя Императора въ Гатчину

не былъ только перемѣной резиденціи, обусловленной соображеніями личнаго характера: это была важная государственная мѣра, все значеніе которой стало ясно только впослѣдствіи.

Личная безопасность главы государства слишкомъ тѣсно связана со спокойствіемъ страны, чтобъ Онъ могъ рисковать жизнью, не рискуя и этимъ спокойствіемъ: никакія соображенія иного характера не могутъ перевѣсить для того, на комъ лежитъ отвѣтственность самодержавной власти, этой тяжелой обязанности, для выполненія которой требуется несравненно больше мужества чѣмъ то, которое нужно для самыхъ героическихъ подвиговъ на полѣ сраженія.

Никакія мѣры предосторожности не въ состояніи были предотвратить катастрофу перваго марта. Общество предчувствовало ее, ожидало ее и жило изо дня въ день подъ Дамокловымъ мечомъ опасности, безпрерывно мѣнявшей свои формы.

Переѣздъ Императора Александра III въ Гатчину сразу создалъ другое положеніе вещей. Конечно, и тамъ нельзя было считать покушеній абсолютно невозможными: но зло утратило характеръ ежеминутной близости и неизбѣжности. Явилась возможность думать и заботиться о текущихъ дѣлахъ безъ постояннаго опасенія, что всѣ эти заботы черезъ нѣсколько дней или часовъ окажутся совсѣмъ безполезными.

Вмѣстѣ съ тѣмъ получился другой, не менѣе важный, результатъ. Рядомъ съ относительною увѣренностью въ безопасности главы государства явилась возможность болѣе правильной государственной и частной дѣятельности въ столицѣ, и населеніе могло вздохнуть свободнѣе. Какое значеніе, въ самомъ дѣлѣ, могли представлять безопасность и интересы частныхъ лицъ, когда ежеминутно ставились на карту спокойствіе и безопасность Имперіи? Какое преступленіе могло удивить въ то время, когда среди бѣлаго дня, въ центрѣ города, шефъ жандармовъ становился жертвой ловкаго убійцы, когда взрывался Зимній Дворецъ, покушеніе слѣдовало за покушеніемъ, и присяжные не знали уже, кого они судятъ—обвиняемаго или потерпѣвшаго?

И вотъ это ненормальное положеніе вещей въ столицѣ, дѣятельность которой долго была парализована, сразу было устранено переѣздомъ Высочайшаго Двора въ Гатчину. Переѣздъ этотъ былъ, конечно, однимъ изъ многихъ актовъ, клонившихся къ возстановленію нормальнаго теченія жизни въ Имперіи, и невозможно въ бѣгломъ очеркѣ прослѣдить ихъ послѣдовательно, но во всѣхъ многочисленныхъ и разнообразныхъ мѣрахъ, преслѣдующихъ эту цѣль, есть одна общая черта: это совершенная простота,

полное отсутствіе всего, что́ сколько-нибудь было бы на эффектъ.

Эта простота сама по себѣ есть уже несомнѣнный признакъ великой нравственной силы: только такая сила не ищетъ никакихъ посторонніхъ прикрасъ и не боится являться такою, какъ есть. Чуждый всякой мысли о популярности Императоръ Александръ III не словомъ, а дѣломъ хотѣлъ выполнить свое призваніе и заслужилъ любовь своего народа и уваженіе Европы не какими-либо внѣшними подвигами, а тѣмъ глубокимъ сознаніемъ правды, которое составляло руководящую нить всей его жизни и всей его дѣятельности.

Замѣчательная чуткость къ жизненной правдѣ во всѣхъ ея видахъ заставляла Государя особенно ясно сознавать противорѣчія между этою дѣйствительною и тою формальною правдой, которая всюду творилась отъ Его имени. *Журналъ Министерства Юстиціи* прекрасно обрисовываетъ эту черту почившаго Императора. «Всегда строгое отношеніе покойнаго Государя къ уклоненіямъ отъ закона», говоритъ онъ, «умѣрялось только въ случаяхъ отсутствія злого умысла и личныхъ побужденій, или при стеченіи тягостныхъ обстоятельствъ, которыя быстро оцѣнивала его необычайная чуткость къ нравственному и бытовому характеру дѣла, и са-

мая законность представлялась верховному законодателю Русской земли не какъ бездушная условная форма, безъ жизненнаго и моральнаго содержанія, а какъ дѣйствительный оплотъ и живая охрана всего честнаго, разумнаго и полезнаго».

Эта особенность отразилась на всей законодательной дѣятельности минувшаго царствованія. Законодатель не спѣшилъ вводить коренныхъ преобразованій, стараясь только исправить то, что дѣйствительно требовало исправленія, и лишь тогда, когда обнаруживалось явное противорѣчіе между положительнымъ закономъ и дѣйствительною правдой, значеніе которой онъ такъ глубоко чувствовалъ, только тогда приступалъ онъ къ измѣненію этого закона. Такъ это было при введеніи въ дѣйствіе Положенія о земскихъ начальникахъ, когда для всякаго непредубѣжденнаго человѣка стало ясно, что правосудіе въ селахъ существуетъ только на бумагѣ и то не всегда; такъ это было и съ Высочайшимъ повелѣніемъ 7 апрѣля прошлаго года о пересмотрѣ судебныхъ уставовъ.

«То былъ послѣдній предсмертный призывъ Монархомъ судебныхъ дѣятелей къ самопровѣркѣ и совершенствованію», читаемъ мы въ томъ же журналѣ, «призывъ этотъ навсегда пребудетъ величайшимъ памятникомъ мудрой его попечительности о русскомъ судѣ».

«Святымъ завѣщаніемъ звучатъ намъ незабвенныя слова, начертанныя 7 апрѣля текущаго года на всеподданнѣйшемъ докладѣ министра Юстиціи»: твердо увѣренъ въ необходимости всестороннаго пересмотра нашихъ Судебныхъ Уставовъ, чтобы, наконецъ, дѣйствительное правосудіе царило въ Россіи. Итакъ, съ Божіею помощію начинайте эту трудную работу».

Именно въ этой возможности согласовать законъ съ дѣйствительною правдой, и возстановлять эту правду, если она случайно заслоняется буквой закона, состоитъ великое значеніе самодержавія, и въ это значеніе глубоко вѣрилъ покойный Императоръ.

Л. А. Тихомировъ прекрасно характеризовалъ Его какъ носителя идеала самодержавія. Только для характеровъ мелкихъ и легкомысленныхъ власть сама по себѣ можетъ казаться чѣмъ-то привлекательнымъ; но для такихъ людей, какъ Императоръ Александръ III она является тяжелою обязанностію, отъ которой они не могутъ отказаться и которою они не въ правѣ даже дѣлиться съ другими. Это бремя не они выбрали; но они должны нести его до конца.

Трудно найти въ исторіи другаго правителя, который съ такою простотой и съ такимъ яснымъ сознаніемъ долга остался бы вѣренъ своему служенію до послѣдняго дня своей жизни.

Значеніе такого характера не могло не отразиться и далеко за предѣлами нашего отечества; если бы мы усомнились въ собственномъ безпристрастіи и въ безчисленныхъ знакахъ сочувствія, которые доносятся къ намъ изъ Франціи,—вотъ голосъ человѣка незаинтересованнаго въ процвѣтаніи и могуществѣ Россіи: «Не мое дѣло», замѣчаетъ лордъ Розберри,—«говорить объ отношеніи Императора къ Его собственной Имперіи; но мы имѣемъ право безпокоиться объ Императорѣ въ его отношеніи къ иностраннымъ державамъ, а мы имѣемъ въ немъ Монарха, котораго девизъ, котораго царствованіе и котораго характеръ состоялн въ почитаніи истины и мира. Я не говорю, что Онъ будетъ поставленъ на ряду съ Цезарями и Наполеонами въ исторіи, съ тѣми великими завоевателями, которыми исторія занимается, можетъ-быть, черезчуръ много. Но если миръ имѣетъ свои побѣды, не менѣе знаменитыя, чѣмъ побѣды военныя, то Императоръ Всероссійскій имѣетъ не менѣе правъ на мѣсто въ исторіи, чѣмъ Наполеонъ и Цезарь».

Государственное и общественное служеніе.

Немногія, но знаменательныя слова, сказанныя Государемъ Императоромъ при пріемѣ дворянскихъ и земскихъ депутацій, служатъ драгоцѣннымъ залогомъ того, что не только во внѣшней, но и во внутренней политикѣ Россія будетъ держаться прежняго курса.

Слова эти должны были произвести ободряющее впечатлѣніе на всѣхъ, кому дорого спокойствіе и могущество государства, и отрезвляющее на тѣхъ, кто радъ былъ бы пуститься въ политику опытовъ и приключеній и кто, въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ. все позабывъ, не успѣлъ ничему научиться.

«Мнѣ извѣстно», сказалъ Государь Императоръ, «что въ послѣднее время слышались въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ голоса людей, увлекавшихся безсмысленными мечтаніями объ участіи представителей земства въ дѣлахъ внутренняго управленія. Пусть всѣ знаютъ, что

Я, посвящая всѣ Свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавія такъ же твердо и неуклонно, какъ охранялъ его Мой незабвенный, покойный Родитель».

Эти нѣсколько словъ лучше пространной рѣчи выражаютъ то направленіе, котораго будетъ держаться Верховная Власть въ Россіи въ дѣлахъ внутренней политики. Весьма знаменательнымъ является здѣсь упоминаніе о голосахъ людей, раздававшихся въ послѣднее время въ земскихъ собраніяхъ. Конечно, это были отдѣльные голоса, но если они дошли до престола и Государь Императоръ нашелъ нужнымъ упомянуть о нихъ, то мы въ правѣ предположить, что это не были совсѣмъ исключительные случаи.

Явленіе это само по себѣ настолько интересно, что на немъ стоитъ остановиться. Возможность такихъ голосовъ среди земскихъ собраній сама по себѣ показываетъ, до какой степени скользко и неумѣстно, къ сожалѣнію нерѣдко встрѣчающееся, обсужденіе въ этихъ собраніяхъ такихъ вопросовъ, которые не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ прямому назначенію земскихъ учрежденій.

Не странно-ли и не грустно-ли, въ самомъ дѣлѣ, что не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ со дня кончины Государя, доставившаго Россіи возможность продолжать свое мирное развитіе,

Библ

поколебленное продолжительною неур
какъ потребовалось твердое слово его Преем
чтобы напомнить слишкомъ забывчивымъ мечт
телямъ о границахъ общественной дѣятельности
въ самодержавномъ государствѣ?

Грустно здѣсь не то, что существуютъ такіе мечтатели и что они высказываются съ большею или меньшею откровенностью, а то, что ареной своей дѣятельности они избрали земскія собранія, имѣющія спеціальную и серьезную задачу.

Какъ бы ни было ошибочно то или другое мнѣніе, если оно выражается тамъ, гдѣ выражающій его имѣетъ право и обязанность его высказать, мы можемъ требовать отъ него только искренности.

Еслибы земскія собранія призваны были рѣшать вопросы внутренней политики, то какъ бы ни были несообразны тѣ или другія предложенія отдѣльныхъ гласныхъ, собранія обязаны были бы обсуждать ихъ; теперь же, наоборотъ, они не въ правѣ этого дѣлать, и всякое отступленіе отъ этого правила составляетъ прямое нарушеніе закона. Въ этомъ отношеніи законъ не предоставляетъ собраніямъ, думамъ или вообще какимъ бы то ни было общественнымъ учрежденіямъ даже тѣхъ правъ, которыя принадлежатъ каждому подданному въ отдѣльности, и это вполнѣ понятно, потому что учрежденія эти

имѣютъ свою задачу, въ предѣлахъ которой они снабжены достаточными полномочіями, а какъ только они выходятъ изъ нихъ, они перестаютъ уже быть государственными или общественными учрежденіями и превращаются въ случайное сборище лицъ, не имѣющихъ никакихъ опредѣленныхъ правъ и обязанностей.

Что касается собственно земства, то подъ этимъ словомъ можно разумѣть весьма различныя вещи, и такая неопредѣленность дала возможность нѣкоторой части нашей печати противополагать земскіе органы государственнымъ, несмотря на то, что не таково, очевидно, было намѣреніе ихъ основателя.

Подъ земствомъ можно разумѣть, съ одной стороны, все населеніе, такъ или иначе связанное съ землей, а съ другой—тѣ учрежденія, которыя были созданы Императоромъ Александромъ II, которыя имѣютъ ясно очерченный кругъ дѣятельности и наравнѣ съ сословными и другими учрежденіями составляютъ лишь часть общегосударственной организаціи. Смѣшеніе этихъ двухъ понятій составляетъ лишь игру словъ, которая, къ сожалѣнію, нерѣдко вводитъ въ заблужденіе людей, не привыкшихъ къ точному выраженію мысли. Еслибы Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ названо было какъ-нибудь иначе, напримѣръ—положеніемъ о Губернскихъ

и Уѣздныхъ Экономическихъ Съѣздахъ, то можно быть увѣреннымъ, что оно не вызвало бы и половины тѣхъ недоразумѣній, которыя то и дѣло возникаютъ и въ печати, и среди самихъ гласныхъ. Одно только слово земство даетъ поводъ то къ умышленному, то къ безсознательному смѣшенію существующихъ земскихъ учрежденій съ тѣмъ земствомъ, о которомъ нѣкоторые органы печати привыкли говорить какъ о представительствѣ всѣхъ народныхъ нуждъ, желаній и интересовъ.

Главная заслуга и достоинство земскихъ учрежденій, съ точки зрѣнія этихъ органовъ, состоитъ въ томъ, что они выборныя, коллегіальныя и несословныя. Ясно, однако, что всѣ эти преимущества должны были бы оправдываться и на практикѣ болѣе успѣшною дѣятельностью такихъ учрежденій, чего, къ сожалѣнію, незамѣтно въ дѣйствительности. Если въ нѣкоторыхъ случаяхъ тотъ или другой отдѣлъ земскаго хозяйства идетъ болѣе успѣшно, чѣмъ шелъ при старыхъ порядкахъ, то онъ и стóитъ за то несравненно дороже. Едва ли какому бы то ни было хозяину придетъ въ голову хвалиться тѣмъ, что молотилка, стоющая 1.000 р., молотитъ лучше и больше чѣмъ другая, стоющая 200, или тѣмъ, что на десятинѣ чернозема, за который онъ заплатилъ полтораста руб-

лей, хлѣбъ родится лучше, чѣмъ у другаго хозяина на песчаной почвѣ, стоющей двадцать; между тѣмъ бо́льшая часть восхваленій земскаго хозяйства сравнительно съ прежними порядками основана именно на такого рода сравненіяхъ.

Если же въ теченіе двадцатипятилѣтней дѣятельности земскихъ учрежденій результаты этой дѣятельности далеко не всегда и не вездѣ оказались блестящими, а во многихъ случаяхъ вышли прямо неудовлетворительными, то есть ли серьезное основаніе желать расширенія круга этой дѣятельности?

Толкуютъ о необходимости привлеченія лучшихъ силъ къ общественнымъ дѣламъ; но развѣ земство и вообще выборная служба есть единственный способъ общественнаго служенія? Указомъ министру Финансовъ недавно повелѣно вносить значительную сумму на пенсіи литераторамъ, ученымъ и публицистамъ; этимъ указомъ, очевидно, признается государственное значеніе помянутой дѣятельности; но этого мало: развѣ государственная служба въ самыхъ разнообразныхъ ея отрасляхъ есть что-нибудь замкнутое и недоступное для лучшихъ силъ общества? Развѣ она составляетъ какую-нибудь привилегію замкнутой касты? Что́, кромѣ собственнаго нежеланія, мѣшаетъ этимъ «лучшимъ силамъ» посвящать свой трудъ на благо государства въ

какой угодно отрасли? Неужели все то же знаменитое: «Служить бы радъ, прислуживаться тошно?»

Въ дѣйствительности причина уклоненія отъ болѣе опредѣленныхъ и точныхъ обязанностей государственной службы въ большинствѣ случаевъ бываетъ совсѣмъ иная: не такъ часто, въ самомъ дѣлѣ, встрѣчается на практикѣ горе отъ ума. Если значительная часть общественныхъ силъ уклоняется отъ государственной службы иначе какъ въ формѣ выборной, то совсѣмъ не потому, чтобы такъ трудно было найти службу, гдѣ можно было бы служить, а не прислуживаться, а потому, что эта часть общественныхъ силъ желаетъ не служить, а править и законодательствовать.

Каковы бы ни были полученные въ той или въ другой наукѣ результаты, наука не можетъ останавливаться на нихъ и постоянно должна стремиться къ завоеванію все новыхъ неизслѣдованныхъ областей. Совсѣмъ другое дѣло государственный строй, который никогда не долженъ мѣняться безъ дѣйствительной необходимости, потому что его прочность и устойчивость составляетъ одно изъ главныхъ условій спокойствія и благосостоянія народа.

Особенно въ настоящее время, въ виду того что происходитъ на Западѣ, надо быть слѣпымъ

чтобы не дорожить единствомъ власти, которое одно гарантируетъ насъ отъ неожиданныхъ и безпрерывныхъ политическихъ приключеній.

Никогда, можетъ быть, все значеніе Самодержавія не выступало съ такою силой какъ за послѣднее десятилѣтіе. Если только благодаря ему могли быть проведены безъ серьезныхъ внутреннихъ потрясеній реформы шестидесятыхъ годовъ, то лишь благодаря ему же возможно было бы остановить страну на скользкомъ пути, на который она вступила при нѣкоторой поспѣшности этихъ реформъ. Между двумя минувшими царствованіями поклонники шестидесятыхъ годовъ не только не видятъ связи, но готовы скорѣе признать полное противорѣчіе, несмотря на то, что сохраненіе тѣхъ положительныхъ результатовъ, которые были получены вслѣдствіе реформъ Императора Александра II, стало возможно лишь благодаря твердой политикѣ его преемника. Конечно, тѣхъ, кто на самыя реформы эти смотрѣлъ лишь какъ на переходную ступень, подобный результатъ не могъ удовлетворить; но для того, кто видѣлъ, что даже сдѣланное не успѣло вполнѣ привиться, и нерѣдко, находясь въ противорѣчіи съ народнымъ характеромъ и данными обстоятельствами, приносило болѣе вреда, чѣмъ пользы, для того не могло быть сомнѣнія, что

частныя поправки, внесенныя въ законоположенія шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, составляютъ не отмѣну и не искаженіе ихъ, а необходимое улучшеніе и развитіе. Правда, что скромная работа и полученные, благодаря ей, результаты не могли удовлетворить тѣхъ, кто видѣлъ жизнь только въ безпрерывномъ броженіи, а идеалъ государственнаго строя въ безусловномъ равенствѣ, кто считалъ порядокъ синонимомъ неподвижности и застоя. Кто-то изъ такихъ поклонниковъ движенія или броженія пустилъ въ ходъ фразу, что лучшій порядокъ можно найти на кладбищѣ, забывая, что только тамъ же можно найти и полное равенство.

Но не такова была, очевидно, мысль законодателя, руководившая имъ въ первой, дѣйствительной великой, его реформѣ. Не фантастическимъ требованіемъ равенства вызывалась необходимость отмѣны крѣпостнаго права, а вполнѣ яснымъ понятіемъ личной свободы. Если въ древности могли быть основанія, оправдывавшія, повидимому, существованіе рабства, то съ теченіемъ вѣковъ основанія эти исчезли, а какимъ бы именемъ ни называлось рабство, до тѣхъ поръ пока свобода одного отрицается ради выгоды другаго, сущность его остается одна и та же. Необходимость этой основной

реформы была ясна для всего общества еще задолго до ея осуществленія. Но тѣсно связаннымъ съ нею являлся и цѣлый рядъ другихъ реформъ, такъ какъ преобразованіе, совершенно измѣнившее взаимныя отношенія и внутреннюю жизнь двухъ коренныхъ сословій страны, не могло не отразиться и на всемъ государственномъ строѣ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что, благодаря неизбѣжной поспѣшности и невозможности постепенно провѣрять ихъ на опытѣ, позднѣйшія преобразованія оказались во многихъ отношеніяхъ неудовлетворительными; не трудно было бы тогда же мало-по-малу исправить то, что требовало исправленія и замѣнить болѣе примѣнимыми къ дѣйствительной жизни тѣ изъ законоположеній, которыя обязаны были своимъ происхожденіемъ исключительно кабинетнымъ измышленіямъ или слѣпому подражанію. Къ сожалѣнію, правительство въ то время настолько увлеклось своею системой, что уже не въ состояніи было замѣтить неправильности въ ея функціонированіи, а если и замѣчало, то приписывало другимъ, постороннимъ, причинамъ; стремясь всячески возбудить общественную самодѣятельность, оно настолько повѣрило въ ея силу и дѣйствительность, что перестало замѣчать все, что было искусственнаго въ этой самодѣятельности и, создавая самому себѣ оппозицію, повидимому не подозрѣвало этого.

Во второй части *Фауста* есть геніальная сцена, гдѣ Фаустъ предъ цѣлымъ дворомъ вызываетъ тѣнь Елены, но такъ увлекается видѣніемъ, что принимаетъ и ее, и Париса за нѣчто реальное и бросается къ нимъ съ опасностью жизни, несмотря на стараніе Мефистофеля, сидящаго въ суфлерской будкѣ, удержать его и напомнить, что въ концѣ концовъ все дѣлаетъ онъ самъ.

Нѣчто подобное случилось и съ правящими сферами въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ: онѣ приняли за реальную силу то, что было создано ими самими; какъ мыльные пузыри стали являться дутыя финансовыя предпріятія, какъ грибы выростали антиправительственные журналы, и въ школахъ, вмѣсто того чтобъ учить и учиться, толковали о политикѣ, а правительство серьезно думало, что оно уже не можетъ помѣшать движенію, и что только «общественныя силы» могутъ возстановить болѣе нормальный ходъ государственной жизни. Между тѣмъ дѣятельность этихъ силъ проявлялась главнымъ образомъ въ предъявленіи правительству все новыхъ требованій, чрезмѣрность и невыполнимость которыхъ оно начинало уже сознавать, хотя и не рѣшалось категорически заявить, что никогда не согласится на ихъ удовлетвореніе. Такимъ образомъ, въ большин-

свѣ общества, самодѣятельность котораго такъ старались вызвать, въ результатѣ получилась какая-то неудовлетворенность, разочарованность, какое-то общее глухое недовольство. Болѣе фанатичные, болѣе искренніе и неопытные элементы стали прямо въ отрицательное отношеніе къ государству, и получилась единственная реальная антиправительственная сила, очень скоро перешедшая отъ слова къ дѣлу, то-есть къ преступленіямъ. Но и тогда большинство общества продолжало наивно думать, что зло зависитъ лишь отъ неудовлетворительности политическаго строя въ Россіи; тогда не успѣли еще заявить о себѣ Гѣдели, Нобилинги, Вальяны и Равашоли, и можно еще было безпрепятственно разсуждать, что еслибы существовалъ у насъ парламентъ, не было бы Каракозовыхъ, Желябовыхъ, Засуличъ и т. п.

Между тѣмъ, ничтожная по числу, но сильная фанатизмомъ кучка людей продолжала дѣлать свое дѣло, и во всей Европѣ являлось убѣжденіе, что Россія стоитъ наканунѣ революціи.

Катастрофа 1 марта совершенно измѣнила положеніе: шайка оказалась простою шайкой, кругомъ ничто не двинулось, и стало вполнѣ ясно, что въ Россіи революцію можетъ сдѣлать только само правительство. Правда, что и послѣ 1 марта тѣ «силы», которыя требовали даль-

нѣйшихъ реформъ, продолжали по привычкѣ еще требовать чего-то, но убѣдившись, что правительство уже перестало вѣрить въ ихъ реальность, скоро и онѣ совсѣмъ успокоились.

Но если прекратилось безплодное броженіе и блужданіе, въ которомъ нѣкоторые публицисты и общественные дѣятели видѣли единственное выраженіе общественной жизни, то именно эта невозможность заниматься политикой для людей не призванныхъ къ ней и заставила ихъ употребить свои силы на болѣе полезныя и практическія задачи.

Если припомнить, напримѣръ, какъ встрѣчено было Положеніе о земскихъ начальникахъ и какіе результаты оно дало въ послѣдствіи, то нельзя не видѣть, что пустыми фразами оказались всѣ хвалы бывшимъ мировымъ учрежденіямъ и вся ядовитая критика противъ новыхъ порядковъ, при которыхъ будто бы невозможно было продолженіе службы для лучшихъ, то-есть прежнихъ дѣятелей. Значительная часть, а можетъ быть и большинство, этихъ дѣятелей, несмотря на свое теоретическое осужденіе новаго закона, превратилось въ земскихъ начальниковъ безо всякаго ущерба и даже съ пользой для дѣла.

Введеніе института земскихъ начальниковъ было, можетъ быть, самою крупною мѣрой во внутренней политикѣ минувшаго царствованія,

по мѣра эта была совершенно чужда какой бы то ни было предвзятой мысли и вызвана несомнѣнною практическою необходимостью установленія порядка въ сельской средѣ, которая послѣ реформъ 19 февраля была какъ будто позабыта и предоставлена на произволъ судьбы или такихъ представителей власти, для которыхъ сильнѣйшимъ мотивомъ какъ административныхъ, такъ и судебныхъ рѣшеній оказывалась водка.

Что новый порядокъ не свободенъ отъ нѣкоторыхъ недостатковъ и требуетъ исправленій, это совершенно вѣрно, но имъ устранено, по крайней мѣрѣ, это главное и очевидное зло.

Кромѣ того, пользуясь общественными силами, то-есть допуская ихъ до серьезнаго и живаго дѣла въ той или другой мѣстности, внѣ общаго порядка прохожденія гражданской службы, Положеніе о земскихъ начальникахъ сдѣлало ихъ членами общей государственной организаціи и тѣмъ самымъ исключило возможность противоположенія общественной и государственной службы; тотъ же результатъ былъ достигнутъ, хотя и не столь удачно, относительно земскихъ учрежденій пересмотромъ Положенія о нихъ. Разумѣется, и тутъ могли быть частныя ошибки и недосмотры, но Самодержавная власть въ Россіи никогда не приписывала себѣ ни Божескаго всевѣдѣнія, ни папской непогрѣшимости.

Значеніе сословной организаціи.

Бываютъ положенія, которыя пользуются непрекаемостью аксіомъ, не потому чтобы сами по себѣ они были очевидны или разъ на всегда доказаны съ полною достовѣрностью, а потому что они нравятся большинству, которое не требуетъ отъ нихъ не только доказательности, но даже ясности.

Однимъ изъ такихъ излюбленныхъ положеній въ нашъ вѣкъ является равенство всѣхъ людей. Что собственно означаютъ эти слова, разумѣются ли здѣсь дѣйствительно *всѣ люди*, или только *правоспособные*, чѣмъ опредѣляется правоспособность? О какомъ равенствѣ говорится? О гражданскомъ и политическомъ только, или и объ экономическомъ? Все это такіе вопросы, на которые большинство не только не отвѣчаетъ, но которыхъ оно и не различаетъ; между тѣмъ они совсѣмъ не такъ тѣсно связаны между собой, чтобы положительный отвѣтъ на одинъ изъ нихъ долженъ былъ повлечь непремѣнно такой же отвѣтъ и на остальные.

Нерѣдко случается, что ученіе о равенствѣ всѣхъ людей хотятъ основать на религіозныхъ истинахъ, и этотъ софизмъ вводитъ въ заблужденіе очень многихъ, такъ какъ они не замѣчаютъ, что здѣсь сравниваются величины совершенно несоизмѣримыя, и къ юридическимъ, и экономическимъ вопросамъ прилагается такой методъ, который упраздняетъ и право, и политическую экономію.

Равенство всѣхъ людей передъ Божествомъ очевидно не только съ религіозной, но и съ философской точки зрѣнія. Такъ же какъ каждая данная величина въ сравненіи съ безконечностью превращается въ нуль, такъ каждое конкретное, ограниченное существо превращается въ ничто въ сравненіи съ Безусловнымъ, Неизмѣннымъ и Вѣчнымъ.

Понятно что для того, кто стоитъ на такой нравственной высотѣ, что можетъ руководствоваться въ жизни лишь вѣчными божественными законами, всѣ остальные становятся безполезными.

Но что общаго между такою точкой зрѣнія и тѣмъ экономическимъ и соціальнымъ равенствомъ, которое разумѣетъ большинство людей? Неужели можно серьезно думать, что тотъ соціальный строй, который, по мнѣнію современныхъ утопистовъ, долженъ вытекать изъ всеоб-

щаго равенства, похожъ на царство Божіе, какъ разумѣетъ его христіанство? Въ христіанствѣ болѣе или менѣе отрицательное отношеніе къ собственности вытекаетъ изъ стремленія къ другому, несравненно высшему благу,—въ современныхъ соціальныхъ теоріяхъ отрицаніе существующаго распредѣленія собственности вытекаетъ изъ стремленія къ этой же собственности.

Но до тѣхъ поръ, пока жажда собственности является источникомъ ея отрицанія, не ясно ли, что могутъ мѣняться только ея обладатели, а сама она, какъ мотивъ человѣческой дѣятельности, будетъ безпрерывно возникать въ новой формѣ, и чѣмъ меньше она будетъ обезпечена, тѣмъ легче станетъ источникомъ вражды и раздоровъ.

Между тѣмъ экономическое неравенство есть несомнѣнно самое существенное, то, которое наиболѣе вызываетъ вражды и зависти.

Всѣ остальныя преимущества и привилегіи имѣютъ значеніе лишь тогда, когда они связаны съ имущественною обезпеченностью.

Прошло то время, когда приманка мнимыхъ политическихъ правъ могла заставить массы позабыть объ этомъ главномъ и единственно существенномъ для нихъ вопросѣ.

Для громаднаго большинства всѣ привилегіи и политическія права могутъ имѣть значеніе только какъ средство достигнуть этой окончательной цѣли.

Вотъ почему либерализмъ въ собственномъ смыслѣ, безъ нѣкотораго соціалистическаго оттѣнка, становится анахронизмомъ и съ каждымъ годомъ все болѣе теряетъ свое значеніе.

Но есть два пути, которые могутъ, повидимому, привести къ осуществленію соціальныхъ мечтаній: одинъ состоитъ въ такомъ умноженіи всѣхъ существующихъ матеріальныхъ благъ, которое сдѣлало бы ихъ доступными всѣмъ, другой—въ такомъ распредѣленіи или даже уничтоженіи ихъ, которое сдѣлало бы невозможнымъ для нѣкоторыхъ пользоваться тѣмъ, чѣмъ не пользуются всѣ остальные. Первый путь болѣе по сердцу теоретикамъ-оптимистамъ, второй выбираютъ люди озлобленные жизнью,—онъ несомнѣнно проще и скорѣе ведетъ къ цѣли, хотя и невидно какую существенную пользу можетъ отъ него получить тотъ, кто страдаетъ теперь отъ неблагопріятныхъ экономическихъ условій? Утѣшеніе, что и остальные не въ лучшихъ условіяхъ, само по себѣ слабо и похоже на то, какъ еслибы человѣкъ, продрогшій отъ холода, потребовалъ отъ проходящаго въ шубѣ, чтобы тотъ снялъ эту шубу, но не

для того, чтобы отдать ему, а чтобы бросить въ рѣку.

Конечно, для тѣхъ, кто думаетъ, что достаточно передѣлить наличныя имущества, чтобы ихъ съ избыткомъ хватило на всѣхъ, вопросъ значительно упрощается; но не надо спеціальныхъ экономическихъ познаній и особой психологической проницательности, чтобы видѣть всю призрачность такихъ мечтаній, не говоря уже о нравственномъ характерѣ подобнаго «передѣла».

Экономическое благосостояніе рабочихъ классовъ составляетъ несомнѣнную и вполнѣ законную задачу всѣхъ соціальныхъ стремленій. Къ сожалѣнію, демагогическіе элементы почти всздѣ успѣли уже подмѣнить эту задачу другимъ, невыполнимымъ, требованіемъ экономическаго равенства, и сдѣлать это имъ было тѣмъ легче, что представленіе объ экономическомъ благосостояніи неимущіе классы скорѣе всего могли составить по сравненію собственнаго положенія съ положеніемъ классовъ обезпеченныхъ. Требовать отъ рабочаго, чтобъ онъ понялъ относительность понятія обезпеченности, когда этого сплошь и рядомъ не могутъ сдѣлать даже люди вполнѣ развитые, было бы странно. Но тѣмъ болѣе опасными являются тѣ софизмы, благодаря которымъ въ народныхъ массахъ укореняется мнѣніе,

что причина ихъ необезпеченности заключается въ обезпеченности немногихъ. Устранить большею частью кажущееся, а иногда и дѣйствительное противорѣчіе между трудомъ и капиталомъ—это, можетъ быть, главная и самая трудная задача современнаго государства, но она исполнима только тамъ, гдѣ государственный строй не расшатанъ и не нуждается въ компромиссахъ, расшатывающихъ его еще больше. Въ такомъ государствѣ политическая дѣятельность можетъ еще быть средствомъ для достиженія общаго блага, а не способомъ удовлетворенія личныхъ или партійныхъ интересовъ. Въ такомъ государствѣ имущіе классы могутъ еще оставаться правящими классами, не вызывая тотчасъ же подозрѣнія, что они стремятся быть правящими только для того, чтобы сдѣлаться имущими.

Правда, что съ демократической точки зрѣнія никакихъ правящихъ классовъ не надо, потому что народъ управляетъ самъ собой; но такъ какъ подобное выраженіе есть только метафора, смыслъ которой состоитъ въ томъ, что народъ управляется нѣкоторымъ числомъ лицъ выбранныхъ большинствомъ голосовъ, то очевидно что и при демократическомъ образѣ правленія существуетъ все-таки правящій классъ, хотя составъ его опредѣляется не тѣмъ или другимъ

цензомъ, или закономъ вообще, а числомъ полученныхъ избирательныхъ голосовъ.

А чѣмъ обусловливается избраніе народныхъ представителей и слѣдовательно политическихъ дѣятелей? личными достоинствами и заслугами избираемыхъ? Едва ли. За немногими исключеніями тутъ играютъ роль совершенно другіе факторы, и однимъ изъ главныхъ оказывается если не подкупъ, то нѣчто весьма на него похожее. Во всякомъ случаѣ необходимо угожденіе вкусамъ и инстинктамъ толпы. Понятно, что при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ теперь обыкновенно ведется избирательная борьба, лучшимъ элементамъ далеко не всегда охота участвовать въ ней.

Чѣмъ легче доступъ къ правительственной дѣятельности, тѣмъ шире оказывается кругъ лицъ, изъ которыхъ можетъ производиться выборъ дѣятелей; но преимущество это становится совершенно призрачнымъ, когда избиратели имѣютъ лишь смутное или невѣрное представленіе объ избираемыхъ.

Избиратель находится тогда въ положеніи неопытнаго покупщика, передъ которымъ рыночные торговцы расхваливаютъ свой гнилой товаръ и бранятъ сосѣдній; понятно, что при такого рода условіяхъ вырабатывается новый политическій классъ—необходимое условіе при-

надлежности, къ которому составляетъ очень широкая мораль, допускающая всевозможные компромиссы. Популярность достигается двумя способами—или великими дѣлами, которыя невольно вызываютъ уваженіе и удивленіе, или такими дѣлами и рѣчами, которыя совпадаютъ со вкусами толпы и льстятъ ея инстинктамъ; популярность перваго рода такъ же рѣдка, какъ и дѣйствительно великія дѣла, вторая достигается гораздо легче, и отъ Буланже, напримѣръ, не потребовалось никакихъ подвиговъ для того, чтобы на время стать самымъ популярнымъ человѣкомъ во Франціи. Правда, что въ такого рода популярности значительную роль играетъ случай, но одного случая мало, и необходимо умѣніе пользоваться имъ, а умѣніе это состоитъ въ томъ, чтобы всегда говорить и дѣлать то, что нравится массѣ, и никогда не навлекать на себя ея неудовольствія. Только такого рода умѣніе даетъ возможность сохранить случайно пріобрѣтенное положеніе. Стараніе нравиться и примѣняться къ чужимъ вкусамъ ради личныхъ цѣлей не пользуется вообще уваженіемъ, но тутъ для него дѣлается исключеніе, хотя трудно понять, почему лесть толпѣ болѣе почтенна чѣмъ лесть отдѣльнымъ лицамъ, когда, по своимъ результатамъ, она едва ли не болѣе вредна. Цари и

высокопоставленныя лица, которымъ часто приходится выслушивать лесть, пріобрѣтаютъ, по крайней мѣрѣ, навыкъ отличать ее отъ правды, такъ что она иногда небезопасна для самихъ льстецовъ. Ничего подобнаго не должны бояться искатели популярности,—чѣмъ больше они будутъ поддѣлываться подъ вкусы толпы, тѣмъ больше они могутъ разсчитывать на успѣхъ.

Политическая жизнь Западной Европы съ каждымъ днемъ даетъ намъ новыя доказательства, какого рода типъ политическихъ дѣятелей вырабатываетъ демократическій принципъ верховной власти народа. Но кому бы ни принадлежала верховная власть въ государствѣ, она несомнѣнно нуждается въ исполнительныхъ органахъ, а законодательная, судебная или административная дѣятельность требуетъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ познаній и опытности, которыя недоступны массѣ народа, занятой совершенно другаго рода, большею частью матеріальнымъ, трудомъ. Въ виду этого, правительственная дѣятельность, по самому существу своему, неизбѣжно становится нѣкотораго рода профессіей, и это не только не представляетъ ничего нежелательнаго и неправильнаго, но, наоборотъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ общему принципу раздѣленія труда, лишь бы трудъ этотъ былъ направленъ къ одной общей цѣли, а не

къ эксплуатаціи однимъ сословіемъ или классомъ всѣхъ остальныхъ.

Въ государствѣ, гдѣ твердая самодержавная власть стоитъ неизмѣримо выше сословій и партій, не можетъ быть и рѣчи о подобной эксплуатаціи; но и тамъ весьма возможенъ вопросъ, насколько сословная организація содѣйствуетъ или, на оборотъ, препятствуетъ выполненію предначертаній верховной власти, направленныхъ къ общему благу всего государства?

Была пора, когда и въ Россіи вопросъ этотъ, повидимому, становился на очередь.

Представляя изъ себя сословіе служилое, русское дворянство до половины нынѣшняго столѣтія не сомнѣвалось, повидимому, въ своемъ значеніи. Каковы бы ни были слабости и недостатки отдѣльныхъ его членовъ, трудно не признать, что какъ сословіе оно до сихъ поръ выполнило свою задачу, давая государству контингентъ дѣятелей, стоящихъ на высотѣ своего призванія въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ политической жизни.

Только въ шестидесятыхъ годахъ сословныя привилегіи стали разсматриваться многими, какъ нѣчто устарѣлое, несправедливое и почти постыдное.

Не таковъ, очевидно, былъ взглядъ самого законодателя даже въ шестидесятыхъ годахъ, когда,

не только не отмѣняя сословной организаціи, онъ руководящую роль въ своихъ реформахъ возлагалъ на дворянство.

Но духъ времени и погоня за популярностью заставили многихъ отречься отъ своихъ правъ и обязанностей.

Многіе среди самого дворянства не поняли или не хотѣли понять, что принадлежность къ этому сословію не только даетъ имъ нѣкоторыя преимущества, но и возлагаетъ на нихъ серьезную нравственную отвѣтственность.

Конечно, глупы были тѣ гуси, которые, будучи «годны лишь на жаркое», кичились своими предками, спасшими Римъ; но едва ли не глупѣе тѣ люди, которые отрекаются даже отъ прошлаго, потому что ни къ чему уже неспособны въ настоящемъ.

Долгое время дворянство и духовенство были единственными сословіями, обладавшими нѣкоторымъ уровнемъ образованія, и потому одни могли давать государственныхъ и общественныхъ дѣятелей.

Но постоянно возрастающее число высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній естественно должно было измѣнить положеніе вещей; явился новый классъ людей не подходящихъ, или не желающихъ подойти подъ тѣ разряды, которые были установлены закономъ. Явилась такъ-называемая

«интеллигенція». Чѣмъ опредѣляется принадлежность къ ней? Образованіемъ, профессіей, убѣжденіями?

Если образованіемъ, то зачѣмъ бы, казалось, выдумывать это новое, и къ тому же довольно безграмотное, слово, получившее, однако, право гражданства въ нашей печати? Но дѣло въ томъ, что «интеллигентъ» и человѣкъ образованный далеко не одно и то же, и это сразу чувствуется.

Человѣкъ образованный, изъ какого бы сословія онъ ни вышелъ, сразу находитъ себѣ опредѣленное мѣсто среди общества; другое дѣло «интеллигентъ», который никакъ не знаетъ куда ему пристроиться, и которому кажется, что всему виной государство и общество.

Казалось бы, окончаніе курса или пребываніе въ томъ или другомъ учебномъ заведеніи и пріобрѣтеніе кое-какихъ познаній ничего не мѣняетъ въ общественномъ положеніи того или другаго лица, и мѣщанинъ или крестьянинъ, окончившій курсъ въ гимназіи или въ городскомъ училищѣ, могъ бы, если не перейдетъ въ другое сословіе, остаться крестьяниномъ или мѣщаниномъ; на самомъ дѣлѣ оказывается не то: кончивъ курсъ или даже побывавъ въ томъ или другомъ учебномъ заведеніи, онъ уже не желаетъ вернуться къ прежнему своему положенію и занятіямъ и предпочитаетъ записаться

въ разрядъ интеллигентовъ, причемъ ему кажется, что если государство дало ему нѣкоторое образованіе и вывело его изъ старой колеи, то оно обязано дать ему средства эксплуатировать это образованіе какъ способъ добыванія денегъ, или, если онъ въ нихъ не нуждается, какъ способъ достиженія болѣе или менѣе виднаго общественнаго положенія.

Ненормальная постановка дѣла высшаго и средняго образованія вызываетъ у насъ недостатокъ дѣйствительно образованныхъ людей, подготовленныхъ къ государственной дѣятельности, и въ то же время избытокъ интеллигентовъ, которые смотрятъ на нее исключительно какъ на способъ обезпеченнаго существованія.

Число кончающихъ курсъ растетъ съ каждымъ годомъ, а между тѣмъ уровень образованности едва ли не падаетъ; происходитъ не популяризація, а вульгаризація знаній, и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Правда, и прежде науки у насъ не особенно процвѣтали, и всѣ учились понемногу, чему-нибудь и какъ-нибудь. Но наука не являлась тогда простѣйшимъ средствомъ для полученія необходимаго заработка. Учитель или профессоръ, не пропускающій на экзаменѣ неспособнаго или неподготовленнаго ученика, не чувствовалъ себя злодѣемъ, лишающимъ, можетъ быть, цѣлую семью средствъ существованія.

Матеріальная обезпеченность высшаго государственнаго сословія давала ему возможность не только на государственной службѣ, но и въ такъ-называемыхъ либеральныхъ профессіяхъ преслѣдовать не однѣ матеріальныя выгоды.

Если дворянство, по своему положенію, играло въ нашей государственной жизни болѣе видную роль, чѣмъ остальныя сословія, это не значитъ, чтобы дѣятельность послѣднихъ была менѣе существенна, и нигдѣ, кромѣ нѣкоторой части интеллигенціи, отставшей отъ одного сословія и не пристав шей къ другому, не чувствуется никакого антагонизма и никакого предубѣжденія противъ сословной организаціи.

Въ этомъ залогъ прочности нашей государственной организаціи.

Не въ сліяніи сословій можно искать рѣшенія все ближе надвигающагося соціальнаго вопроса, а въ дружномъ и согласномъ дѣйствіи ихъ подъ руководствомъ твердой правительственной власти.

Наука и профессія.

Было время, когда наука составляла въ государствѣ нѣкотораго рода контрабанду, когда стремленіе изслѣдовать области еще недоступныя человѣку считалось, если не прямо преступнымъ и вреднымъ, то, по крайней мѣрѣ, безполезнымъ и самонадѣяннымъ, время когда Шарко, Ришэ, Пастэра или Эдиссона сожгли бы за колдовство или, по крайней мѣрѣ, отправили бы оканчивать жизнь въ монастырѣ.

Въ нашъ вѣкъ наукѣ нечего бояться подобныхъ гоненій; наоборотъ, она занимаетъ въ государствѣ и въ обществѣ настолько твердое и почетное положеніе, что подъ ея флагомъ сплошь и рядомъ проходятъ вещи ничего общаго съ ней не имѣющія. Въ то время когда Священное Писаніе объявлялось единственнымъ источникомъ знаній, его тексты перетолковывались вкривь и вкось, чтобы можно было привлечь ихъ къ рѣшенію вопросовъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ религіи; теперь проис-

ходитъ какъ разъ обратное явленіе: отъ имени положительной науки проповѣдуются иногда такія религіозныя, нравственныя или эстетическія теоріи, которыя, очевидно, ничего общаго съ нею имѣть не могутъ.

Наука не только никого уже не подвергаетъ опасности, но, наоборотъ, служитъ однимъ изъ распространенныхъ способовъ для добыванія матеріальныхъ средствъ. Такого рода положеніе, конечно, лучше прежняго, такъ какъ нельзя серіозно желать, чтобы всѣ ученые были мучениками науки и приносили ей въ жертву если не самую жизнь, то всѣ ея радости и удобства; но есть и обратная сторона у этой медали: въ то время, когда наука ничего не давала кромѣ знаній, ею занимались люди дѣйствительно искавшіе самихъ знаній, а не того, что болѣе или менѣе случайно связано съ ними. Благодаря этому, въ научной сферѣ возможны были заблужденія, но не было мѣста ни для сознательной лжи, ни для механическаго повторенія затверженныхъ фразъ, безъ яснаго пониманія ихъ значенія.

Съ той минуты, какъ наука сдѣлалась профессіей, иногда даже довольно выгодною, явилось два рода ученыхъ: одни, которые посвящали себя наукѣ ради самой науки; другіе — которые выбирали научную дѣятельность ради

тѣхъ или другихъ доставляемыхъ ею выгодъ. Конечно, и тутъ, какъ во всемъ остальномъ, между двумя крайностями существуютъ посредствующія звенья; но едва-ли мы ошибемся, сказавъ, что, вмѣстѣ съ улучшеніемъ матеріальнаго благосостоянія ученыхъ, желаніе проникнуть въ ихъ ряды возрастало среди толпы гораздо быстрѣе нежели жажда знаній.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, значительно измѣнилось и понятіе о самой наукѣ. Если въ прежнее время основаніемъ каждой науки являлась философія, безъ которой немыслима сознательная и разумная классификація знаній, то теперь большинство «ученыхъ» поспѣшило какъ можно скорѣе избавиться отъ этого, по ихъ мнѣнію, совсѣмъ ненужнаго балласта. Получилась все бо́льшая спеціализація знанія, и у людей съ узкимъ кругозоромъ явилось убѣжденіе, что наблюденіемъ безчисленнаго множества фактовъ въ той или другой отрасли науки можно замѣнить пониманіе немногихъ всеобщихъ законовъ. Параллельно съ такимъ измѣненіемъ въ области самостоятельныхъ научныхъ изслѣдованій, должно было произойти такое же измѣненіе во взглядахъ на значеніе образованія. Явилось смѣшеніе спеціальнаго образованія съ высшимъ. Большинство общества наивно стало думать, что для того, чтобы получить высшее образованіе доста-

точно пробыть въ томъ или другомъ заведеніи нѣкоторое число лѣтъ или послушать тѣ или другія лекціи, а въ какомъ заведеніи или какія именно лекціи—это приблизительно безразлично. Если въ университетахъ связь, большею частью фиктивная, между различными факультетами давала еще нѣкоторое кажущееся основаніе такой точкѣ зрѣнія, то очевидно, что въ другихъ спеціальныхъ, такъ называемыхъ высшихъ, учебныхъ заведеніяхъ не могло быть ничего подобнаго, и общеобразовательное значеніе Морскаго корпуса, Медико-Хирургической Академіи, или Историко-Филологическаго Института далеко неодинаково. Смѣшеніе общеобразовательныхъ знаній со спеціальными содѣйствовало исчезновенію убѣжденія, что можно быть образованнымъ человѣкомъ не будучи ученымъ, но нельзя быть серіознымъ ученымъ (въ какой бы то ни было сферѣ) не будучи образованнымъ человѣкомъ.

Благодаря этому, получились самые печальные и самые неожиданные результаты въ средѣ самихъ ученыхъ. Обладая иногда весьма обширными свѣдѣніями въ своей спеціальности, они нерѣдко стали дѣлать такія обобщенія изъ этихъ свѣдѣній, которыя объясняются лишь полнымъ незнакомствомъ съ другими отраслями знанія. Благодаря современному стремленію къ специа-

лизаціи, каждый научный вопросъ сейчасъ же вызываетъ гипотезу, которая легко превращается въ теорію, а теорія эта становится самостоятельною отраслью науки, если не цѣлою наукой, и въ свою очередь вызываетъ появленіе ученыхъ, которые смотрятъ на нее какъ на свою спеціальность или профессію.

Съ точки зрѣнія публики, не посвященной въ подробности дѣла, прежде всего является вопросъ, какую практическую пользу можно извлечь изъ новой отрасли знанія, то-есть, и во-вторыхъ, насколько и какъ она примѣнима къ жизни, какую пользу изъ нея могутъ извлечь люди, которые ею занимаются?

Выборъ той или другой спеціальности въ девяти десятыхъ, если не въ девяносто девяти сотыхъ случаевъ, опредѣляется совсѣмъ не личными вкусами принимающагося за изученіе науки, а совершенно иными соображеніями, состоящими главнымъ образомъ въ томъ, какого рода приложеніе могутъ получить пріобрѣтенныя знанія. Наука при такихъ условіяхъ является средствомъ, а не цѣлью, и это необходимо имѣть въ виду при организаціи высшаго и спеціальнаго образованія. Если бъ учащихся влекла въ аудиторіи одна только жажда знанія, то это же стремленіе помогло бы имъ и разобраться въ тѣхъ противорѣчіяхъ, на которыя они тамъ на-

талкиваются (хотя для многихъ это было бы не по силамъ). Но такъ какъ мотивы тутъ большею частью совсѣмъ иного рода, то слушатели поступаютъ проще и усвоиваютъ себѣ то что имъ больше нравится, пропуская остальное мимо ушей. Каждый серіозный преподаватель, добросовѣстно относящійся къ своему дѣлу, долженъ имѣть это въ виду. Нельзя требовать отъ молодыхъ людей, еще не привыкшихъ къ самостоятельной научной работѣ, чтобъ они спокойно и безпристрастно взвѣшивали противоположные аргументы и, въ своихъ заключеніяхъ, руководствовались исключительно требованіями логики. Въ виду этого, простое изложеніе противорѣчивыхъ гипотезъ, безъ достаточно ясной и убѣдительной оцѣнки ихъ, не расширяетъ кругозора учащихся, а вноситъ въ него сбивчивость и неопредѣленность. Столь же непозволительно, если не хуже того, для преподавателя, выдаваніе своихъ догадокъ и мнѣній за безспорныя научныя истины. Онъ всегда долженъ помнить, что на каѳедрѣ онъ не изслѣдователь, а преподаватель, и что то, что̀ можетъ быть весьма интересно и полезно въ сообщеніи ученому обществу, можетъ оказаться неумѣстнымъ и вреднымъ предъ слушателями, которые не могутъ еще отнестись къ сообщаемому критически.

Несмотря на это, предоставленіе профессорамъ права говорить о чемъ угодно и все что̀ имъ вздумается называется у насъ свободой преподаванія и въ желаніи сколько-нибудь регулировать преподаваніе установленіемъ болѣе или менѣе обязательной программы видятъ покушеніе на достоинство науки и на свободу научныхъ изслѣдованій.

Для научнаго изслѣдованія необходима неограниченная свобода, не стѣсняемая не только никакими матеріальными условіями, но даже самыми высокими нравственными соображеніями; исходная точка такого изслѣдованія есть Декартовское сомнѣніе, и ничто не должно предрѣшать результатовъ научнаго процесса мышленія, или склонять его въ ту или другую сторону.

Но нужно грубое невѣжество или значительная доля недобросовѣстности, чтобы смѣшивать эту необходимую *свободу изслѣдованія* со *свободой преподаванія*. Цѣль каждаго изслѣдованія составляетъ познаніе чего-либо еще неизвѣстнаго, а цѣль преподаванія состоитъ, наоборотъ, въ сообщеніи ученикамъ или слушателямъ чего-либо уже извѣстнаго.

Профессора сообщающіе слушателямъ свои личные взгляды могутъ, повидимому, сослаться на то что они глубоко убѣждены въ ихъ истинѣ,

но они не могутъ не знать, что для преподаванія еще недостаточно такой субъективной истины. Итакъ, желательно строгое различеніе преподаванія и научнаго изслѣдованія. Къ сожалѣнію, различеніе это очень затрудняется тѣмъ, что самостоятельные ученые часто бываютъ преподавателями, а хорошіе преподаватели имѣютъ почти всегда претензію быть самостоятельными учеными. Пріобрѣтеніе значительнаго запаса знаній, необходимаго для преподаванія, естественно даетъ надежду сдѣлать новый шагъ въ изслѣдуемой области и вводитъ иногда въ заблужденіе относительно собственныхъ силъ; съ другой стороны, каждое дѣйствительное или мнимое завоеваніе въ этой области вызываетъ желаніе подѣлиться съ другими этимъ завоеваніемъ. Это не мѣшаетъ, однако, хорошимъ преподавателямъ быть посредственными учеными и хорошимъ ученымъ — плохими преподавателями, такъ что оба эти качества совмѣщаются лишь въ исключительныхъ случаяхъ.

Совмѣщеніе преподавательской и чисто научной дѣятельности, составляющее обычное явленіе, объясняется не столько внутреннею связью между ними, сколько тѣмъ, что чисто-научная дѣятельность, несмотря на почетъ, которымъ она пользуется, сама по себѣ большею частію

не даетъ достаточнаго матеріальнаго обезпеченія.

Для того, кто выбралъ преподаваніе какъ профессію, обезпечивающую нѣкоторый доходъ и нѣкоторое общественное положеніе, вопросъ ставится относительно просто: даже вполнѣ добросовѣстно исполняя свои обязанности, онъ можетъ въ свободное время пополнять свои научныя знанія насколько отъ него требуетъ этого его профессія. Гораздо труднѣе положеніе того преподавателя, для котораго наука составляетъ не средство, а цѣль; посвящая бо́льшую часть своего вниманія и своего труда научнымъ изслѣдованіямъ, онъ рискуетъ не исполнить своихъ преподавательскихъ обязанностей, а занимаясь ими вполнѣ добросовѣстно, ему не хватаетъ времени для самостоятельныхъ изслѣдованій. Конечно, на практикѣ многіе изъ ученыхъ успѣваютъ не только справиться съ такими трудностями, но и дѣлать многое, что̀ никакого отношенія къ наукѣ не имѣетъ; но это доказываетъ или совершенно исключительныя способности, или нѣкоторое равнодушіе ко всему что они дѣлаютъ, за исключеніемъ того что даетъ практическія результаты.

Въ интересахъ общества и самой науки, нельзя не пожелать, чтобы люди желающіе и способные посвятить себя чисто-научнымъ из-

слѣдованіямъ получили возможность дѣлать это не стѣсняясь матеріальными средствами, но такъ чтобы любовь къ наукѣ не была только ширмой болѣе или менѣе выгоднаго ремесла.

Только тогда, когда между *наукой*, какъ возможно полнымъ и постоянно развивающимся познаніемъ истины, и *ученіемъ*, какъ средствомъ пріобрѣтенія болѣе или менѣе полезныхъ практическихъ знаній, будетъ проведена строгая граница, только тогда наука станетъ опять на надлежащее мѣсто, и общество станетъ къ ней въ нормальныя отношенія. Прежде, когда ученье было только свѣтъ, не было особой необходимости въ такомъ разграниченіи; но теперь, когда ученье стало хлѣбъ, оно необходимо во избѣжаніе безпрерывныхъ иногда очень серіозныхъ, недоразумѣній. Теперь большинство и родителей, и самихъ учащихся видитъ въ наукѣ прежде всего хлѣбъ: учебное вѣдомство, наоборотъ, продолжаетъ смотрѣть на просвѣщеніе какъ на главную свою задачу; необходимо положить конецъ этому недоразумѣнію. До тѣхъ поръ пока не только ученость, но даже простая грамотность была доступна лишь весьма немногимъ, достаточно было даже этой грамотности, чтобы дать нѣкоторый заработокъ, и это ввело въ заблужденіе множество людей: они подумали что стóитъ только немного повысить уровень

знаній, и вмѣстѣ съ нимъ увеличится заработокъ; нѣкоторое время происходило дѣйствительно нѣчто похожее на это; но конкурренція стала расти гораздо быстрѣе чѣмъ спросъ на ученость. Заработокъ лицъ, получившихъ тотъ или другой дипломъ, не только пересталъ повышаться, но началъ даже падать. Въ массѣ «интеллигентовъ» явилось, благодаря этому, недовольство общественнымъ и государственнымъ строемъ, какъ будто на трудъ умственный не распространяются общіе законы предложенія и спроса.

Правительство первое сознало необходимость нѣсколько измѣнить постановку дѣла, и явился вопросъ о развитіи профессіональныхъ школъ; но, къ сожалѣнію, и до сихъ поръ въ большинствѣ случаевъ онъ остается вопросомъ.

Большая часть печати и общества, выходя изъ чисто теоретическихъ соображеній, требовали чтобы низшія и среднія школы не предрѣшали судьбы воспитанниковъ и давали имъ возможность продолжать свое образованіе до университета включительно; но тѣмъ самымъ школы эти лишились самостоятельнаго значенія и не могли помочь вышедшимъ изъ нихъ зарабатывать тотъ хлѣбъ, который былъ въ сущности главнымъ, если не единственнымъ, побужденіемъ къ ученію.

Между тѣмъ, продолженіе образованія, особенно въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, было положительно не по средствамъ большинству, и вотъ все болѣе и болѣе росло убѣжденіе, что наука должна давать хлѣбъ не только тѣмъ, кто уже пріобрѣлъ нѣкоторыя познанія, но даже тѣмъ, кто желаетъ ихъ пріобрѣсти. Напрасно Министерство Народнаго Просвѣщенія старалось напомнить родителямъ и учащимся, что университеты и гимназіи не благотворительныя учрежденія.

Среди самихъ студентовъ, и въ большинствѣ общества до сихъ поръ господствуетъ еще взглядъ, что государство не только обязано дать каждому возможность получить образованіе, но и средства къ существованію пока онъ учится. Убѣжденіе въ этой привилегіи учащихся естественно ведетъ къ убѣжденію въ ненормальности того государственнаго строя, который не признаетъ такой привилегіи.

Если бы прохожденіе того или другаго курса ученія не было связано въ представленіи учащихся съ полученіемъ тѣхъ или другихъ совершенно осязательныхъ выгодъ, число учащихся, конечно, значительно сократилось бы, но можно сказать съ увѣренностью, что ни наука, ни они сами отъ этого ровно ничего не потеряли бы. Скорѣе, наоборотъ. Они не стали бы тогда тратить времени на пріобрѣтеніе такихъ

знаній къ которымъ въ сущности не имѣютъ охоты, и употребили бы свой трудъ болѣе производительнымъ образомъ. Въ профессіональныхъ школахъ, а не въ гимназіяхъ и не въ университетахъ могли бы они пріобрѣсти такія свѣдѣнія которыя нашли бы прямое приложеніе къ жизни, независимо отъ тѣхъ правъ, которыя даетъ дипломъ учебнаго заведенія.

Правда, что изучая то или другое ремесло, или тотъ или другой отдѣлъ техническихъ знаній, нѣтъ основанія выдавать себя за представителя чистой науки, или заниматься рѣшеніемъ государственныхъ вопросовъ: но едва-ли кто-либо былъ бы отъ этого въ проигрышѣ. Что касается тѣхъ людей, которые имѣютъ дѣйствительный талантъ и серіозное научное призваніе, то они и безо всякихъ внѣшнихъ побужденій и поощреній найдутъ свою дорогу, а масса бездарностей, которая стремится къ высшему образованію только ради полученія диплома, конечно, не помогаетъ, а скорѣе мѣшаетъ имъ въ этомъ отношеніи, такъ какъ и все преподаваніе неизбѣжно должно принаравливаться къ уровню посредственности, а иногда, къ сожалѣнію, даже и ко вкусамъ толпы.

До тѣхъ поръ, пока высшее образованіе не составляетъ у насъ исключительно способа

пріобрѣтенія научныхъ знаній, а скорѣе средство подготовки къ той или другой дѣятельности, необходимо, чтобъ учащіе и учащіеся, по крайней мѣрѣ, послѣдовательно держались этой точки зрѣнія и не смѣшивали бы подготовки съ самою дѣятельностію, а ученья—съ научнымъ изслѣдованіемъ.

Нѣтъ ничего постыднаго въ желаніи запастись свѣденіями полезными въ практической жизни, но смѣшивать это желаніе съ научнымъ знаніемъ, или даже со стремленіемъ къ общему образованію, можно только при самомъ неясномъ представленіи о значеніи и о цѣли науки. Когда занятія научными предметами обусловливаются чисто-практическими и личными соображеніями, при нѣкоторыхъ способностяхъ и прилежаніи можно блестящимъ образомъ кончить курсъ въ любомъ учебномъ заведеніи и все-таки не быть не только ученымъ, но даже образованнымъ человѣкомъ; можно въ послѣдствіи выбрать науку своею профессіей, оставаясь все-таки ремесленникомъ, а не ученымъ.

Такъ же какъ фокусники не становятся волшебниками отъ того что именуютъ себя профессорами магіи, такъ и подобные ученые, какой бы практическій успѣхъ они не имѣли, не могутъ ничего сдѣлать для науки, которая чужда имъ и которой они чужды.

Воспитательное значеніе школы.

Вопросъ о народномъ образованіи составляетъ несомнѣнно одну изъ самыхъ важныхъ, но въ то же время и одну изъ самыхъ трудныхъ и сложныхъ государственныхъ задачъ.

Въ какой мѣрѣ разрѣшеніе этого вопроса можетъ быть предоставлено частной иниціативѣ, насколько государство должно взять его въ свои руки, какими средствами располагаетъ оно для осуществленія своихъ намѣреній въ этомъ направленіи, и насколько цѣлесообразнымъ является въ каждомъ данномъ случаѣ примѣненіе того или другаго изъ нихъ? Все это вопросы, требующіе внимательнаго и подробнаго обсужденія и никакъ не поддающіеся огульному рѣшенію на основаніи нѣсколькихъ прописныхъ истинъ, которыхъ никто не оспариваетъ, но повторять которыя на всѣ лады несравненно легче, чѣмъ примѣнять на практикѣ. Еслибы понятіе народнаго образованія вполнѣ исчерпывалось умѣніемъ читать и писать и еще кое-какими положительными свѣдѣніями, задача была бы гораздо проще.

Но дѣло въ томъ, что грамотность сама по себѣ не есть еще цѣль, а только средство для достиженія другихъ, положительныхъ цѣлей.

«Начальныя городскія училища», говорится въ законѣ о нихъ», имѣютъ цѣлію утверждать въ народѣ религіозныя и нравственныя понятія и распространять полезныя знанія». Само собою ясно, что первая изъ намѣченныхъ здѣсь задачъ значительно труднѣе второй, но отнюдь не менѣе существенно. Умѣніе читать и писать само по себѣ есть уже полезное знаніе, по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія матеріальной; но очевидно, что съ точки зрѣнія нравственной, при дурно направленномъ чтеніи, оно можетъ сдѣлаться не только безполезнымъ, но и вреднымъ; съ другой стороны, «религіозно-нравственныя понятія»—выраженіе весьма растяжимое. Можетъ ли, и должно ли государство каждому, кто разумѣетъ это выраженіе по-своему, предоставлять право распространять въ народѣ это свое разумѣніе? А если нѣтъ, то необходимо, прежде всего, найти такихъ учителей, которые могли бы служить умѣлыми и убѣжденными проводниками религіознонравственныхъ понятій.

Дѣло нравственнаго воспитанія дѣтей—далеко не такое простое и легкое, чтобъ ему можно было научиться въ нѣсколько лѣтъ, какъ сто-

лярному или слесарному ремеслу, и чтобы дипломъ того или другаго заведенія объ окончаніи въ немъ курса гарантировалъ дѣйствительное умѣніе и желаніе учителя разумно и добросовѣстно выполнить возложенныя на него обязанности, лицъ же, посвящающихъ себя педагогической дѣятельности по убѣжденію и по внутреннему призванію—ничтожное количество въ сравненіи съ остальными.

Какими бы громкими фразами ни затемняли дѣйствительное положеніе дѣла, остается несомнѣннымъ, что громадное большинство народныхъ учителей смотритъ на свою дѣятельность какъ на средство существованія и не можетъ смотрѣть иначе. Совпаденіе внутренняго призванія съ учительскою дѣятельностью является случайностью, разсчитывать на которую было бы неблагоразумно. Люди же, хотя-бы вполнѣ добросовѣстно исполняющіе свои обязанности, но не по внутреннему влеченію, а только въ силу внѣшнихъ обстоятельствъ выбравшіе педагогическую дѣятельность, едва ли могутъ имѣть на воспитанниковъ серьезное нравственное вліяніе. Одно изустное или письменное сообщеніе тѣхъ или другихъ нравственныхъ правилъ само по себѣ безсильно содѣйствовать къ ихъ утвержденію. Болѣе того, если оно находится въ противорѣчіи съ образомъ жизни и дѣйствіями

учителя—оно не только не утверждаетъ, а скорѣе расшатываетъ эти понятія.

Невольно приходитъ въ голову мысль, не лучше ли въ такихъ случаяхъ совсѣмъ отказаться отъ воспитательныхъ цѣлей, ограничившись однѣми учебными, тѣмъ болѣе, что, за исключеніемъ закрытыхъ учебныхъ заведеній, школѣ въ этомъ отношеніи всегда будетъ принадлежать лишь второстепенная роль.

Есть, конечно, педагогическіе алхимики, мечтающіе, что посредствомъ той или другой методы можно совершенно переродить человѣка и сообщить ему не только тѣ или другія познанія или привычки, но и новыя свойства его характеру и врожденнымъ способностямъ; но до сихъ поръ едва ли не болѣе шансовъ найти философскій камень, нежели такую методу. Задача воспитанія состоитъ не столько въ томъ, чтобы изъ ничего создать въ воспитанникѣ добродѣтели и таланты, которыхъ въ немъ нѣтъ ни малѣйшихъ задатковъ, а въ томъ, чтобы не дать развиться тѣмъ темнымъ сторонамъ его природы, которыя могутъ окончательно заглушить все хорошее, что̀ есть въ немъ. Но понятно что такого рода воспитаніе требуетъ внимательнаго изученія личнаго характера каждаго изъ воспитанниковъ и совершенно немыслимо въ школѣ, гдѣ одинъ учитель на нѣсколько десятковъ уче-

никовъ, которыхъ онъ видитъ лишь въ учебные часы, и которые все остальное время остаются совершенно внѣ сферы его вліянія.

Ясно, что, при такомъ положеніи дѣла, воспитаніе въ школѣ поневолѣ должно ограничиться теоретическимъ сообщеніемъ нравственныхъ понятій и нѣкоторою школьною дисциплиной, безъ которой невозможно самое преподаваніе; что касается болѣе глубокаго нравственнаго вліянія, то оно всегда будетъ принадлежать семьѣ.

Необходимо имѣть въ виду, что испортить хорошее гораздо легче, чѣмъ исправить дурное. Не только въ ребенкѣ, но и во взрослом не трудно пробудить дремлющіе дурные инстинкты; а справиться съ ними потомъ, хотя бы наружно, стóитъ величайшихъ усилій. Воспитателю испортить воспитанника настолько же легче, чѣмъ исправить его, насколько врачу легче отравить бвльнаго, чѣмъ его вылѣчить.

Но дѣйствіе медикамента зависитъ не отъ однихъ его свойствъ, а также и отъ того организма, на который онъ дѣйствуетъ: то же лѣкарство, которое помогаетъ одному, можетъ для другаго оказаться смертельнымъ. По той же причинѣ поверхностное изученіе предмета можетъ оказаться хуже полнаго незнанія.

Чтобъ убѣдиться въ этомъ, нѣтъ надобности

далеко ходить за примѣрами: почти всѣмъ еще памятно просвѣтительное движеніе шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, съ его хожденіемъ въ народъ, давшимъ плачевные результаты и для учителей, и для учениковъ. Ошибочныя научныя гипотезы не только безвредны. но иногда даже полезны, если онѣ остаются въ области чистаго знанія, гдѣ строгій научный методъ со временемъ убиваетъ ихъ, такъ же какъ свѣтъ убиваетъ, говорятъ, болѣзнетворныя бактеріи, но, вынесенныя прежде времени изъ научной лабораторіи, онѣ могутъ распространить заразу, и то, что̀ при другихъ условіяхъ могло бы служить лѣкарствомъ—усугубляетъ зло. Почти то же можно сказать относительно ошибочныхъ или непонятыхъ научныхъ гипотезъ. Нѣчто подобное лѣтъ двадцать тому назадъ дѣлали проповѣдники тѣхъ или другихъ авторитетовъ, отрицавшихъ какіе бы то ни было авторитеты,—и многіе до сихъ поръ не успѣли еще отдѣлаться отъ угара тѣхъ сборищъ, гдѣ:

Какой-то аптекарь, не то патріотъ
Предъ толпою ученье проводитъ,
Что молъ нѣту души, а одна только плоть,
И что если и впрямь существуетъ Господь,
То онъ только есть видъ кислорода.
Вся же суть въ безначальи народа.

Матеріализмъ, позитивизмъ, либерализмъ и дарвинизмъ—все это сливалось въ невообразимомъ хаосѣ, но не мѣшало ни проповѣдникамъ, ни слушателямъ считать себя истинными представителями прогресса и просвѣщенія. Что̀ за бѣда, если одна гипотеза противорѣчитъ другой и исключаетъ ее, лишь бы обѣ онѣ составляли «послѣднее слово науки»? И всѣ эти «научныя системы» не только обсуждались въ частныхъ кружкахъ, но распространялись популярными изданіями въ надеждѣ, что неизбалованный умъ читателей въ состояніи переварить всевозможныя противорѣчія, подобно тому какъ желудокъ страуса перевариваетъ камни. Правительство, съ своей стороны, долгое время не считало нужнымъ ограничивать эти просвѣтительныя попытки, возникавшія среди общества. Какой вредъ, казалось, можетъ принести распространеніе чисто теоретическихъ, хотя бы ошибочныхъ, научныхъ ученій, особенно когда они противорѣчатъ другъ другу и потому сами въ себѣ носятъ уже свой коррективъ? Въ беллетристикѣ появленіе нигилизма составило только интересное литературное явленіе, только новый типъ; обличительная печать, продолжавшая громить несуществующихъ крѣпостниковъ большею частію съ почтеніемъ относилась къ этому новому типу.

А между тѣмъ плоды того псевдопросвѣщенія, которое въ шестидесятыхъ годахъ проникло къ намъ съ Запада, явились у насъ еще ранѣе, чѣмъ успѣли созрѣть въ остальной Европѣ. Конечно, тотъ рядъ преступленій, которымъ ознаменовались конецъ семидесятыхъ и начало восьмидесятыхъ годовъ, не можетъ считаться исключительно результатомъ нелѣпыхъ ученій, безпрепятственно распространявшихся предъ тѣмъ; но чтеніе политическихъ процессовъ того времени приводитъ къ убѣжденію, что ученія эти играли въ нихъ далеко не послѣднюю роль.

Понятно, что когда прошло увлеченіе прогрессомъ во чтò бы то ни стало, хотя бы прогрессъ этотъ долженъ былъ кончиться недалекою катастрофой, правительство должно было съ бóльшимъ разборомъ отнестись къ тѣмъ органамъ, которымъ поручалось образованіе: оно не могло не убѣдиться что *развитіе*, въ томъ смыслѣ какъ его понимала передовая часть общества, далеко не то же, чтò тѣ религіозно-нравственныя понятія, въ которыхъ оно видѣло главную задачу школы. При такихъ условіяхъ дѣло народнаго образованія нельзя было не поставить подъ болѣе строгій надзоръ правительственной власти. Въ то же время естественно должна была явиться мысль искать

среди духовенства готоваго и надежнаго контингента преподавателей. Конечно, духовенство не всегда стоитъ на высотѣ своего призванія; но то же самое, едва ли не съ бо́льшимъ правомъ, можно сказать и о большинствѣ сельскихъ учителей, смотрящихъ на свое положеніе или какъ на нѣчто переходное, или какъ на неизбѣжное зло, зависящее отъ невозможности заняться другимъ, болѣе интереснымъ и болѣе выгоднымъ дѣломъ. Поэтому отрицательное отношеніе, которымъ встрѣчено было во многихъ случаяхъ появленіе церковныхъ школъ, никакъне можетъ быть объяснено тѣмъ, что онѣ хуже другихъ и не достигаютъ своего назначенія а скорѣе тѣмъ что люди не сочувствующіе имъ иначе смотрятъ на это назначеніе. Въ церковныхъ школахъ, какъ бы онѣ ни велись, по самому существу ихъ почти не остается мѣста для «развитія» въ томъ смыслѣ какъ понимаетъ его нѣкоторая часть нашего общества. Но стремленіе расширить кругозоръ учащихся, заставить ихъ сознательно и самостоятельно относиться къ разнообразнымъ жизненнымъ явленіямъ, имѣетъ смыслъ лишь тогда когда, вмѣстѣ съ расширеніемъ этого кругозора, идетъ и соотвѣтствующее уясненіе всего того, что̀ входитъ въ него. Неумѣлыя попытки замѣнить вѣками сложившееся, вполнѣ опредѣ-

ленное, міровоззрѣніе хаосомъ неустановившихся теорій и всевозможныхъ вопросовъ, совершенно непонятныхъ для массы, есть не благодѣяніе, а преступленіе, потому что, искусственно вызывая не существующія потребности, онѣ не даютъ никакихъ способовъ для ихъ удовлетворенія и служатъ лишь новымъ источникомъ страданія и недовольства.

Не только въ низшихъ народныхъ школахъ, но и въ среднихъ, и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ знанія сами по себѣ не въ состояніи замѣнить тѣхъ религіозныхъ и нравственныхъ понятій, на которыхъ покоится нормальная народная жизнь. Понятія эти вырабатываются не теоретическими изслѣдованіями, а самою жизнью, взглядами и обычаями окружающей среды.

Всеобщее обученіе.

Послѣднее время много толкуютъ о всеобщемъ обученіи. Нельзя не признать, что положеніе народнаго образованія находится у насъ далеко не въ блестящемъ состояніи. Нельзя не признать также, что отсутствіе грамотности въ массѣ сельскаго населенія нерѣдко вредно отражается на самыхъ простыхъ матеріальныхъ интересахъ этого населенія. Отсюда сама собою вытекаетъ желательность всеобщаго знанія грамоты.

Едвали въ принципѣ кто-либо станетъ возражать противъ этого; вопросъ только въ томъ, какъ этого достигнуть.

Есть способъ рѣшенія задачи на первый взглядъ чрезвычайно простой; стоитъ издать указъ объ обязательномъ обученіи—и дѣло сдѣлано; нѣкоторыя земства, какъ слышно, приняли уже необходимыя подготовительныя мѣры, и, съ точки зрѣнія большинства нашихъ общественныхъ дѣятелей, главная трудность состоитъ

только въ значительныхъ денежныхъ затратахъ, которыя потребуются на увеличеніе числа школъ, но передъ которыми, разумѣется, не слѣдуетъ останавливаться.

Дѣло, однако, далеко не такъ просто, какъ кажется. Желательно, чтобы каждый умѣлъ читать и писать, и большинство населенія начинаетъ уже сознавать практическую пользу грамотности; но другой вопросъ, желательно ли *заставлять* каждаго учиться грамотѣ, если самъ онъ, и семья его, этого не желаютъ? Замѣчательно, что за принудительность начальнаго образованія особенно ратуютъ либералы, которые въ другихъ случаяхъ такъ рѣшительно возстаютъ противъ какой бы то ни было опеки и противъ какого бы то ни было стѣсненія личной свободы. Въ данномъ вопросѣ, наоборотъ, не довольствуясь никакими поощреніями и льготами, они хотѣли бы какъ можно скорѣе взять подъ опеку большинство населенія, которое, будучи, по ихъ мнѣнію, компетентно во всевозможныхъ дѣлахъ, только тутъ не можетъ понять собственныхъ интересовъ.

Въ концѣ января 1894 г. профессоръ Странолюбскій сдѣлалъ въ педагогическомъ музеѣ интересный докладъ, гдѣ доказывалъ неосновательность такого взгляда: заимствуемъ изъ *Новаго Времени* сущность этого доклада.

«Въ подробномъ обзорѣ образованія во всѣхъ иностранныхъ государствахъ, докладчикъ, съ помощью статистическихъ данныхъ, доказалъ что всеобщности начальнаго образованія не достигло ни одно изъ государствъ всего міра, несмотря на то что законъ объ обязательности обученія во многихъ государствахъ введенъ уже давно. Особенно подробно докладчикъ остановился на Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ законы объ обязательности обученія очень долгое время не имѣли никакого вліянія на увеличеніе коэффиціента грамотности. Законъ былъ безсиленъ, и, несмотря на установленіе штрафа съ родителей за непосѣщеніе школы учениками, школы все-таки посѣщались неисправно. Грамотность начала увеличиваться только съ того времени, какъ правительство начало устранять причины заставляющія населеніе, несмотря на штрафъ, игнорировать школы. Такихъ причинъ много. Главная изъ нихъ—неудовлетворительное экономическое положеніе семьи, заставляющее посылать дѣтей предпочтительно на заработки чѣмъ въ школу; немаловажное значеніе имѣетъ также степень отдаленности школы отъ деревни, ибо большія разстоянія служатъ громаднымъ тормазомъ къ посѣщенію ее учениками, наконецъ, отсутствіе правильной постановки школьнаго дѣла заключаетъ тотъ рядъ

причинъ, благодаря которымъ законъ объ обязательности обученія будетъ всегда безсиленъ.

«Причины эти какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, такъ и во Франціи и другихъ государствахъ Западной Европы, болѣе или менѣе устранены, и тамъ законъ не является мертвою буквой. Возможно ли у насъ въ Россіи изданіе закона объ обязательномъ обученіи?» спрашиваетъ докладчикъ и приходитъ къ заключенію, что почва для такого закона у насъ еще не подготовлена.

«Пока школъ у насъ будетъ мало, и пока въ нихъ нужно будетъ ходить за десятки верстъ, никакіе штрафы не гарантируютъ исправнаго посѣщенія школы, и, наконецъ, пока не будетъ поставлено школьное дѣло такъ широко, чтобъ учитель могъ вселить въ населеніи интересъ къ обученію, до тѣхъ поръ законъ объ обязательности обученія не увеличитъ коэфиціента грамотности и только подорветъ матеріальное положеніе населенія»...

Таковы были бы дѣйствительно результаты закона объ обязательномъ обученіи, еслибы правительство рѣшило ввести его немедленно. Въ самомъ дѣлѣ, недостаточно было бы затратъ Государственнаго Казначейства и земствъ (что въ сущности, одно и то же, такъ какъ источникъ дохода въ большинствѣ случаевъ одинъ и тотъ же), а потребовались бы еще довольно

значительныя затраты со стороны каждой семьи обязанной посылать дѣтей въ школу. Едвали можно сомнѣваться, что тамъ, гдѣ семьи не имѣютъ возможности внести казенныхъ недоимокъ, и эта обязанность останется мертвою буквой и дастъ только поводъ къ злоупотребленіямъ. Не только тамъ, гдѣ дѣтей пришлось бы посылать за десятки верстъ, но даже и за три и за пять, при нашемъ климатѣ и нашихъ дорогахъ обязанность эта окажется невыполнимою безъ риска переморить половину учащихся. Все это, однако, лишь одна сторона дѣла, показывающая, что при настоящихъ условіяхъ попытка введенія обязательнаго обученія въ селахъ не можетъ принести никакихъ положительныхъ результатовъ; но есть еще и другая, болѣе общаго характера.

Спрашивается, должно ли государство пользоваться своею властью не только для обезпеченія личной свободы и безопасности гражданъ и выполненія такихъ задачъ, которыя не по силамъ отдѣльнымъ лицамъ и частнымъ обществамъ, но и такихъ, которыя *противорѣчатъ* личной свободѣ, если только онѣ соотвѣтствуютъ дѣйствительному благу гражданъ *какъ его понимаетъ правительство*?

Вопросъ этотъ чрезвычайно сложный и рѣшеніе его зависитъ отъ того, какъ смотрѣть на

назначеніе государства; но нельзя не считаться съ нимъ, обсуждая желательность, или нежелательность введенія такой мѣры какъ обязательное обученіе. Можно ли разсматривать эту мѣру какъ бо́льшую часть обязательныхъ государственныхъ повинностей, или она носитъ совершенно особый характеръ? На этомъ вопросѣ необходимо остановиться нѣсколько подробнѣе.

Принужденіе лица правоспособнаго, вообще говоря, допустимо не иначе, какъ для огражденія правъ другихъ частныхъ лицъ или для достиженія общегосударственныхъ цѣлей, но личная свобода есть главное, если не единственное основное право каждаго не лишившагося правоспособности. Конечно, сами дѣти неполноправны, но охрана всѣхъ ихъ правъ и интересовъ, до достиженія ими совершеннолѣтія, принадлежитъ родителямъ, на которыхъ лежитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и обязанность воспитывать ихъ.

Требованіе посѣщенія школы дѣтьми независимо отъ желанія родителей несомнѣнно является существеннымъ ограниченіемъ родительской власти, и тотчасъ же потребуетъ соотвѣтствующихъ измѣненій въ другихъ частяхъ нашего законодательства. Можно, конечно, сказать, что въ данномъ случаѣ нежеланіе родителей служитъ доказательствомъ непониманія ими ихъ прямыхъ обязанностей; но, вопервыхъ, это не всегда

вѣрно, потому что причины нежеланія могутъ быть весьма различны, а вовторыхъ, если это дѣйствительно такъ, то для того чтобы быть послѣдовательными, надо было бы совершенно изъять дѣтей отъ вліянія такихъ родителей, такъ какъ въ противномъ случаѣ дѣти неизбѣжно окажутся въ самомъ тяжеломъ положеніи, находясь между прямо противоположными требованіями семьи и школы.

Хорошее воспитаніе, конечно, великое благодѣяніе; но оно не ограничивается обученіемъ чтенію и письму и еще кое-какими свѣдѣніями, получаемыми въ начальныхъ школахъ, а въ нравственномъ отношеніи—воспитаніе, получаемое при антагонизмѣ семьи и школы, не можетъ быть хорошимъ. Если подъ всеобщимъ обученіемъ разумѣть *возможность* для всѣхъ родителей посылать дѣтей своихъ въ школу, когда они этого желаютъ, тогда, разумѣется, слѣдуетъ всячески стремиться къ достиженіи этой цѣли. Но если разумѣть подъ нимъ *обязательное обученіе*, *то-есть принужденіе* родителей посылать своихъ дѣтей въ школу, каково бы ни было ихъ отношеніе къ этой школѣ, каковы бы ни были ихъ религіозные взгляды, ихъ семейное и экономическое положеніе,—тогда вопросъ совершенно мѣняется.

Школа, несомнѣнно, можетъ служить могу-

щественнымъ средствомъ для достиженія государственныхъ цѣлей, особенно на окраинахъ; но тогда дѣйствительную задачу ея составляютъ, именно, эти цѣли, а само образовательное значеніе ея, какъ таковое, отодвигается уже на второй планъ; если въ подобныхъ случаяхъ школа и вноситъ нѣкоторый разладъ въ семейную среду, съ этимъ приходится мириться въ виду соображеній общегосударственной политики. Но при нормальномъ положеніи вещей разладъ, вносимый въ семью, составитъ несомнѣнно бо́льшее зло нежели та польза, которую можетъ принести увеличеніе процента грамотности въ сельской средѣ.

Для того чтобы всеобщее обученіе могло принести серіозные плоды, необходимо, чтобъ оно было добровольное, иначе въ сельскую среду будетъ внесенъ антагонизмъ, отъ котораго нельзя ждать ничего хорошаго. Значеніе добровольнаго учрежденія школъ признаютъ и рѣшительные сторонники всеобщаго обученія, хотя и смотрятъ на эту добровольность съ совершенно особой точки зрѣнія; въ этомъ отношеніи интереснъ взглядъ *Вѣстника Европы*, выраженный имъ въ одной изъ его общественныхъ хроникъ. Возражая противъ объединенія всѣхъ вообще начальныхъ школъ, *Вѣстникъ Европы* замѣчаетъ.

«Именно потому что рѣчь идетъ *о школѣ*, то-есть о растеніи нѣжномъ, требующемъ не только посадки, но и заботливаго ухода, нельзя не цѣнить чрезвычайно высоко *свободное* участіе земства въ школьномъ дѣлѣ. Еще важнѣе количества школъ въ нашихъ глазахъ ихъ жизненность и жизнеспособность, гарантіей которыхъ служитъ, прежде всего, ихъ *добровольное* учрежденіе. Одно дѣло отпускать *требуемыя* суммы на устройство и содержаніе школъ, другое дѣло—открывать и содержать школы по собственному убѣжденію въ ихъ необходимости, разсматривая ихъ какъ свое созданіе, лелѣя ихъ какъ свое любимое дѣтище. Можно и даже должно опредѣлить закономъ *минимальную* сумму затратъ каждаго уѣзднаго земства на начальныя земскія школы, но не слѣдуетъ идти дальше и обращать земскія школы въ государственныя, съ низведеніемъ земства на степень *одного изъ многихъ* факторовъ совокупно вѣдающихъ школу. Стоитъ только установить такой порядокъ, и огромное большинство земствъ ограничатся исполненіемъ законныхъ требованій власти, ничего не прибавляя къ *минимальному*, обязательному взносу, и мало заботясь о способѣ его употребленія. Наоборотъ, сохраненіе за земствомъ самостоятельности въ школьномъ дѣлѣ, даже той условной, ограни-

ченной самостоятельности которая принадлежитъ ему теперь обезпечитъ дальнѣйшій ростъ школьнаго бюджета и живую связь между школой и мѣстнымъ населеніемъ. Взаимодѣйствіе всѣхъ учрежденій, обществъ и отдѣльныхъ лицъ представляетъ въ настоящее время гораздо лучшій залогъ развитія народной школы, чѣмъ сосредоточеніе ея въ рукахъ одного вѣдомства.

«Оставаясь на почвѣ дѣйствительности, можно притомъ сказать съ полною увѣренностію, что такое сосредоточеніе, теперь предпринятое, все-таки не было бы доведено до своего логическаго конца: государственная школа поглотила бы школу земскую, но не церковно-приходскую».

Въ этихъ немногихъ строкахъ много неясности, если не прямыхъ противорѣчій. Какого поглощенія земской школы государственною боится *Вѣстникъ Европы*? Какимъ образомъ можетъ земство смотрѣть на народную школу какъ на свое созданіе, когда и теперь ему предоставлено только: «попеченіе о развитіи *средствъ* народнаго образованія и установленное закономъ *участіе* въ завѣдываніи содержимыми на счетъ земства школами и другими учебными заведеніями», причемъ собственно педагогическая часть въ кругъ дѣятельности земства вовсе не входитъ, а закономъ установлены педагогическіе и училищные совѣты и другіе органы, въ дѣятельность

которыхъ земству вмѣшиватьсяне предоставлено? Ясно, что и теперь дѣятельность земскихъ учрежденій въ вопросахъ народнаго образованія сводится главнымъ образомъ къ ассигнованію нѣкоторой суммы на учрежденіе и содержаніе открываемыхъ школъ.

Что касается онасенія за недостаточное возрастаніе школьнаго бюджета, то и оно лишено основанія, такъ какъ очевидно, что еслибы правительство рѣшило взять это дѣло въ свои руки, то оно могло бы обезпечить необходимые на этотъ предметъ расходы никакъ не хуже земства, касса котораго сплошь и рядомъ оказывается настолько пустою, что оно не въ состояніи своевременно уплачивать жалованье учителямъ уже существующихъ школъ. Что касается плательщиковъ, то имъ совершенно безразлично по какимъ окладнымъ листамъ и подъ какимъ названіемъ они будутъ уплачивать тотъ или другой сборъ, если назначеніе и размѣры его останутся одни и тѣ же. Правда, что еслибъ обложеніе на народное образованіе взяло на себя государство, размѣры его въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ измѣнились бы, и оно стало бы болѣе уравнительнымъ; но противъ этого, вѣроятно, не можетъ имѣть ничего и *Вѣстникъ Европы*, желающій установленія минимальнаго земскаго взноса на этотъ предметъ.

Остается такимъ образомъ только значеніе *добровольнаго участія земства въ учрежденіи и содержаніи* народныхъ школъ; вполнѣ отрицать это значеніе невозможно; но, казалось бы, не меньшее, если не большее значеніе чѣмъ *учрежденіе* школъ должно имѣть *добровольное посѣщеніе* ихъ. Между тѣмъ, *Вѣстникъ Европы* находитъ, что лучшимъ доказательствомъ того, въ какой степени цѣнно и незамѣнимо широкое и активное участіе земства въ школьномъ дѣлѣ, служатъ труды нѣкоторыхъ земствъ, напримѣръ, Полтавскаго, «подготовившаго почву для введенія въ Полтавской губерніи всеобщаго *обязательнаго* обученія». Итакъ, *Вѣстникъ Европы*, высказывающійся рѣшительно за *добровольное учрежденіе* школъ, въ то же время стоитъ, повидимому, за *обязательное ихъ посѣщеніе*. Но какимъ образомъ можетъ правительство, вводя законъ объ обязательномъ обученіи, предоставить учрежденіе школъ добровольной иниціативѣ земства? При возможномъ отсутствіи доброй воли учредителей, населенію пришлось бы посѣщать несуществующія школы. Очевидно, что вопросъ объ обязательномъ обученіи неразрывно связанъ съ вопросомъ объ обязательномъ учрежденіи и содержаніи школъ, и притомъ болѣе [illegible]ному нежели то, которое возможно для земства. Если посѣщеніе школы будетъ сдѣлано

обязательнымъ для населенія, то сама школа не можетъ не быть всецѣло государственною, такъ какъ только государство можетъ заставить посѣщать ее.

Правда, что, по мнѣнію *Вѣстника Европы*, «одно министерство не можетъ справиться съ огромнымъ и сложнымъ дѣломъ начальнаго народнаго обученія», хотя въ то же время «и безъ него это дѣло не можетъ двинуться впередъ съ тою быстротой, которой все больше и больше требуютъ обстоятельства». Но только вторая половина этого положенія справедлива, такъ какъ очевидно, что безъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ рукахъ котораго находится организація народнаго образованія, дѣло не только съ быстротой, но и совсѣмъ двигаться не можетъ; а почему одно Министерство не можетъ справиться «съ огромнымъ и сложнымъ дѣломъ начальнаго народнаго обученія», это—совсѣмъ неизвѣстно. Справляется же Министерство Военное, или Министерство Финансовъ, съ не менѣе сложными и огромными дѣлами своего вѣдомства безо всякой помощи со стороны городскихъ или земскихъ учрежденій.

Разумѣется, участіе общества въ дѣлѣ народнаго образованія возможно и желательно,

но утвержденіе, чтобъ оно было необходимо— ни на чемъ не основано. Въ какой формѣ и въ какой мѣрѣ можетъ быть допущено участіе общества въ тѣхъ или другихъ отрасляхъ государственной дѣятельности, объ этомъ лучше всего могутъ судить тѣ органы, на которые возложено ближайшее руководство этою дѣятельностью.

Что касается обязательности народнаго обученія, то, очевидно, что еслибы такая мѣра была признана своевременною и необходимою, то, какъ было уже замѣчено, при введеніи ея невозможно было бы разсчитывать на болѣе или менѣе случайное и колеблющееся участіе земскихъ собраній, и сдѣлавшись обязательною, школа можетъ быть только всецѣло правительственною, какъ въ отношеніи преподаванія, такъ и въ отношеніи учрежденія и содержанія.

Поэтому, въ зависимости отъ рѣшенія главнаго вопроса: своевремевно ли, и необходимо ли вообще обязательное начальное обученіе,— стоитъ въ значительной степени и то участіе, которое могутъ принимать въ дѣлѣ народнаго образованія общественныя учрежденія и частныя лица.

При введеніи обязательнаго обученія, участіе

это сразу сводится къ нулю, такъ какъ всѣ учрежденія и частныя лица не исключая родителей учащихся, обязаны только выполнить категоричес кое требованіе закона; самостоятельная иниціатива ихъ оказывается, вопервыхъ, безполезною, такъ какъ дѣло обходится безъ нея; а вовторыхъ, ей и мѣста нѣтъ въ такой организаціи, которая разсчитана на то, чтобы дѣйствовать во всякомъ случаѣ, каково бы ни было отношеніе къ ней заинтересованныхъ лицъ.

Не останавливаясь далѣе на вопросѣ о своевременности предлагаемой реформы, замѣтимъ только еще разъ, что обязательность и всеобщность начальнаго обученія далеко не синонимы, и можно желать, чтобы начальное образованіе стало всеобщимъ, не будучи обязательнымъ.

Вѣдь и теперь уже очень немногіе, даже въ крестьянской средѣ, смотрятъ на обученіе дѣтей какъ на такое зло, подчиниться которому можно заставить ихъ только принудительными мѣрами; а среди другихъ сословій, въ семьяхъ, обладающихъ хотя нѣкоторымъ достаткомъ, трудно найти десятилѣтняго мальчика, который не умѣлъ бы читать; отсюда ясно слѣдуетъ что отсутствіе грамотности въ массѣ населенія зависитъ не отъ предубѣжденія противъ нея, а отъ другихъ причинъ. Какой же смыслъ принуждать человѣка дѣлать то что онъ охотно сдѣлалъ бы самъ?

Не ясно ли что тутъ нужны не принудительныя мѣры, а изысканіе и устраненіе тѣхъ причинъ, иногда весьма сложныхъ, которыя мѣшаютъ развитію народнаго образованія?

Разсматривать начальное обученіе какъ обязательную государственную повинность слѣдовало бы только въ томъ случаѣ, еслибы можно было доказать что она, такъ же какъ другія повинности, напримѣръ воинская, составляя тяжелое бремя для тѣхъ кто обязанъ нести ее, тѣмъ не менѣе необходима въ видахъ общегосударственной пользы и безопасности. Но признавать что начальное обученіе есть благо для самихъ обучаемыхъ и для ихъ семей, и притомъ такое благо которое они могутъ понять, и въ то же время навязывать имъ это благо насильно,—это такое противорѣчіе, котораго не въ состояніи примирить никакая либеральная діалектика, потому что имъ отрицается самое простое и ясное понятіе свободы.

Революціонеры и либералы.

I.

Наши умѣренно либеральные круги, мечтающіе о правовомъ порядкѣ, отвергаютъ обыкновенно всякую связь между своими идеалами и революціонною мыслью. Небезынтересно поэтому отношеніе самихъ революціонеровъ къ либеральнымъ доктринамъ и теченіямъ.

Въ настоящемъ очеркѣ я разумѣется не имѣю въ виду дать систематическаго обзора революціонной мысли въ послѣднихъ ея произведеніяхъ, а хочу указать только на то обстоятельство что за послѣднія десять или пятнадцать лѣтъ революціонеры успѣли коечему научиться, чего нельзя къ сожалѣнію сказать о либералахъ.

Прежде, однако, чѣмъ говорить о значеніи революціонныхъ мечтаній для нашего общества, необходимо хоть сколько-нибудь выяснить цѣль соціальной революціи, *какъ ее понимаютъ наши революціонеры.*

Изъ знаменитаго тріединства великой революціи: свободы, равенства и братства, современные революціонеры отдаютъ рѣшительное предпочтенія второму термину: оно и понятно: свобода не оправдала ихъ ожиданій и оказалась не въ ладахъ съ равенствомъ; поэтому ей лишь для виду отдаются нѣкоторые знаки почтенія; братство, за исключеніемъ религіозныхъ общинъ, тоже нигдѣ еще не успѣло заявить себя, и это для него плохая рекомендація въ глазахъ тѣхъ кто жаждетъ устраненія всѣхъ «устарѣлыхъ» религіозныхъ и метафизическихъ понятій. Поэтому и понятіе братства, само по себѣ довольно неопредѣленное, современными революціонерами приплетается къ равенству болѣе для симметріи.

Итакъ, главное — равенство: «Всѣ общественныя бѣдствія, вся соціальная неправда обусловливаются и зависятъ исключительно отъ неравенства людей, физическаго, интеллектуальнаго, экономическаго, политическаго и всякаго другаго».

Устраненіе политическаго неравенства возможно. Допустимъ что также возможно и устраненіе неравенства экономическаго; но какъ устранить неравенство интеллектуальное и даже физическое? Это, казалось бы, вопросъ надъ которымъ стоитъ подумать прежде

чѣмъ начинать всеобщую ломку; но наши преобразователи не затрудняются такими мелочами и преспокойно продолжаютъ.

«Слѣдовательно, пока существуетъ неравенство, хотя въ какой-нибудь сферѣ человѣческихъ отношеній, до тѣхъ поръ будетъ существовать власть. Анархія немыслима, немыслима логически (не говоря уже объ ея практической невозможности) безъ предварительнаго установленія абсолютнаго равенства, между всѣми членами общества. И потому-то самая существенная, самая характеристическая черта будущаго общества и должна выражаться не словомъ *анархія*, а словомъ равенство.»

Но это равенство только революціонный идеалъ, къ которому слѣдуетъ стремиться лишь постепенно; ближайшая же цѣль революціи совсѣмъ иная: это—захватъ власти. Мотивируется такой захватъ очень просто: «чтобъ установить братство и равенство, нужно разрушить весь существующій строй и измѣнить самую природу человѣка (excusez du peu!), перевоспитать его. Осуществить эту задачу могутъ, конечно, только люди, понимающіе ее и искренно стремящіеся къ ея разрѣшенію, то-есть люди умственно и нравственно развитые, то-есть меньшинство. Это меньшинство, въ силу своего болѣе высокаго умственнаго и нравственнаго

развитія, всегда имѣетъ и должно имѣть умственную и нравственную власть надъ большинствомъ. Слѣдовательно, революціонеры, люди этого меньшинства, революціонеры, воплощающіе въ себѣ лучшія умственныя и нравственныя силы общества,—необходимо обладаютъ и, оставаясь революціонерами, не могутъ не обладать *властію.*» Но этимъ дѣло не ограничивается: «власть эта имѣетъ нравственный такъ сказать, духовный характеръ» только до революціи, но революціонеры стремятся путемъ насильственнаго переворота обратить свою силу умственную и нравственную въ силу матеріальную. «Въ этой метаморфозѣ силъ и заключается основная сущность всякой истинной революціи.» «Но метаморфоза силы нравственной въ матеріальную»,—наивно и откровенно поучаетъ авторъ цитируемой брошюры — «можетъ совершиться только при одномъ условіи,— при захватѣ революціонерами государственной власти въ свои руки; иными словами, ближайшая, непосредственная цѣль революціи должна заключаться не въ чемъ иномъ, какъ только въ томъ чтобъ овладѣть правительственностью властію и превратить данное *консервативное* государство въ государство революціонное.»

Вотъ какъ просто открывается ларчикъ: ни равенства, ни анархіи пока не надо, революціи

ціонеры желаютъ упраздненія правительства, чтобы скорѣе занять его мѣсто, — ôtes toi de la que je m'y mette! желаетъ, или не желаетъ этого большинство, этимъ стѣсняться не стоитъ, такъ же какъ и тѣмъ, что революціонное государство само по себѣ такая же безсмыслица, какъ деревянное желѣзо или круглый квадратъ. Въ каждомъ государствѣ существуютъ недовольные, и когда недовольство принимаетъ острый характеръ и недовольные сплочиваются между собою,—могутъ образоваться революціонныя партіи; но какъ только эти партіи достигаютъ власти, онѣ неизбѣжно становятся по своему консервативами, именно потому, что онѣ уже не могутъ быть недовольными, а ихъ мѣсто должны занять другіе, именно потому, что другія группы людей станутъ недовольными. Такого рода метаморфоза несомнѣнно и произошла бы очень быстро, еслибы теперешнимъ революціонерамъ удалось когда нибудь захватить власть въ свои руки, и они стали бы силой осуществлять свою программу, постепенно уничтожая семью и «устраняя физическое, умственное и нравственное неравенство между людьми, при посредствѣ обязательной системы общественнаго, для всѣхъ одинаковаго, интегральнаго (?) воспитанія, въ духѣ любви, равенства и братства» и т. п.

Тогда, разумѣется, не только теперешніе консервативные элементы, но весь народъ сталъ бы революціоннымъ, такъ какъ едвали захотѣлъ бы подчиниться системѣ «интегральнаго воспитанія», имѣющей въ виду постепенное разложеніе его собственныхъ идеаловъ. А что народные идеалы не совпадаютъ съ революціонными, это прямо признаютъ сами революціонеры.

«Положительные идеалы нашего крестьянина еще не революціонны», говорится въ той же брошюрѣ «они не могутъ быть идеалами революціи. Самое полное и безпрепятственное примѣнене ихъ къ жизни очень мало подвинетъ насъ къ конечной цѣли соціальной революціи—къ торжеству коммунизма».

Можно только возбудить народную ненависть противъ богатыхъ и правящихъ классовъ, но,—

«Разрушивъ учрежденія, чуждыя, враждебныя привычнымъ ему формамъ общежитія, уничтоживъ всѣхъ своихъ непосредственныхъ враговъ, захвативъ въ свои руки ихъ достояніе, онъ, болѣе свободный, болѣе довольный, болѣе обезпеченный, возвратится въ свою «святую святыхъ»—въ свой «міръ» въ свою общину, къ своей семьѣ. Его внутренній міръ обветшалыя традиціонныя формы его жизни, останутся не-

тронутыми, онъ любитъ ихъ, онъ дорожитъ ими, и онъ не прикоснется къ нимъ ни однимъ пальцемъ»,

Но это, конечно, совсѣмъ не входитъ въ разсчеты революціоннаго меньшинства.

«Оно должно внести свою разрушительную революціонную дѣятельность и въ нѣдра крестьянской жизни, оно должно стремиться устранить изъ этой жизни ея обветшалыя, враждебныя коммунистическому прогрессу, формы, замѣняя ихъ формами, наиболѣе приспособленными къ потребностямъ этого прогресса.

«Отношеніе революціоннаго меньшинства къ народу и участіе послѣдняго въ революціи можетъ быть опредѣлено слѣдующимъ образомъ: революціонное меньшинство, освободивъ народъ изъ подъ ига гнетущаго его страха и ужаса передъ властью предержащею, открываетъ ему возможность проявить свою разрушительную революціонную силу, опираясь на эту силу, искусно направляя ее къ уничтоженію непосредственныхъ враговъ революціи, оно разрушаетъ охраняющія ихъ твердыни и лишаетъ ихъ всякихъ средствъ къ сопротивленію и противодѣйствію. Затѣмъ, пользуясь своею силой и своимъ авторитетомъ, оно вноситъ новые прогрессивно-коммунистическіе элементы въ условія народной жизни».

Программа несложная: возбудивъ народныя страсти, направить ихъ противъ, будто-бы, общихъ враговъ, и, тѣмъ временемъ захватить власть въ свои руки, воспользоваться ею, чтобы постепенно навязать этому народу совершенно чуждые ему идеалы. Конечно, свобода и равенство *временно* устраняются изъ этой программы и благоразумно умалчивается о томъ, долго ли должно длиться это переходное состоянія.

Логическія противорѣчія и несообразности въ программахъ нашихъ революціонеровъ до такой степени бросаются въ глаза что трудно было бы понять для кого онѣ пишутся, если бы революціонный цензъ сколько-нибудь совпадалъ съ цензомъ образовательнымъ. Но дѣло въ томъ, что какъ прежде существовала особая литература ad usum delphini, такъ и у насъ за послѣднія тридцать, сорокъ лѣтъ выработалась особая литература предназначенная для нашихъ недоучившихся революціонныхъ дофиновъ: «было бы горячо, а за послѣдовательность и за вкусъ не ручаюсь»—стало руководящимъ правиломъ этой литературы, Когда встрѣчаются существенныя возраженія даже со стороны относительныхъ единомышленниковъ, незачѣмъ входить въ обсужденіе ихъ по существу, это могло бы только повредить «общему дѣлу». а если почему-

нибудь неудобно просто обругать противника, то достаточно сдѣлать блестящую выходку въ строго революціонномъ стилѣ.

Вотъ одинъ изъ перловъ такого революціоннаго краснорѣчія, имѣющій цѣлью доказать революціонерамъ же, что теоретическія разногласія, раздѣляющія революціонное меньшинство,— только иллюзія.

«Мы не замедлимъ убѣдиться», — картинно выражается авторъ,—«что барьеры эти не болѣе какъ грязныя онучи, развѣшанныя на гнилыхъ подпоркахъ, онучи выуженныя изъ помойной ямы метафизики и буржуазной софистики. Надъ этими онучами можно и даже должно смѣяться, ихъ не нужно щадить, ихъ вонь, грязь, ихъ безчисленныя прорѣхи нѣтъ надобности скрывать; но смотрѣть на нихъ какъ на серіозныя препятствія къ объединенію всѣхъ русскихъ революціонеровъ въ одно неразрывное цѣлое, это значитъ: принимать фикцію за нѣчто реальное, иллюзію за дѣйствительность, ветхія онучи за гранитъ».

Принять такое краснорѣчіе за доводы грамотные и взрослые люди, въ какой бы партіи они ни принадлежали, конечно, не могутъ, на это способны только современные революціонные Митрофанушки, которые, такъ же какъ и прежде. не хотятъ учиться, а стремленіе къ

женитьбѣ замѣнили жаждой свободной любви и политическихъ правъ.

Только они могутъ «принимать ветхія онучи за гранитъ», особенно когда въ эти онучи облекаются революціонныя теоріи.

Все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно. Правда что для народа, не сбитаго съ толку его самозванными учителями, революціонныя теоріи пока не представляютъ опасности, и сами революціонеры спѣшатъ разрушить иллюзіи, «сложившіяся у нашей революціонной молодежи относительно ея, такъ-сказать, *революціонной правоспособности*».

Но грустно то, что среди этой молодежи, принимающей ветхія онучи за гранитъ, многіе губятъ не только собственную жизнь, но и вносятъ смуту въ среду товарищей и мѣшаютъ имъ учиться и дѣлать насто ящее дѣло; грустно то что въ средѣ преподавателей не находится достаточно энергіи и единодушія, чтобы помѣшать учебнымъ заведеніямъ дѣлаться центрами безсмысленнаго, ребяческаго политиканства.

Грустно то что не только революціонеры, по весьма понятнымъ побужденіямъ, но даже либералы, безо всякихъ разумныхъ основаній устроили себѣ изъ «молодежи» кумиръ, и какія бы нелѣпости она ни дѣлала, они спѣшатъ,

если не восхвалить, то по крайней мѣрѣ оправдать, а не образумить ее.

Что касается дѣятельныхъ революціонеровъ, то понятно, что для нихъ вся сила дѣйствительно въ молодежи: они откровенно признаютъ себя «ничтожнымъ меньшинствомъ въ ничтожнѣйшемъ меньшинствѣ». Откуда же имъ пополнять свои ряды? Среди людей вполнѣ взрослыхъ они найдутъ немного послѣдователей. Какъ убѣдить такихъ людей въ логичности и искренности теоріи, которая, во имя всеобщаго равенства и свободы, предписываетъ «ничтожному меньшинству среди ничтожнѣйшаго меньшинства» захватить какъ можно скорѣе всю власть въ свои руки?

Совершенно справедливо, что люди благонамѣренные и вполнѣ развитые всегда составляютъ незначительное меньшинство; но отсюда не слѣдуетъ, чтобы достаточно было быть въ меньшинствѣ, чтобъ имѣть право считать себя развитымъ и благонамѣреннымъ; въ противномъ случаѣ и кретиновъ, и простыхъ разбойниковъ тоже пришлось бы считать людьми развитыми и благонамѣренными, такъ какъ они тоже составляютъ къ счастію, «меньшинство среди ничтожнаго меньшинства».

А если такъ, то для «революціонной правоспособности» недостаточно еще собственной

аттестаціи революціонеровъ, какъ бы она ни была блестяща, и какъ бы щедро ни раздавалась ими другъ другу.

Но если окончательныя цѣли революціонеровъ и ихъ аргументаціи поражаютъ своею наивностью и своими несообразностями, то, какъ мы далѣе увидимъ, не всегда можно сказать то же относительно средствъ которыя они выбираютъ для достиженія этихъ цѣлей: тутъ они оказываются нерѣдко болѣе проницательными и послѣдовательными чѣмъ многіе изъ нашихъ серіозныхъ и образованныхъ либераловъ.

II.

Активные революціонеры даже въ семидесятыхъ годахъ представляли лишь «меньшинство въ ничтожнѣйшемъ меньшинствѣ» и сами понимали это, но въ то же время, введенные въ заблужденіе какимъ-то страннымъ, неопредѣленнымъ отношеніемъ къ нимъ общества, они считали себя способными не только произвести государственный переворотъ, но и навязать Россіи чуждые ей революціонные идеалы.

Это вызвало рядъ безсмысленныхъ преступленій, не имѣющихъ прямаго отношенія ни къ какой политической теоріи. Зачинщики этихъ

преступленій воображали, что посредствомъ убійства нѣсколькихъ должностныхъ лицъ можно терроризовать правительство и что убійство главы государства будетъ не только тяжкимъ ударомъ для самодержавія, но чуть ли не окончательнымъ торжествомъ революціи.

Надо признаться, что въ то время нерѣшительность и колебанія въ правительственныхъ мѣропріятіяхъ могли ввести въ заблужденіе и не однихъ революціонеровъ.

Послѣ процесса Вѣры Засуличъ, чуть не вся Европа считала насъ наканунѣ революціи.

Обращеніе правительства къ обществу и призывъ бороться съ революціонными элементами не только не улучшилъ положенія вещей, но скорѣе наоборотъ.

Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, могли отвѣтить на этотъ призывъ консервативные элементы общества? Что могли они сдѣлать кромѣ того, что уже дѣлали? Для всѣхъ недовольныхъ, напротивъ того, призывъ этотъ являлся желаннымъ предлогомъ для выраженія всевозможныхъ требованій и пожеланій, которыя могли быть только на руку революціонерамъ.

Правительство, повидимому, само ошибалось, если только не хотѣло ошибиться насчетъ значенія революціоннаго движенія въ Россіи; въ сущности движенія этого не было и не могло

быть, потому что ничтожное меньшинство въ «ничтожнѣйшемъ меньшинствѣ», несмотря на всѣ старанія, было также безсильно вызвать народное движеніе какъ человѣкъ, который сталъ бы изо всѣхъ силъ дуть на поверхность моря, не могъ бы вызвать на немъ волненія.

Въ этомъ отношеніи исторія преступленія перваго марта могла бы открыть глаза и слѣпому. Но въ то же время для каждаго стало ясно, что даже среди общества между необдуманною либеральною болтовней и готовностію самому стать въ ряды заговорщиковъ есть еще громадная разница и что вызвать не только революцію, но даже мѣстное возмущеніе далеко не такъ легко, какъ составить заговоръ.

Революціонеры вообразили себя громадною силой, потому только, что имъ удалось посредствомъ ряда преступленій обратить на себя серіозное (можетъ-быть слишкомъ серіозное) вниманіе правительства и вызвать въ обществѣ нѣкоторую тревогу.

Но силы бываютъ разныя.

Если бы мыши на кораблѣ могли сговориться, онѣ съ такимъ же правомъ могли бы считать себя силой. Онѣ могли бы, въ разныхъ мѣстахъ прогрызть дыры, такъ что корабль далъ бы течь, и командѣ пришлось бы

то и дѣло откачивать воду, разыскивать дыры, затыкать и заколачивать ихъ, словомъ—заниматься противодѣйствіемъ мышиной работѣ, а такъ какъ, пока однѣ дыры задѣлывались бы, мыши успѣвали бы прогрызать другія, то всѣ силы команды уходили бы на борьбу съ ними, и онѣ могли бы считать себя равноправною и равносильною воюющею стороной, если бы для уничтоженія этого равенства недостаточно было завести на кораблѣ нѣсколькихъ кошекъ.

Ожидать отъ консервативныхъ элементовъ общества, чтобъ они вступили въ непосредственную борьбу съ революціонерами такъ же невозможно, какъ ожидать отъ матросовъ, чтобъ они руками переловили всѣхъ мышей на своемъ кораблѣ. Прямая борьба съ анти-государственными элементами есть дѣло государственной полиціи, и опытъ показалъ, что это дѣло возможное; но, разумѣется, при томъ условіи, чтобы, по мѣрѣ того какъ общество избавляется отъ враждебныхъ ему элементовъ, ряды ихъ не пополнялись новобранцами въ еще большемъ количествѣ, а для этого необходимо, чтобы борьба велась спокойно, разумно и твердо, а главное, послѣдовательно, такъ чтобъ исходъ ея не могъ быть сомнительнымъ. Нѣтъ надобности въ исключительно строгихъ, репрессивныхъ мѣрахъ, но необходимо чтобы преступ-

ники не оставались безнаказанными и чтобы не дѣлалось никакихъ уступокъ и компромиссовъ, такъ чтобы каждый могъ видѣть всю безполезность и всю нелѣпость преступленій.

Стоило правительству взглянуть на революціонеровъ съ этой точки зрѣнія, и опасность, которую они представляли для общественнаго спокойствія, сразу исчезла.

«Опытъ послѣднихъ двухъ царствованій,» говоритъ одинъ изъ ревалюціонеровъ, «несомнѣнно отразился и на тѣхъ элементахъ, которые у насъ принято называть революціонными. Идеалы ихъ остались тѣ же, но путь, которымъ придется дойти до идеаловъ, подвергся значительному искусу, въ теченіе котораго, точно рано распустившійся весенній цвѣтъ во время наступившихъ затѣмъ холодовъ, много юношескихъ иллюзій облетѣло.

«Мы уже перестали вѣрить въ формулу ««чѣмъ хуже, тѣмъ лучше»» и бояться частичныхъ улучшеній, какъ отдаляющихъ революцію», говорится дальше.

Не слѣдуетъ забывать, однако, что увядшій революціонный цвѣтокъ можетъ опять распуститься, какъ только наступитъ благопріятная для него погода.

Прежнее *чѣмъ хуже, тѣмъ лучше*, стоявшее непреодолимою преградой между революціоне-

рами и либералами уже не существуетъ, а способы пониманія этого *хуже* и *лучше*, по крайней мѣрѣ временно, у нихъ одни и тѣ же.

Вотъ почему отношенія между ними теперь совсѣмъ измѣнились; прежде, пока длилось революціонное броженіе, либералы могли объяснять его отсутствіемъ у насъ представительныхъ учрежденій и такимъ образомъ извлекать изъ агитаціи нѣкоторый аргументъ въ пользу своихъ теорій. Революціонеры же относились къ нимъ съ нескрываемымъ пренебреженіемъ, называя ихъ своею «дойною коровкой», а ихъ идеалы—«севрюжиной»; но теперь положеніе измѣнилось; понявъ, что «рано распустившійся революціонный цвѣтъ» не можетъ принести никакихъ плодовъ, пока подъ нимъ нѣтъ подходящей почвы, они возлагаютъ всѣ свои надежды на либерализмъ, который одинъ современемъ можетъ создать эту почву. Рядъ политическихъ преступленій во всей Европѣ показалъ уже, что парламентъ не только не мѣшаетъ подпольной работѣ, но что при немъ работается даже гораздо удобнѣе и безопаснѣе, такъ какъ внутри его можно всегда найти, если не сообщниковъ, то, по крайней мѣрѣ, горячихъ защитниковъ.

Въ Россіи революціонные элементы выросли не изъ народнаго недовольства, а наоборотъ,

сами они безуспѣшно стремились создать это недовольство (отсюда и формула «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше»). Если вспомнить что время появленія ихъ совпадаетъ съ отмѣной крѣпостнаго права, со введеніемъ въ дѣйствіе земскихъ учрежденій, судебныхъ ставовъ, всеобщей воинской повинности и т. д., то ясно станетъ что это появленіе не можетъ быть объяснено отсутствіемъ либерально-реформаторскаго направленія въ правительственныхъ сферахъ.

Напротивъ того сами наши революціонеры были въ такой же мѣрѣ продуктами крѣпостнаго права, какъ и крѣпостники: вышедшіе изъ прежнихъ узкихъ, но твердо сложившихся, рамокъ, не подготовленные ни къ умственной, ни къ физической дѣятельности, съ полуобразованіемъ и широко развитыми потребностями; но безо всякихъ способовъ для ихъ удовлетворенія, они, естественно, должны были стать въ отрицательное отношеніе ко всему окружающему, и вмѣсто того, чтобы стараться приспособиться къ даннымъ условіямъ и, данной средѣ, они стали пытаться сломать существующее, чтобы подогнать его подъ мѣрки своихъ неуклюжихъ фантазій.

А между тѣмъ общество было еще въ такомъ переходномъ и неустойчивомъ положеніи, что не могло поставить ихъ на надле-

жащее мѣсто и относилось къ нимъ то покровительственно то, снисходительно то почти заискивало въ нихъ; и пока революціонная дѣятельность оставалась теоретическою, само правительство не принимало почти никакихъ мѣръ для ея ограниченія.

Благодаря этому, несмотря на свое численное ничтожество, революціонеры въ семидесятыхъ годахъ пришли къ убѣжденію что они сила и что отъ нихъ зависитъ вся будущность Россіи.

— «Сегодня мы сила», писали они, — «вы видите, государство, отчаиваясь совладать съ нами, зоветъ къ себѣ на помощь буржуазное общество, интеллигенцію.

«Но, увы, его союзники отказываются ему служить, по крайней мѣрѣ, даромъ; устами своихъ публицистовъ они говорятъ ему: ‹‹мы сами ненавидимъ тебя; если ты хочешь чтобы мы тебѣ служили, подѣлись съ нами твоими правами; въ противномъ случаѣ мы лучше пойдемъ за революціонерами утопистами.››

«Они утописты,—мы ихъ не боимся.

«Только бы съ тобою намъ совладать, а съ ними-то мы справимся!›

«И они посылаютъ въ наши ряды своихъ дѣтей, а ихъ интеллигенція рѣшительно держитъ нашу сторону›.

«Мы не сомнѣваемся,—читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ,—«въ успѣхѣ этой (подземной) работы, мы вѣримъ что революціонныя силы, скрывшись подъ *легальную почву*, кончатъ тѣмъ, что взорвутъ ее, разрушатъ величественное зданіе «буржуазнаго общества» и подъ его обломками погребутъ старый міръ».

И еще.

«Теперь мы держимъ въ рукахъ судьбу русской исторіи мы *можемъ* ее измѣнить, если только *захотимъ*. А чтобы *захотѣть*, намъ нужно имѣть немножко энергіи, немножко смѣлости и какъ можно больше согласія и единства въ дѣйствіяхъ.»

Такимъ образомъ, въ концѣ семидесятыхъ годовъ хожденіе въ народъ и вообще всѣ подготовительныя мѣры казались болѣе рѣшительнымъ революціонерамъ безполезными; надо было только сплотиться какъ можно тѣснѣе, чтобы дѣйствовать *какъ одинъ человѣкъ*, по одному общему плану, подъ однимъ общимъ руководствомъ, однимъ словомъ, — всю свою энергію направить на составленіе заговора.

«—Мы должны навсегда вычеркнуть изъ своего словаря пошлыя и безсмысленныя фразы о какомъ-то *народномъ геніи*, фразы, взятыя нами напрокатъ у реакціонеровъ-славянофиловъ... Нечего говорить, глупости, будто народъ, «предоставленный самому себѣ, можетъ

осуществить соціальную революцію, можетъ самъ наилучшимъ образомъ устроить свою судьбу. Народъ—необходимый факторъ соціальной революціи... но только тогда, когда революціонное меньшинство возметъ въ свои руки дѣло этой революціи, когда оно постоянно будетъ направлять и руководить какъ революціонными, такъ и консервативными силами народа... Ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ, народъ самъ себѣ предоставленный, не въ силахъ осуществить соціальную революцію. Только мы, революціонное меньшинство, можемъ это сдѣлать. и мы *должны* это сдѣлать, какъ можно скорѣе.»

Впрочемъ, не всѣ революціонеры и въ семидесятыхъ годахъ раздѣляли этотъ образъ мыслей; многіе изъ нихъ понимали, что безъ предварительной подготовки почвы для революціонныхъ идей немыслимо разсчитывать на успѣхъ; но они вызывали только насмѣшки и обвиненія въ малодушіи со стороны болѣе энергическихъ и нетерпѣливыхъ товарищей.

«Если бы III отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи», — читаемъ мы,—«назначило премію за лучшее сочиненіе на тему ««о невозможности въ настоящее «время соціальной революціи въ Рос«сіи», то, конечно, эту премію получили бы не писатели буржуазно-крѣпостнической прес-

сы,—не гг. Катковы, Краевскіе, Мещерскіе и т. п.. а они, они—революціонеры-реакціонеры.»

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ, болѣе энергическимъ и менѣе осторожнымъ революціоннымъ элементамъ удалось, однако, получить преобладаніе въ революціонной организаціи и убѣдить остальныхъ товарищей въ возможности немедленнаго осуществленія своей мечты. Самомнѣніе ихъ достигаетъ въ это время крайнихъ предѣловъ, и нѣсколько политическихъ убійствъ, оставшихся безнаказанными, окончательно кружатъ имъ голову.

Они упрекаютъ либераловъ въ томъ, что, вызвавъ строгія правительственныя мѣры, сами же они начинаютъ ихъ трусить и увѣряютъ, что мѣрами строгости противъ революціонеровъ ничего нельзя сдѣлать. Дѣло въ томъ что либеральная поддержка революціонерамъ казалась уже не нужна и они смѣялись надъ нею.

«Насилу-то догадались! — говорятъ они, — только не слишкомъ-ли поздно? Теперь уже никакими мѣрами, въ томъ числѣ и тѣми, о которыхъ вы платонически мечтаете въ ночной тиши своихъ спаленъ, но о которыхъ вы никогда даже не рѣшитесь намекнуть при свѣтѣ дня, вы не остановите революціоннаго движенія. Оно вступаетъ теперь въ свой конечный, высшій фазисъ развитія. Посмотрите, съ какою

неудержимою быстротой разросталось оно за эти послѣдніе годы.»

«Революція пришла», заявляютъ наконецъ наши революціонеры, — «и отъ насъ зависитъ удержать эту желанную гостью». Они забываютъ только то, что еслибъ она и дѣйствительно пришла, и если бы, вопреки здравому смыслу, революціонному меньшинству удалось захватить власть въ свои руки, всѣ консервативные элементы общества, начиная съ войска, мгновенно превратились бы въ революціонные и не позволили бы имъ удержать власть.

Революціонеры любятъ упрекать своихъ противниковъ въ малодушіи и хвалиться энергіей и смѣлостію. Конечно, въ смѣлости нельзя отказать людямъ, которые не отступаютъ не только предъ смертію, но и предъ преступленіемъ, и несомнѣнно, что для того, чтобы убить изъ-за угла человѣка, хотя бы съ опасностію собственной жизни, требуется большая или, во всякомъ случаѣ, нѣсколько инаго рода смѣлость, нежели та, которая нужна чтобы самому встрѣтить какую угодно опасность.

Но для того, чтобы навязать народу революцію, которой онъ не хочетъ, одной смѣлости недостаточно. Какъ это ни ясно само по себѣ, но даже 1 марта не всѣмъ открыло глаза на дѣйствительное положеніе вещей, и революціо-

ціонеры еще считали себя или дѣлали видъ, что считаютъ себя силой; по крайней мѣрѣ, десятаго марта исполнительный комитетъ ие задумался обратиться къ Императору Александру III съ заявленіемъ, что какъ только Верховная Власть твердо рѣшится «осуществлять лишь требованія народнаго сознанія и совѣсти, исполнительный комитетъ самъ прекратитъ свою дѣятельность, и организованныя вокругъ него силы разойдутся для того чтобы посвятить себя культурной работѣ на благо роднаго народа». Что̀ значитъ это заявленіе, гдѣ почти каждое слово двумысленно? Авторъ брошюры, изъ которой я его заимствую, справедливо замѣчаетъ:

«Въ этомъ заявленіи заключалось другое, а именно если де Верховная Власть не откажется отъ произвола и неограниченности, то и исполнительный комитетъ не прекратитъ своей дѣятельности, и организованныя вокругъ него силы не разойдутся.» И тутъ же съ грустію прибавляетъ:

«Какъ извѣстно, новый Императоръ не только не вступилъ на новый путь, но вотъ уже 12 лѣтъ старается вернуть Россію къ Николаевскимъ временамъ, открыто заявивъ что онъ будетъ поддреживать принципъ и практику самодержавія во что̀ бы то ни стало.».

«Естественно было ожидать что дѣятельность

исполнительнаго комитета усилится какъ огонь встрѣтившій на пути еще болѣе высокую досчатую стѣну, чѣмъ та, которую онъ уже уничтожилъ. Вмѣсто того она совсѣмъ замерла.»

Этотъ фактъ не нуждается въ комментаріяхъ, кромѣ развѣ тѣхъ, которые дали сами революціонеры еще до перваго марта, убѣжая товарищей въ своевременности революціи.

«Если апріорическія доказательства для васъ недостаточно убѣдительны, обратитесь къ опыту исторіи. Прослѣдите всѣ чисто-народныя движенія, начиная отъ великаго возстанія рабовъ въ Римѣ и кончая парижскою коммуной, и вы увидите что всѣ они, всѣ безъ исключенія, имѣли мѣсто, лишь когда въ высшихъ правящихъ слояхъ общества царили хаосъ, безпорядокъ, безначаліе или многоначаліе: *«когда рука власти предержащей начинала дрожать и колебаться.»*

Но письмо исполнительнаго комитета представляетъ интересъ еще въ томъ отношеніи что составители его какъ будто отказываются отъ своей чисто революціонной цѣли и готовы, повидимому, ограничиться либеральными компромиссами... Есть ли это скрытое признаніе собственнаго безсилія, или надежда вѣрнѣе достигнуть цѣли, хотя болѣе отдаленнымъ путемъ.

Что̀ значитъ: «осуществлять лишь требованія

народнаго сознанія»? Какимъ путемъ будетъ выражаться это сознаніе? Конечно, если бы Верховная Власть могла, оставаясь верховною, превратиться въ исполнительный органъ народной воли, то противъ нея революціонерамъ не зачѣмъ было бы бороться, а развѣ только противъ самой народной воли, еслибъ она оказалась несогласною съ тою, которая была ими изобрѣтена.

Чего въ сущности требуетъ здѣсь «исполнительный комитетъ,» обѣщая прекратить свою дѣятельность, если получитъ требуемое? Народнаго представительства?—но вѣдь это точно также мечта нашихъ либераловъ, казалось бы, не имѣющая ничего общаго съ соціальными идеалами революціонеровъ... Но дѣло въ томъ, что они успѣли уже убѣдиться, что своего «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше» они скорѣе могутъ добиться при либеральной конституціи, чѣмъ при консервативномъ Самодержавіи.

При настоящихъ условіяхъ, для того, чтобы революціонное дѣло могло имѣть хоть какіенибудь шансы на успѣхъ въ Россіи, революціонерамъ надо было бы не упразднить правительство (потому что, допуская даже такую возможность, оно тотчасъ же было бы возстановлено), а обмануть его такъ, чтобы само оно содѣйствовало революціоннымъ планамъ.

Какъ ни невѣроятно такое предположеніе, былъ, однако, моментъ, когда чуть-чуть не случилось нѣчто подобное.

III.

Создать шансы для революціи въ Россіи могло бы только само правительство, и оакъ это ни странно былъ моментъ когда чуть-чуть не случилось чего-то подобнаго; революціонеры не сумѣли воспользоваться этимъ моментомъ, но урокъ не прошелъ для нихъ даромъ: желательно было бы чтобъ и наше общество тоже чему-нибудь на училось изъ опыта недавняго прошлаго.

Стоитъ въ самомъ дѣлѣ остановиться на этой страницѣ нашей исторіи.

«Въ то время какъ русская революціонная партія была въ апогеѣ своего могущества, готовясь нанести 1 марта свой послѣдній ударъ, иные элементы русскаго общества, которые не чувствовали въ себѣ и непосредственно соприкасавшейся съ ними массѣ достаточныхъ силъ и политическаго сознанія, нужныхъ для революціонной борьбы, подняли свои взоры съ упованіемъ, словно Евреи въ пустынѣ на мѣднаго змія, на человѣка внезапно возвысившагося

изъ положенія провинціальнаго генерала до положенія русскаго вице-императора».

Не стану останавливаться на томъ, каковы были дѣйствительныя намѣренія графа Лорисъ-Меликова, тѣмъ болѣе что для оцѣнки ихъ еще нѣтъ достаточныхъ матеріаловъ. Для насъ въ данномъ случаѣ интересно только то, какъ смотрѣли прежде и какъ смотрятъ теперь революціонеры на преобразованія, задуманныя во время «диктатуры сердца»; могли ли эти преобразованія повести къ полному осуществленію либеральныхъ мечтаній, или дѣло ограничилось бы попытками совѣщательныхъ собраній,—это другой вопросъ, на которымъ мы останавливаться не станемъ.

«Съ революціонной точки зрѣнія, главное значеніе Лорисъ-Меликовскихъ попытокъ преобразованія Россіи заключается не въ размѣрѣ тѣхъ уступокъ, которыхъ ему удалось добиться, а въ томъ началѣ, которое онъ положилъ, въ томъ пути, который онъ усвоилъ. При правильной тактикѣ, при вѣрности намѣченнаго пути, если первые шаги и были неудачны или ничтожны, все это было легко поправимо, потому что тѣ же самыя средства обезпечили бы новыя и новыя преобразованія. И если бы не первое марта, Верховная Власть *принуждена была бы*, подъ давленіемъ обстоятельствъ и при искус-

номъ лавированіи Лорисъ-Меликова. «*сдѣлать и такія уступки, о которыхъ въ началѣ она и не думала*».

Такого рода надежды и планы приписываютъ либераламъ наши революціонеры, причемъ и сами находятъ, что самымъ главнымъ во всемъ Лорисъ-Меликовскомъ эпизодѣ была *тактика*, которую онъ себѣ усвоилъ: «если-бъ она была правильна, если бы графъ опирался на какую-нибудь дѣйствительную силу, то онъ могъ бы постепенно вывести событія на прогрессивный,даже на *мирноревомюціонный путь*.»

Въ желаніи графа Лорисъ-Меликова вывести Россію на этотъ путь, они, повидимому, нисколько не сомнѣваются:

«При наличности подобнаго условія», — заявляютъ они,—«можетъ быть и лучше было бы, если бы «Народная воля» не нанесла своего послѣдняго удара, а нѣкоторое время сохраняла бы выжидательное положеніе; тогда силы ея были бы сохранены, а подъ угрозой этихъ силъ Лорисъ-Меликову удалось бы вырвать у Александра II такія уступки которыя дали бы неподготовленному русскому обществу нѣкоторое политическое развитіе».

Какъ бы мы ни относились къ направленію графа Лорисъ-Меликова, нельзя не видѣть что допущеніе подобнаго рода «тактики» со сто-

роны лица, облеченнаго полнымъ довѣріемъ Императора, есть чудовищная клевета; но революціонеры до такой степени потеряли всякое чутье въ этомъ отношеніи, что преспокойно продолжаютъ свои гипотезы, основанныя именно на «такой тактикѣ», и поясняютъ, что не считали бы ее «ребячествомъ», «если бы графъ, играя на слабостяхъ монарха и пользуясь случайно благопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, *опирался на что-нибудь болѣе существенное*, что̀ могло бы выручить въ случаѣ, когда тактика эта оказалась бы недостаточною. Этого мало: тутъ же слѣдуетъ разъясненіе того, на что̀ именно долженъ былъ бы опираться графъ Лорисъ-Меликовъ, чтобы добиться тѣхъ etats généraux, о которыхъ онъ мечталъ, по словамъ революціонеровъ.

«Ему нужно было имѣть въ запасѣ какую-нибудь дѣйствительную силу, посредствомъ которой онъ могъ бы всегда поставить передъ монархомъ альтернативу: либо принять совѣтъ перваго министра, либо считаться съ этою силой, что̀ было бы опасно.

«Этой силы ни Лорисъ-Меликовъ, ни тѣ либералы, которые обращались къ правительству съ совѣтами, не видѣли и не понимали, хотя она была у нихъ подъ самымъ носомъ.»

Сила эта, разумѣется, была не что̀ иное какъ террористы.

Самая строгая критика «диктатуры сердца» не могла бы придумать для нея болѣе тяжкаго осужденія, какъ то «*недоразумѣніе*» которое вызвала ея политика у революціонеровъ.

Даже теперь они жалуются не на эту политику, а только на то, что она была недостаточно послѣдовательна и не могла внушить имъ полнаго довѣрія, такъ что у нихъ не было основанія заключать «*перемиріе*», потому что нельзя было разсчитывать на серіозныя выгоды отъ этого «перемирія».

Если бы не внутреннія противорѣчія въ политикѣ графа Лорисъ-Меликова и не недостатокъ откровенности по отношенію къ «исполнительному комитету»,—революціонеры были бы вполнѣ довольны его управленіемъ, но:

«Поднимая посредствомъ сенаторскихъ ревизій, между прочимъ, вопросы о причинахъ обѣднѣнія крестьянъ, объ упроченіи независимости суда, гарантирующей личность гражданина противъ административнаго произвола, и не только поднимая, но, какъ онъ утверждалъ позднѣе, имѣя въ виду разрѣшить эти вопросы въ либеральномъ смыслѣ, при участіи общественныхъ элементовъ, графъ Лорисъ-Меликовъ нарочно созвалъ вліятельнѣйшихъ петербургскихъ редакторовъ, чтобы просить ихъ прекратить толки о «новой эрѣ», толки со-

вершенно праздные и поддерживавшіе въ обществѣ иллюзію, ибо никакой новой эры не будетъ».

Такимъ образомъ революціонеры не знали, чему они должны вѣрить и лишь нотому не *пріостановили* во время своей дѣятельности, не заключили того перемирія, польза котораго для революціоннаго дѣла *тогда* казалась имъ сомнительною: они сѣтуютъ на графа Лорисъ-Меликова главнымъ образомъ за то что онъ не сообщилъ имъ точнѣе о своихъ планахъ,—и это не шутка:

«Ему не трудно было этого достигнуть»,— говорятъ они, — «нисколько не компрометируя себя въ глазахъ Царя. Среди того либеральнаго міра, въ которомъ Лорисъ-Меликовъ искалъ поддержки и указаній, всегда были лица— профессора, адвокаты, литераторы, даже сенаторы,—которые, не принадлежа къ революціонерамъ, даже подчасъ относясь отрицательно къ ихъ дѣятельности, тѣмъ не менѣе пользовались въ рядахъ революціонеровъ довѣріемъ, какъ честные люди: что же, воспользовался ли вице-императоръ этимъ посредствующимъ звеномъ для того, чтобъ устранить *недоразумѣніе* которое могло повести ко крушенію всѣхъ его плановъ?

«Ничуть не бывало! Каковы бы ни были

тайные и задушевные планы графа,—революціонерамъ и даже всему русскому обществу, предоставлено было руководиться въ своей политической тактикѣ тѣмъ, что было объявлено петербургскимъ редакторамъ и напечатано въ *Голосѣ*».

Итакъ, по мнѣнію революціонеровъ, роковое «недоразумѣніе» произошло отъ того, что графъ Лорисъ-Меликовъ не поставилъ ихъ своевременно въ извѣстность о своихъ дѣйствительныхъ планахъ, если они у него были, тогда какъ онъ имѣлъ будто бы возможность сдѣлать это съ помощью нѣкоторыхъ посредствующихъ звеньевъ либеральной интеллигенціи.

Никакого недоразумѣнія не было-бы, если бы министръ Внутреннихъ Дѣлъ сообщилъ по секрету революціонному исполнительному комитету, что онъ только притворяется предъ Императоромъ, говоря, что не желаетъ ограниченія Самодержавія, а въ сущности думаетъ только объ etats généraux и о конституціи: тогда революціонеры не только не стали бы мѣшать ему, но содѣйствовали бы исполненію его плановъ,—разумѣется, съ тѣмъ, чтобы воспользоваться ими впослѣдствіи для достиженія революціонныхъ цѣлей.

Впрочемъ, такое толкованіе, вѣроятно, придумано уже заднимъ числомъ.

До 1 марта революціонеры были такъ увѣрены въ своей силѣ, что едва ли согласились бы дѣлать либераламъ даже временныя уступки, Теперь другое дѣло, они готовы пройти терпѣливо черезъ всѣ стадіи того мирнаго «прогресса», надъ которымъ прежде смѣялись, такъ какъ убѣдились въ необходимости такой постепенности для достиженія «идеала», то-есть соціальной революція. Вопросъ только въ томъ,— удастся ли имъ убѣдить и либераловъ въ необходимости дѣйствовать совмѣстно и таскать изъ огня революціонные каштаны, которыми, даже въ случаѣ удачи, они не могли бы воспользоваться; потому что тѣ учрежденія, которыми будто бы обезпечивается «политическая свобода», тотчасъ превратилась бы въ революціонные подмостки противъ того же »буржуазнаго общества», которое стремится къ ихъ осуществленію.

Не нужно большой проницательности чтобъ оцѣнить значеніе аргументовъ, въ родѣ того что «для практическаго успѣха партій, представляющихъ собою минимальныя для даннаго времени требованія политическаго прогресса, необходимо существованіе, рядомъ съ ними, партіи воинствующей и болѣе требовательной, которая принуждала бы старый режимъ дѣлать уступки новому».

Можно ли, однако, до такой степени разсчитывать на близорукость либеральной партіи чтобы надѣяться, что она вступитъ въ союзъ съ элементами, которые враждебны не только данному государству, не только государству вообще, но и всему тому, что сама либеральная доктрина признаетъ основаніемъ государственной и общественной жизни?

Можно ли думать, что, ради достиженія политической свободы, на которую революціонеры смотрятъ лишь какъ ни *средство* революціонной дѣятельности, либералы согласятся сойти съ почвы законности?

Оказалось, что можно.

По крайней мѣрѣ теперь революціонерами дѣлается попытка войти въ соглашеніе съ тѣми либеральными элементами, къ которымъ они прежде относились такъ пренебрежительно: даже дѣлаются нѣкоторые авансы,—допускается возможность, что среди лицъ, не принадлежащихъ къ революціонному меньшинству, могутъ быть не одни мерзавцы и идіоты,—лишь бы только они желали измѣненія существующаго порядка вещей: для такихъ лицъ изыскиваются смягчающія обстоятельства, и имъ предлагается особая роль въ дѣлѣ осуществленія *общихъ* идеаловъ.

«Въ ихъ душѣ»,—говорятъ *теперь* революціонеры,—«не накопилось непреодолимой горе-

чи. Они вѣрятъ въ то, что спасеніе Россіи можетъ придти лишь сверху, и потому нерѣдко могутъ, не насилуя своей совѣсти, входить въ соглашенія съ властью тамъ, гдѣ мы затруднились бы. Признаемъ же за ними право дѣлать нѣчто, по нашему собственному убѣжденію полезное для страны, чего мы сами сдѣлать не можемъ»,

Теперь уже (или пока) нѣтъ рѣчи о строгомъ единствѣ революціонной партіи, которая должна дѣйствовать какъ одинъ человѣкъ; напротивъ, признается право каждаго работать по-своему для общаго дѣла и является необходимость предостерегать отъ нетерпимости къ чужимъ мнѣніямъ.

«Мы по нашей полной политической неопытности»,—скромно заявляютъ люди, считавшіе въ концѣ семидесятыхъ годовъ, что судьба Россіи въ ихъ рукахъ,—«къ несчастью слишкомъ склонны къ этой ошибкѣ. Грѣхъ этотъ въ былыя времена существовалъ взаимно съ обѣихъ сторонъ: какъ со стороны элементовъ умѣренныхъ, «либеральныхъ», облекающихъ свои домогательства лучшаго будущаго въ возможно «законныя» формы, такъ и со стороны элементовъ крайнихъ.»

Народное представительство, котораго жаждутъ либералы, желательно и революціонерамъ,

и на этой почвѣ, по мнѣнію послѣднихъ является возможность совмѣстной дѣятельности. Форма правленія сама по себѣ для нихъ безразлична; но революціонировать общество при народномъ представительствѣ несравненно легче, чѣмъ безъ него, а это теперь и составляетъ главную революціонную задачу. Народное представительство немыслимо безъ полной свободы «политической» печати и безъ ослабленія центральной власти. Это два условія одинаково необходимыя для успѣха революціонной пропаганды.

Парализуя дѣйствіе административной власти, парламентъ никогда не можетъ сдѣлаться серіознымъ препятствіемъ для революціонной дѣятельности.

Видѣть въ парламентѣ, земской думѣ (или какъ бы ни называли народное представительство), осуществленіе *народной* потребности или желанія не могутъ, разумѣется, ни либералы, ни революціонеры. Они не могутъ не знать, что народъ не только не требуетъ ничего подобнаго, но и не подозрѣваетъ даже, что, это значитъ. Итакъ, та политическая свобода, о которой мечтаютъ у насъ нѣкоторые кружки, нужна не *потому* что народъ ея желаетъ, а *для того* чтобъ онъ пожелалъ ея въ послѣдствіи.

Съ революціонной точки зрѣнія такой взглядъ

совершенно понятенъ: еслибъ и удалось вовлечь народъ въ активную политику, онъ, разумѣется, не ограничился бы безцвѣтно-либеральными теоріями и учрежденіями, не представляющими для него никакого практическаго значенія.

Когда въ либеральной печати говорится о народныхъ желаніяхъ, о народномъ сознаніи и т. п., всегда слѣдуетъ разумѣть не народъ, а «интеллигенцію»: очевидно, что только изъ нея можетъ составиться и для нея только можетъ быть интересно представительство.

Могло ли бы собраніе, состоящее изъ нѣсколькихъ десятковъ или сотенъ адвокатовъ, журналистовъ и земскихъ дѣятелей, считаться выразителемъ дѣйствительныхъ потребностей и взглядовъ Русскаго народа,—это, разумѣется, довольно сомнительно; но несомнѣнно что такого рода представительство явилось бы самымъ могущественнымъ орудіемъ для осуществленія антигосударственныхъ теорій.

Кто сколько-нибудь знакомъ съ нашими выборными учрежденіями, не по книгамъ только, едва ли усомнится въ этомъ. Если даже при настоящемъ положеніи вещей, при спеціальномъ и чисто мѣстномъ характерѣ такихъ учрежденій, оппозиціонные элементы находятъ способъ пользоваться ими для противоправи-

тельственной агитаціи, то что же было бы тамъ гдѣ обсужденіе общихъ вопросовъ составдяло бы не только право, но и обязанность участвующихъ?

Значитъ ли это, что большинство общества держится оппозиціоннаго образа мыслей? Ничуть не бывало. Большинство у насъ, какъ и вездѣ, занято своимъ дѣломъ — службой, хозяйствомъ, торговлей, искусствомъ и никакихъ опредѣленныхъ политическихъ взглядовъ не имѣетъ. За то меньшинство, избравшее политику своею спеціальностью и находящееся не у дѣлъ, за неимѣніемъ у насъ спроса на эту спеціальность, не можетъ, разумѣется, не быть въ оппозиціи. А такъ какъ почти одно оно принимаетъ дѣятельное участіе въ политической агитаціи, то ему не трудно завербовать, по крайней мѣрѣ на бумагѣ, всѣ нейтральные и болѣе или менѣе равнодушные элементы.

Для такого меньшинства—большинство всегда будетъ только болѣе или менѣе удобными ширмами. Такъ понимаютъ значеніе народнаго представительства и наши революціонеры, — и въ этомъ отношеніи они не ошибаются.

IV.

Съ удаленіемъ отъ дѣлъ графа Лорисъ-Меликова, съ одной стороны, конституціонныя мечты нашихъ либераловъ должны были разлетѣться, а съ другой—революціонеры скоро поняли, что незаключеніе ими «перемирія», во время диктатуры сердца, было непростительною ошибкой.

Вполнѣ опредѣленная и ясная политика послѣдующихъ лѣтъ не могла уже дать повода ни къ какимъ недоразумѣніямъ.

Только дѣйствительно единая, безспорная и сильная власть обезпечиваетъ Россіи внутренній порядокъ и внѣшнюю безопасность, а *слѣдовательно и возможность мирнаго прогресса.* Какъ только эта истина стала основаніемъ нашей внутренней политики, тотчасъ же выяснилась несовмѣстимость съ нею установленія или расширенія правъ какихъ бы то ни было представительныхъ учрежденій, будто бы выражающихъ собою дѣйствительныя желанія и мнѣнія народа.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ ясно стало и то, что самодержавіе является непреодолимою преградой не только для революціонныхъ, но и для либеральныхъ мечтаній; поэтому нисколько не удивительно, что въ нашихъ заграничныхъ либеральныхъ произведеніяхъ встрѣчаются афоризмы въ родѣ слѣдующаго:

«Самая консервативная конституція все-таки въ десять разъ лучше самаго либеральнаго самодержавія».

Понимая, однако, что въ настоящее время не можетъ бѣть рѣчи даже о такой «самой консервативной конституціи», либералы стремятся только къ тому, что̀ могло бы подготовить для нея почву, то есть къ свободѣ печати и къ возможно широкому толкованію и развитію правъ мѣстныхъ выборныхъ учрежденій.

Революціонеры, со своей стороны, убѣдившись въ невозможности измѣнить существующій порядокъ посредствомъ системы убійствъ, готовы перемѣнить тактику и ограничиться почти такими же требованіями, выполненіе которыхъ позволило бы имъ заняться «подготовленіемъ» народа и общества.

Поэтому для нихъ также *пока* важнѣе всего свобода пропаганды, главнѣйшее условіе которой—свобода печати. Заграничныя изданія, по собственному признанію революціонеровъ, въ Россіи расходятся мало и не достигаютъ своей цѣли; но сто́итъ добиться свободы печати въ Россіи,—и всѣмъ революціоннымъ силамъ откроется широкое и благодарное поле дѣятельности.

Правда, наши либералы берутся опровергнуть и уничтожить всѣ революціонныя теоріи

самымъ научнымъ и самымъ безповоротнымъ образомъ, какъ только они получатъ неограниченную возможность высказывать свои мнѣнія, но революціонеры не особенно этого боятся и, повидимому, не совсѣмъ неправы, такъ какъ въ другихъ странахъ, гдѣ свобода печати давно существуетъ, революціонная пропаганда, несмотря на всю тяжелую артиллерію научно-либеральныхъ сочиненій, продолжаетъ дѣлать успѣхи, особенно среди рабочаго класса, что̀ для революціонеровъ важнѣе всего.

Въ подтвержденіе того, что революціонеры не ошибаются придавая весьма важное значеніе возможности открытой пропаганды, печатной и изустной, позволю себѣ привести нѣкоторыя подробности изъ появившагося въ *Фигаро* разсказа о рабочихъ безпорядкахъ въ Фурми.

Въ то время, какъ вождямъ соціалистической партіи удалось поселить почти вездѣ смуту, раздоръ и недовѣріе между хозяевами и рабочими, казалось, что Фурми, на сѣверѣ Франціи, зараза не коснулась.

Но вдругъ, въ началѣ зимы 1890 — 1891 года, рядъ ораторовъ-соціалистовъ накидывается на эту мѣстность, проповѣдуя ненависть къ буржуа, къ хозяину, питающемуся якобы народною кровью. Возбуждаются страсти рабочихъ, и на насиліе указывается, какъ на единственное лѣкарство.

Мѣстный листокъ дѣлается отголоскомъ революціонныхъ теорій, въ то время какъ другіе соціалистскіе журналы распространяются по всѣмъ окрестностямъ. Нѣкто Кюлинъ поселяется въ Фурми, чтобы поддерживать броженіе; ему помогаютъ Ренеръ и Лафаргъ, которые поочередно держатъ зажигательныя рѣчи.

Вотъ образчикъ ихъ краснорѣчія:

«Было время, когда каждая семья имѣла свою мастерскую съ маленькимъ производствомъ, свое ремесло; глава семейства былъ хозяиномъ. Теперь собрали машины подъ управленіемъ одного неограниченнаго властелина. Вы никогда его не видите, почти не знаете его, потому что все идетъ и дѣлается помимо его. Это бездѣльники проводящіе свою жизнь въ праздности и въ пьянствѣ,—да, они пьянствуютъ, товарищи! Эти люди безполезны. Ну, такъ что же? Что дѣлаютъ съ безполезными животными? Ихъ убиваютъ!

— «Вы слыхали о вшахъ, о блохахъ, вредныхъ животныхъ, для истребленія которыхъ былъ придуманъ особый порошокъ. Ну, такъ хозяева принадлежатъ къ этой породѣ и, поискавъ хорошенько, найдется, можетъ-быть, порошокъ который насъ избавитъ отъ нихъ»,—и т. д. въ томъ же духѣ.

Любопытно было бы знать, какаго рода научными доказательствами опровергли бы наши

либералы такого рода, далеко не научное, но весьма убѣдительное для толпы, краснорѣчіе?

А между тѣмъ, съ точки зрѣнія *свободы слова*, нельзя запретить не только произнесенія, но и печатанія подобныхъ рѣчей.

Но вотъ мало-по-малу эти рѣчи доводятъ населеніе до такого лихорадочнаго и напряженнаго состоянія что является необходимость вызвать войска для охраненія общественной безопасности, а ораторы, въ особенности Кюлинъ, продолжаютъ подливать масло въ огонь; онъ увѣряетъ рабочихъ, что солдаты только для виду, что они не рѣшатся стрѣлять, что ружья у нихъ заряжены холостыми зарядами; въ рѣшительную же минуту самъ онъ предпочитаетъ, однако, удалиться въ кабакъ.

Толпа рабочихъ бросаетъ въ войско камнями, двое солдатъ ранено; камни продолжаютъ сыпаться градомъ, потомъ команда: пали! Два залпа—и на мѣстѣ остается девять убитыхъ и тридцать раненыхъ.

Это—печальный и поучительный эпизодъ. Это только яркій образчикъ того, что̀ можетъ дать та свобода слова, благодаря которой «всякій гражданинъ можетъ публично говорить все, что̀ считаетъ нужнымъ и вѣрнымъ».

Никакая подпольная пропаганда не въ силахъ произвести того дѣйствія, какое произво-

дитъ публичное провозглашеніе революціонныхъ теорій, и никакія научныя опроверженія не въ силахъ ослабить этого дѣйствія.

Дѣло въ томъ, что кромѣ стаднаго чувства, на толпу въ такихъ случаяхъ вліяетъ еще убѣжденіе, что если власть не запрещаетъ произнесенія возмутительныхъ рѣчей, хотя и знаетъ о нихъ, то она или *не можетъ или не хочетъ этого сдѣлать*: и то, и другое предположеніе одинаково опасны для сохраненія общественнаго спокойствія.

Но тамъ, гдѣ существуетъ фикція верховныхъ правъ народа, тамъ неизбѣжна и безусловная свобода печати и слова, со всѣми ея послѣдствіями: только печать можетъ служить посредствующимъ звеномъ между избирателями и ихъ представителями, и понятно, что не только кандидаты должны быть безусловно свободны въ составленіи и обнародованіи своихъ программъ, чтобъ избиратели знали, кого они выбираютъ, но чтобъ и меньшинство, потерпѣвшее пораженіе на выборахъ, имѣло возможность по крайней мѣрѣ посредствомъ печати высказывать предъ страной и предъ парламентомъ свои взгляды.

Конечно, и въ парламентскихъ странахъ такого рода значеніе свободы печати нерѣдко оказывается фикціей, и она является орудіемъ по-

литическихъ и даже денежныхъ интригъ, но тамъ фикція эта безусловно необходима, такъ какъ безъ нея самое представительство потеряло бы всякій смыслъ.

Тамъ, гдѣ предполагается, что хозяинъ—народъ, а правительство только исполнитель его желаній, тамъ роль политической печати совершенно понятна, она увѣдомляетъ (и кромѣ нея никто не можетъ этого сдѣлать) этого хозяина обо всемъ, что происходитъ въ его владѣніяхъ, въ томъ числѣ и о дѣятельности его уполномоченныхъ.

Ничего подобнаго, разумѣется, не можетъ быть при дѣйствительно, а не номинально, монархическомъ правленіи, гдѣ всѣ должностныя лица заимствуютъ свои полномочія лишь отъ главы государства и только ему даютъ отчетъ въ своей дѣятельности.

При такихъ условіяхъ *для государственной власти* свѣдѣнія, сообщенныя печатью по вопросамъ внутренней политики, всегда могутъ имѣть лишь второстепенное значеніе, какъ нѣкоторое дополненіе къ тому, что она уже знаетъ отъ своихъ непосредственныхъ органовъ.

Кромѣ того, каждое частное лицо имѣетъ не только право, но и обязанность сообщить правительственнымъ органамъ то, что можетъ служить для государственной пользы. Поэтому оче-

видно, что въ самодержавномъ государствѣ главное значеніе политической печати состоитъ лишь въ *сообщеніи публикѣ* тѣхъ или другихъ свѣдѣній и въ освѣщеніи тѣхъ или другихъ фактовъ съ *субъективной точки зрѣнія*.

При такихъ условіяхъ, печать не можетъ быть антиправительственною, потому что тамъ, гдѣ правительство является лишь прямымъ исполнителемъ повелѣній Верховной Власти — антиправительственное (разумѣется, не въ частныхъ, а въ основныхъ вопросахъ) есть синонимъ революціоннаго.

Но если печать не можетъ быть антиправительственною, то отсюда же слѣдуетъ, что она не можетъ быть и безусловно свободною.

Либералы и радикалы всевозможныхъ оттѣнковъ спѣшатъ сдѣлать изъ этого заключеніе, что печать *не можетъ быть искреннею*, а должна лишь выражать взгляды навязанные ей правительствомъ.

Но представимъ себѣ, что убѣжденный послѣдователь того или другаго, запрещеннаго въ одной странѣ ученія, несмотря на преслѣдованія выражающій свои мнѣнія, переселяется въ другую страну, гдѣ ученіе это, наоборотъ, господствующее: слѣдуетъ ли отсюда, чтобы, для того, чтобы считаться искреннимъ, онъ долженъ выражать убѣжденія противоположныя тѣмъ, которыхъ держался прежде?

Несмотря на это, дѣтское мнѣніе—будто только все запрещенное хорошо и искренно—продолжетъ пользоваться въ обществѣ широкимъ распространеніемъ.

Какой-то мало извѣстный писатель выпустилъ книжку подъ бандеролью съ надписью: «дамамъ не продается»—и эта книжка разошлась очень скоро. Но если въ данномъ случаѣ разсчетъ автора на женское любопытство оказался вѣренъ, то наши оппозиціонныя партіи, ревнующія о безусловной свободѣ печати, разчитываютъ на не менѣе сильный мотивъ того же свойства.

Каждый знаетъ, однако, что взрослому человѣку не нужно быть тайнымъ совѣтникомъ и не нужно прибѣгать ни къ какимъ незаконнымъ путямъ для того, чтобы прочесть книгу, которая ему почему-либо нужна, хотя не допущена въ общее обращеніе.

Вотъ почему на цензуру писатели жалуются вообще несравненно больше чѣмъ, читатели, которые, за исключеніемъ самыхъ юныхъ, давно покончили съ надеждой найти именно въ запрещенныхъ изданіяхъ тѣ сокровища мысли, которыхъ не находится въ остальныхъ.

Но такого взгляда не могутъ, очевидно, держаться авторы запрещенныхъ книгъ, которымъ кажется, что правительство лишаетъ ихъ возможности высказывать самыя новыя и самыя

плодотворныя мысли; они, разумѣется, глубоко возмущаются всѣми мѣрами, направленными къ ограниченію «права каждаго гражданина публично говорить все, что̀ онъ считаетъ нужнымъ и вѣрнымъ». Поэтому, даже не сочувствуя революціонерамъ въ другихъ отношеніяхъ, они готовы, однако, всячески способствовать имъ въ достиженіи этой цѣли.

Еслибъ авторъ печаталъ свои сочиненія только для собственнаго удовольствія, тогда ограниченіе его права печатать все, что̀ самъ онъ считаетъ нужнымъ, являлось бы, разумѣется, ничѣмъ не оправданнымъ стѣсненіемъ его личной свободы. Но такъ какъ книги печатаются, по крайней мѣрѣ въ громадномъ большинствѣ случаевъ, для продажи и для возможно широкаго распространенія выражаемыхъ въ нихъ взглядовъ, то положеніе совершенно мѣняется. Является вопросъ, насколько интересы или желанія автора согласны съ интересами его читателей и третьихъ лицъ и насколько возможно и достаточно судебное преслѣдованіе уже совершившихся посредствомъ печати правонарушеній, чтобъ оградить интересы этихъ лицъ?

Можно ли допускать распространеніе въ публикѣ несомнѣнно вредныхъ статей или сочиненій въ разсчетѣ на уголовное преслѣдованіе авторовъ, розыскать которыхъ нерѣдко совсѣмъ невозможно?

Только благодаря безпрерывно повторяемымъ софизмамъ нѣкоторыхъ публицистовъ можно видѣть въ огражденіи общественныхъ интересовъ безцѣльное стѣсненіе личной свободы. Вѣдь съ такимъ же, если не съ бо́льшимъ, правомъ можно разсматривать какъ стѣсненіе личной свободы запрещеніе врачебной практики лицамъ не имѣющимъ соотвѣтствующихъ дипломовъ.

По какому праву, можно сказать, запрещаете вы больному слѣдовать совѣту того или другаго лица, хотя бы и не имѣющаго диплома, и лѣчиться тѣмъ именно лѣкарствомъ которое самъ онъ считаетъ для себя полезнымъ? Но противъ государственной опеки въ этомъ отношеніи никто не протестуетъ, а запрещеніе проповѣдывать анти-государственныя и антисоціальныя ученія, несмотря на то, что такая проповѣдь можетъ стоить свободы и жизни множеству людей (какъ, напримѣръ, въ Фурми),—такое запрещеніе считается несогласнымъ съ высотой современной цивилизаціи.

При спорахъ о свободѣ печати почти всегда повторяется одно и то же основное недоразумѣніе, это—смѣшеніе (иногда безсознательное, а иногда и умышленное) области чистаго мышленія со сферой практической дѣятельности.

Слово не есть исключительно выраженіе отвлеченной *мысли*, оно является также орудіемъ

является возможность ограничиться указаніемъ на другія страны или мѣстности, гдѣ уже дѣйствуютъ тѣ учрежденія, или тѣ законы, введеніе которыхъ признается желательнымъ съ той или другой точки зрѣнія.

Возможность эта основана, однако, на совершенной иллюзіи: подобная аргументація была бы правильна только въ томъ случаѣ, еслибы можно было установить тождественность условій, въ которыхъ должно произойти преобразованіе, съ тѣми, въ которыхъ оно уже происходило въ дѣйствительности, но такая тождественность не только не можетъ быть доказана, а въ большинствѣ случаевъ, наоборотъ гораздо легче указать существенныя различія.

Географическія, этнографическія и историческія условія развитія народовъ до такой степени разнообразны, что, повидимому, самыя незначительныя, а иногда и совсѣмъ незамѣченныя отличительныя черты могутъ совершенно спутать всѣ разсчеты теоріи, построенной на аналогіяхъ, и обмануть всѣ ожиданія соціологовъ

Вотъ почему ссылки нашихъ либераловъ на блестящую сторону европейской цивилизаціи лишены убѣдительности. Сторона эта дѣйствительно существуетъ, но еще весьма сомнительна связь ея съ современными формами политической жизни на Западѣ, тогда какъ связь

орудіями? А если нѣтъ, если такого рода *внушеніе*, дѣйствительно преступно, то какъ же возможно требовать для него полной свободы? Не есть ли это теорія непротивленія злу, доведенная до самыхъ крайнихъ предѣловъ?

Что̀ можетъ быть безсмысленнѣе допущенія преступленія съ тѣмъ, чтобы потомъ карать преступника, когда есть возможность предупредить преступленіе, такъ, чтобы не было ни преступника, ни потерпѣвшаго.

Такого рода теорію *непредупрежденія преступленій* въ другомъ случаѣ не рѣшился бы защищать ни одинъ разумный человѣкъ.

Но когда эту теорію можно назвать свободой печати,—на ея сторонѣ оказывается громадное большинство органовъ печати всѣхъ направленій.

V.

Говоря о нелегальной печати вообще, я не вижу ни возможности, ни надобности касаться различныхъ оттѣнковъ революціонной мысли и входить въ оцѣнку разногласій между различными революціонными партіями. Задача эта, хотя и не лишенная психологическаго интереса, далеко выходитъ за предѣлы настоящаго очерка.

Поэтому, говоря о революціонной точкѣ зрѣ-

нія и противополагая ее либеральной, я, конечно, не имѣю въ виду утверждать тождественность революціонныхъ теорій по внутреннему содержанію, а лишь по отрицательному отношенію къ существующему порядку вещей.

Отрицаніе этого порядка не только легальными, но и нелегальными средствами,—такова отличительная черта революціонной мысли, и такъ смотритъ на нее и громадное большинство общества, къ какому-бы, консервативному или либеральному лагерю оно ни принадлежало.

Прогресса, то-есть измѣненія существующаго къ лучшему, желаютъ, разумѣется, не только революціонеры, но и либералы, и консерваторы, и никто изъ нихъ не станетъ утверждать, что существующее государство и общество достигли уже такого совершенства, что какое бы то ни было измѣненіе въ существующемъ порядкѣ вещей неизбѣжно поведетъ не къ улучшенію, а къ ухудшенію. Разница въ томъ, что съ консервативной точки зрѣнія необходимо прежде чѣмъ предпринимать измѣненіе, доказать, что отъ него *должно* произойти улучшеніе, съ точки зрѣнія либеральной большею частью достаточно и того, что оно *можетъ* произойти, а съ точки зрѣнія революціонной этотъ вопросъ можно совсѣмъ не ставить, такъ какъ

окружающей средѣ. «Мы слышали», говоритъ авторъ только что помянутыхъ статей, «отъ передовыхъ земцевъ мнѣніе, что имъ нельзя было *втягивать неокрѣпшія еще учрежденія въ открытую борьбу съ правительствомъ*, особенно въ виду настроенія низшихъ классовъ, которые еще не сознали связи между чиновничествомъ и формой правленія.»

На первый взглядъ кажется совсѣмъ непонятнымъ, какъ возможна борьба между правительствомъ и какимъ-бы то ни было учрежденіемъ, которое открывается только по его распоряженію и такимъ же образомъ можетъ быть закрыто во всякое время...

Понятно, что никакихъ непосредственныхъ результатовъ, кромѣ закрытія земскихъ собраній, подобная борьба имѣть не можетъ, но все дѣло въ томъ, чтобы произвести на правительство «давленіе» чрезъ посредство *общественнаго мнѣнія*; конечно, давленіе такого рода возможно лишь, когда правительство само вѣритъ въ непогрѣшимость, или, по крайней мѣрѣ, въ дѣйствительную силу этого мнѣнія; но было время когда подобные разсчеты «передовыхъ земцевъ» были несовсѣмъ лишены основанія.

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ нѣкоторыя земскія собранія, воспользовавшись предлогомъ даннымъ имъ рѣчью Государя въ Москвѣ о

воли и, какъ таковое, становится уже дѣломъ и силой, часто несравненно болѣе могущественною, нежели та физическая сила, которая является слѣпымъ ея орудіемъ; но, конечно, уловить всѣ оттѣнки между простымъ выраженіемъ собственной мысли, совѣтомъ и приказаніемъ весьма затруднительно, и именно эта трудность и даетъ поводъ къ помянутому недоразумѣнію.

Въ такихъ эпизодахъ, какъ рабочіе безпорядки въ Фурми, не трудно понять, кто игралъ болѣе дѣятельную роль: соціалисты ли, возбуждавшіе страсти рабочихъ, или толпа этихъ рабочихъ, глупо бросавшая камнями въ солдатъ, солдаты ли, стрѣлявшіе по командѣ, или офицеръ скомандовавшій: пали!

Когда дѣло идетъ объ обыкновенныхъ уголовныхъ преступленіяхъ, положительный законъ караетъ подстрекателей наравнѣ съ непосредственными участниками преступленія; но неужели пострекательство цѣлыхъ классовъ населенія посредствомъ печати менѣе преступно?

Неужели тѣ *внушители*, какъ ихъ прозвалъ народъ, которые наталкиваютъ несчастныхъ и темныхъ людей на революціонный путь, возбуждая ихъ страсти и пользуясь ихъ невѣжествомъ,—неужели эти внушители менѣе виновны, чѣмъ тѣ несчастные, которые становятся ихъ

этихъ формъ съ надвигающеюся все ближе опасностью соціальной революціи несомнѣнна.

Въ самомъ дѣлѣ, какія бы мы ни придумывали формы народнаго представительства, онѣ не только не могутъ устранить антагонизма между различными классами населенія, но, наоборотъ, только перенесутъ этотъ антагонизмъ въ законодательныя и правительственныя учрежденія. Напрасно было бы ссылаться на опытъ прошлаго: если, въ большинствѣ случаевъ, этотъ антагонизмъ не дошелъ еще до крайнихъ предѣловъ, то никакъ не благодаря политической свободѣ, а скорѣе не смотря на нее, въ силу инерціи народныхъ массъ и благодаря искусству правительственныхъ органовъ лавировать между партіями и отчасти вліять и на выборы и на парламентскія рѣшенія.

Увлеченіе представительными учрежденіями начинаетъ слабѣть и на Западѣ, обратная сторона медали начинаетъ выступать все яснѣе, и все чаще раздаются голоса, указывающіе на несовершенства всевозможныхъ конституціонныхъ машинъ.

Тридцать лѣтъ тому назадъ еще можно было игнорировать эти несовершенства, но теперь они стали на столько очевидными что надо умышленно закрывать глаза, чтобы сохранить вѣру въ ихъ волшебную силу для исцѣленія всевозможныхъ соціальныхъ недуговъ.

Тридцать лѣтъ тому назадъ даже у насъ оффиціальные органы могли привѣтствовать земскія учрежденія какъ «школу представительныхъ учрежденій», но, въ виду того, что произошло за это время и въ Россіи, и за границей, трудно уже оставаться на этой точкѣ зрѣнія и стремиться къ продолженію несовсѣмъ удачно начатаго пути. Съ одной стороны, земства наши едва ли вполнѣ оправдали возлагавшіяся на нихъ ожиданія, а съ другой, тѣ представительныя учрежденія, которыя должны были бы обезпечивать мирное развитіе западныхъ государствъ, съ каждымъ днемъ все болѣе обнаруживаютъ свое безсиліе въ этомъ отношеніи.

У насъ большинство земствъ не захотѣли, или не сумѣли сдѣлаться полезными государственными органами, а нѣкоторыя изъ нихъ сумѣли даже стать въ оппозиціонное отношеніе къ общегосударственнымъ учрежденіямъ, чѣмъ и дали нелегальнымъ писателямъ поводъ возлагать на нихъ большія надежды. Одинъ изъ такихъ писателей посвятилъ нѣсколько небезынтересныхъ статей вопросу о либерализмѣ и земствѣ въ Россіи.

Уже въ самомъ началѣ дѣятельности земскихъ учрежденій были попытки ходатайствовать о болѣе широкомъ народномъ представительствѣ, но онѣ почти не нашли отголоска въ

предполагается, что во всякомъ случаѣ хуже не будетъ.

Самый крайній консерваторъ не станетъ примѣнять къ существующему государству теоріи Лейбница о мірозданіи и утверждать, что оно есть наилучшее изъ возможныхъ, но, съ другой стороны, самый пессимистическій взглядъ на современное государство и общество не даетъ еще права сдѣлать выводъ, чтобъ они были наихудшими изъ возможныхъ.

Итакъ, остается лишь середина между этими двумя крайностями, и каждый разъ, чтобы сказать желательно или нежелательно то или другое измѣненіе, необходимо прежде всего установить возможно ли оно? И если возможно, то будетъ ли оно дѣйствительно лучше того, что уже существуетъ.

Самымъ сильнымъ, если не единственнымъ аргументомъ для доказательства возможности тѣхъ или другихъ преобразованій въ извѣстной странѣ выставляется обыкновенно существованіе того или другаго порядка вещей въ другихъ странахъ, и дѣйствительно, если то или другое учрежденіе гдѣ бы то ни было существуетъ, стало-быть оно можетъ существовать, а если оно даетъ хорошіе результаты, то желательно введеніе его и въ другихъ мѣстностяхъ.

Такимъ образомъ, вмѣсто доказательства,

необходимости содѣйствія общества въ борьбѣ съ революціонными элементами, ходатайствовали о созваніи земскаго собора, о свободѣ слова и печати и т. п., — но справедливость требуетъ сказать, что подобныя неумѣстныя ходатайства исходили лишь отъ немногихъ «передовыхъ» земствъ.

«Но какъ ни малочисленны и ни сдержаны были эти заявленія, они произвели сильное дѣйствіе на общество, въ которомъ усилились толки о земскомъ соборѣ; нѣсколько мѣсяцевъ спустя соціальные революціонеры приняли, наконецъ, въ свою программу чисто-политическія требованія, между прочимъ и *постоянное народное представительство*; активная борьба съ самодержавіемъ, въ которую вступила новая революціонная группа народовольцевъ, рѣчи ихъ товарищей на процессахъ, несомнѣнно оживили либеральныя стремленія и во всемъ обществѣ.»

Эти либеральныя стремленія, какъ мы уже говорили, вполнѣ соотвѣтствовали революціоннымъ цѣлямъ, и Липецкій съѣздъ постановилъ даже включить въ программу революціонной дѣятельности требованіе «учрежденій, при отсутствіи которыхъ никакая * дѣятельность невозможна».

---

* Разумѣется революціонная.

Но, несмотря на отвлеченное сочувствіе къ нимъ очень многихъ, требованія эти не нашли дѣятельной поддержки ни въ обществѣ, ни въ правительственныхъ сферахъ.

Авторъ статей о Либерализмѣ и Земствѣ замѣчаетъ по этому поводу: «Быть-можетъ, гр. Лорисъ-Меликовъ думалъ, показывая, что онъ «не щадитъ крамолы» тѣмъ легче склонитъ монарха къ уступкамъ «благоразумному элементу общества», и это было также тонко, какъ и медленные подходы къ земской думѣ. Но гдѣ тонко, тамъ и рвется! Это должно сказать такъ же о политикѣ гр. Лорисъ-Меликова, какъ и о тогдашнемъ либеральномъ настроеніи общества».

Что же должно было тогда дѣлать общество? Ему слѣдовало, по мнѣнію нашихъ революціонеровъ, *оказывать болѣе сильное давленіе на правительство*: «очевидно гр. Лорисъ-Меликовъ не хотѣлъ, или не могъ оказать достаточно сильнаго давленія на Царя въ пользу этой думы, конечно и потому что «*общество*» *и* «*земство*» *сами недостаточно давили на правительство*».

Давленіе на правительство—вотъ та почетная роль, которую революціонеры предоставляютъ обществу, и въ особенности земству, въ современной государственной жизни.

Къ чести земскихъ собраній надо сказать, что большинство изъ нихъ отказались отъ этой роли, которую пытались навязать имъ «передовые земскіе дѣятели».

«Съ 1878 года было нѣсколько опытовъ, сговоровъ и съѣздовъ съ цѣлью *установленія извѣстной солидарности* и опредѣленія *способовъ давленія* на правительство; но, по словамъ революціонеровъ, «хотя не наступило еще время для откровенной исторіи этихъ попытокъ», теперь уже можно сказать, что «въ нихъ было мало энергіи и организаціи, и очень много вялости и распущенности.

«Послѣ прежнихъ опытовъ, и въ виду того, что теперь дѣло должно пойти о пріобрѣтеніи *безповоротныхъ гарантій* свободы личной и самоуправленія, этотъ натискъ долженъ быть гораздо рѣшительнѣе прежнихъ.»

Но какъ достигнуть этого, достанетъ ли на это рѣшимости у земствъ? спрашиваетъ себя авторъ.

«Коллективныя заявленія въ собраніяхъ теперь (въ 1889 году) меньше, чѣмъ когда нибудь возможны безъ сговора и рѣшимости ««выйти изъ легальности, чтобы вступить въ право»», то-есть просто не слушаться ни губернаторскихъ, ни предводительскихъ остановокъ преній, для чего надо, чтобы земцы хоть

нѣсколькихъ губерній, которымъ придется открыть кампанію, не побоялись, по крайней мѣрѣ, административной ссылки.»

Слабая попытка въ этомъ родѣ была сдѣлана нѣкоторыми земцами очень недавно, но окончилась такъ же, какъ и прежнія; не стоило бы останавливаться на нихъ, если бы самая ихъ возможность не показывала уже какъ мало наши общественныя учрежденія способны къ серіозной политической дѣятельности, и какъ легко становятся они безсознательнымъ орудіемъ политиканствующихъ элементовъ.

Когда въ учебныхъ заведеніяхъ недоучившіеся реформаторы требуютъ, наряду съ другими политическими правами, допущенія женщинъ въ университетъ и безплатнаго проѣзда по конкамъ,—такого рода «программы» могутъ вызвать только улыбку; но когда земскимъ собраніямъ, отъ которыхъ въ значительной мѣрѣ зависитъ экономическое благосостояніе цѣлыхъ губерній, предлагаютъ написать на своемъ знамени три положенія: «свобода слова и печати, гарантія личности и созывъ учредительнаго собранія», и когда находятся земцы, которые вполнѣ сочувствуютъ такой постановкѣ земской дѣятельности,—это уже не смѣшно, а возмутительно.

Возмутительно, потому, что даже съ точки

зрѣнія представительства они самымъ дерзкимъ образомъ злоупотребляютъ своими полномочіями, данными имъ для совершенно иныхъ цѣлей, и потому, что, пользуясь неподготовленностью и некомпетентностью большинства гласныхъ въ политическихъ вопросахъ, они обманываютъ его и прячутся за нимъ, прикрывая свои личныя мнѣнія авторитетомъ «общественнаго учрежденія».

Въ этомъ отношеніи они ведутъ игру несравненно тоньше, чѣмъ совѣтуютъ имъ ихъ нелегальные союзники, полагающіе, что необходимо «выйти изъ легальности, чтобы вступить въ право» и потому не слушать никакихъ предсѣдательскихъ остановокъ; они отлично понимаютъ что такимъ образомъ не только нельзя произвести никакого *давленія на правительство*, но даже никакого впечатлѣнія на общество, они отлично знаютъ, что сдѣлать скандалъ всегда очень легко, но, посредствомъ скандала доказать почти ничего невозможно. Собраніе продолжающающее пренія послѣ того какъ оно закрыто, не есть уже собраніе, а только незаконное сборище, мнѣніе котораго, если бы даже оно и могло быть выражено, не имѣетъ ровно никакого авторитета. Поэтому, съ точки зрѣнія революціонныхъ интересовъ, можно было бы замѣнить помянутое положеніе

прямо противоположнымъ: «нарушить право не выходя изъ легальности».

Разумѣется, эта легальность должна быть только кажущаяся, то-есть законъ долженъ нарушаться, но такъ чтобы нарушеніе его не бросалось въ глаза, и чтобы всегда можно было спрятаться за болѣе или менѣе произвольное, двусмысленное его толкованіе. Для «передовыхъ дѣятелей», такого рода пріемъ тѣмъ болѣе удобенъ, что большинство гласныхъ очень мало знакомо съ предѣлами своихъ полномочій, и такимъ образомъ является возможность агитаціи на мнимо-законной почвѣ, тѣмъ болѣе, что печать, воспроизводя или комментируя разныя земскія постановленія, большею частію точно также не знаетъ или не хочетъ знать Положенія о Земскихъ Учрежденіяхъ.

Но какую же роль играетъ въ земскихъ собраніяхъ то большинство, которое сплошь и рядомъ подписываетъ незаконныя постановленія, иногда даже не сочувствуя имъ?

Неужели это большинство окажется до такой степени наивно, что позволитъ «передовымъ дѣятелямъ» обратить земскія учрежденія въ орудіе пропаганды, ничего общаго съ земсвомъ не имѣющее, какъ объ этомъ уже мечтаютъ наши революціонеры?

Много разъ мнѣ приходилось указывать на

незаконность и нежелательность возбужденія въ земскихъ собраніяхъ всевозможныхъ вопросовъ, не имѣющихъ отношенія къ ихъ прямой задачѣ, такъ какъ подобные вопросы ведутъ несравненно, дальше нежели это можетъ казаться на первый взглядъ; изъ сдѣланныхъ мною ссылокъ на нашу нелегальную литературу, я думаю, достаточно ясно что это не есть только субъективное мнѣніе.

Если наши либералы продолжаютъ мечтать о болѣе широкой политической роли земскихъ учрежденій нежели та, которая вполнѣ ясно опредѣлена закономъ, и считаютъ возможнымъ указывать правительству, посредствомъ разныхъ заявленій, ходатайствъ и т. п., не только на мѣстныя нужды. но и на рѣшенія общегосударственныхъ вопросовъ, то значеніе подобныхъ указаній революціонеры опредѣляютъ гораздо понятнѣе и проще какъ стремленіе произвести на правительство нѣкоторое *давленіе*.

Если, несмотря на это, наша либеральная партія желаетъ продолжать свою прежнюю дѣятельность, то пора, по крайней мѣрѣ, понять дѣйствительное значеніе этой дѣятельности, пора бросить обвиненіе противниковъ въ томъ, что они будто бы приписываютъ ей цѣли и способы дѣйствія, не имѣющія ничего общаго съ дѣйствительными взглядами и пріемами либераловъ.

Представители либеральныхъ теорій, воображающіе, что они идутъ впереди своего вѣка, въ сущности давно отъ него отстали. Они продолжаютъ кружиться около вопросовъ, все болѣе утрачивающихъ современное значеніе, и тѣмъ самымъ тормозятъ и правильное развитіе общественной и государственной жизни и усиливаютъ вѣроятность потрясеній и насильственной ломки, безсознательно содѣйствуя развитію революціонныхъ партій всевозможныхъ оттѣнковъ.

Печать какъ орудіе прогресса.

Терпимость къ чужимъ убѣжденіямъ справедливо считается признакомъ цивилизаціи. Было время, когда каждое разногласіе съ господствующею доктриной являлось государственнымъ преступленіемъ; но мало-по-малу во всемъ цивилизованномъ мірѣ утвердилось сознаніе, что преслѣдовать человѣка за убѣжденія не только жестоко и несправедливо, но нелѣпо и безполезно.

Чужая душа потемки, и насильственными мѣрами не только нельзя вынудить перемѣны убѣжденій, но даже искренняго ихъ выраженія. Движенія мысли не могутъ быть регламентированы никакимъ кодексомъ, потому что законы мышленія сами составляютъ источникъ и послѣдній критерій всякаго положительнаго законодательства.

Но если въ этомъ отношеніи мысль безусловно свободна,—

„И наложить на разумъ цѣпи
„И слово можетъ умертвить
„Лишь тотъ кто властенъ вихрю въ степи
„И грому въ небѣ запретить“,—

то никакъ нельзя сказать того же о свободѣ слова, какъ ее большею частію разумѣютъ теперь. Свободу внутренняго убѣжденія, научнаго изслѣдованія и обмѣна мысли, изъ котораго нерѣдко выясняется истина, давно смѣшали съ безконтрольнымъ публичнымъ выраженіемъ и съ пропагадной мыслей, каковы бы онѣ ни были, и въ каждой попыткѣ оградить общество отъ вліянія людей, избравшихъ своимъ ремесломъ эксплуатацію его пороковъ и слабостей, готовы видѣть покушеніе на свободу совѣсти.

Если-бы тѣ вопросы, которые большею частію занимаютъ періодическую печать, имѣли чисто теоретическій характеръ, не было бы существеннаго вреда даже въ томъ случаѣ, если-бы высказывались самыя ошибочныя мнѣнія. Спокойное, теоретическое обсужденіе вопроса могло бы только содѣйствовать его уясненію; но такое обсужденіе совсѣмъ не входитъ въ разсчетъ большинства повременныхъ изданій, для которыхъ важнѣе всего интересъ минуты, въ чемъ бы онъ ни заключался, хотя бы въ простомъ скандалѣ. Благодаря такому положенію вещей, между печатью, съ одной стороны, и общест-

венными вкусами и настроеніемъ, съ другой,— происходитъ любопытное взаимодѣйствіе: печать старается большею частію только угадать настроеніе общества и угодить ему, общество же, не успѣвшее составить себѣ опредѣленнаго мнѣнія о новомъ явленіи или вопросѣ, довольствуется готовыми фразами, вычитанными въ той или другой газетѣ; такимъ образомъ является миражъ общественнаго мнѣнія, который блѣднѣетъ и совсѣмъ исчезаетъ, какъ только къ нему предъявляются опредѣленныя требованія и вопросы.

Но если точно выраженныя задачи почти никогда не находятъ серіознаго отвѣта среди общества, то оно почти всегда готово какъ эхо откликнуться на всякую громкую фразу. Благодаря этому, иногда вдругъ, безо всякаго видимаго основанія, возникаютъ вопросы, казалось бы, давно разрѣшенные, или другіе, совсѣмъ, не созрѣвшіе, печать подхватываетъ ихъ и признаетъ ихъ неотложность, ни мало не заботясь о томъ, что надъ ихъ рѣшеніемъ безуспѣшно трудились уже цѣлыя столѣтія, или о томъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ эти же задачи опять будутъ сданы въ архивъ, чтобъ уступить мѣсто другимъ, болѣе моднымъ.

Когда вопросъ, возникшій неизвѣстно откуда и занявшій досужихъ людей на нѣсколько мѣ-

сяцевъ, затѣмъ опять исчезаетъ безслѣдно—это не важно; но бываетъ и такъ, что, на основаніи плохо обдуманныхъ соображеній и наскоро собранныхъ данныхъ, принимаются тѣ или другія мѣры, за которыя впослѣдствіи надо дорого расплачиваться. Торопливость и въ частной жизни плохая совѣтчица, а при рѣшеніи болѣе сложныхъ государственныхъ вопросовъ, она легко можетъ вызвать непоправимыя ошибки. Послѣдовательность и постепенность составляютъ необходимое условіе для достиженія какой бы то ни было цѣли и первое требованіе государственной мудрости. Конечно, не такъ объ этомъ думаютъ непризванные законодатели, которые не только хотѣли бы навязать правительству собственные идеалы, но и заставить его перекроить государственный строй по послѣдней, понравившейся имъ, модѣ, прежде чѣмъ мода эта успѣетъ измѣниться.

Между тѣмъ, всѣ задачи, промедленіе въ рѣшеніи которыхъ должно будто бы повлечь за собой вредъ и опасность для государства, въ концѣ концовъ основаны на вѣчныхъ вопросахъ, въ высшей степени важныхъ, но смыслъ которыхъ нерѣдко совсѣмъ ускользаетъ отъ тѣхъ, кто привыкъ замѣнять логическіе доводы звучными фразами.

Для толпы кличка всего важнѣе, и это от-

лично знаютъ ея вожаки, безъ стѣсненія пополняя словами недочетъ въ мысляхъ. Одно изъ такихъ словъ, которыми чаще всего злоупотребляютъ, есть *прогрессъ*: о немъ толкуютъ вкривь и вкось, не соединяя съ нимъ никакого опредѣленнаго смысла и забывая, что понятіе прогресса есть понятіе относительное и вполнѣ зависитъ отъ взгляда на цѣль движенія.

Говоритъ серіозно о прогрессѣ или регрессѣ въ той или другой сферѣ можно только тогда, когда знаешь куда направлено то или другое движеніе и къ чему именно слѣдуетъ стремиться; но это тѣмъ болѣе трудно, что въ человѣческой жизни все связано, что явленія ея крайне сложны, и ихъ нельзя изолировать чтобъ изслѣдовать поочередно, независимо другъ отъ друга, какъ это дѣлается въ точныхъ наукахъ. Благодаря этому, одно и то же явленіе, разсматриваемое съ различныхъ точекъ зрѣнія, можетъ показаться и прогрессомъ, и регрессомъ, и чтобъ имѣть серіозное основаніе смотрѣть на него такъ или иначе, необходимо предварительно опредѣлить значеніе этихъ точекъ зрѣнія.

Прогрессъ въ области эстетики и въ сферѣ нравственныхъ понятій далеко не одно и то же, а между тѣмъ нерѣдко одно и то же явленіе можетъ разсматриваться со всѣхъ этихъ точекъ зрѣнія. Иногда успѣхъ, достигнутый въ одной

изъ этихъ областей, благопріятно отражается и во всѣхъ остальныхъ; иногда, наоборотъ, онъ вызываетъ, по крайней мѣрѣ временно, совершенно противоположные результаты.

Если открытіе какого-нибудь новаго медицинскаго средства можетъ принести человѣчеству одно только благо, то никакъ нельзя сказать того же о новомъ усовершенствованіи въ производствѣ оружія или взрывчатыхъ веществъ. Но, съ другой стороны, самую войну можно разсматривать, какъ орудіе прогресса. А если это такъ, то что же такое прогрессъ, который, для осуществленія своего, дупускаетъ такое средство, которое, очевидно, само по себѣ есть великое зло и съ матеріальной, и съ нравственной точки зрѣнія?

Неужели болѣе или менѣе выгодный торговый договоръ, или присоединеніе того или другаго клочка чужой территоріи, или даже удовлетвореніе національнаго самолюбія можетъ служить само по себѣ достаточнымъ основаніемъ для оправданія всѣхъ ужасовъ войны и того истощенія и разоренія, которыя нерѣдко слѣдуютъ за нею не только у побѣжденныхъ, но и у побѣдителей?

Ясно, что если война дѣйствительно является орудіемъ прогресса, то цѣль этого прогресса неизмѣримо дальше и выше обычнаго его по-

ниманія; если же этого нѣтъ, то приходится признать, что въ современной жизни есть такія явленія, въ которыхъ не только не замѣтно улучшенія, но гдѣ, наоборотъ, каждое новое открытіе только ухудшаетъ положеніе дѣла. Оптимисты, не допускающіе мысли объ отсутствіи прогресса гдѣ бы то ни было, готовы видѣть друзей человѣчества въ изобрѣтателяхъ смертоносныхъ орудій и въ фабрикантахъ этихъ орудій, на томъ основаніи, что, дѣлая войну все болѣе убійственною и болѣе разорительною, они тѣмъ самымъ дѣлаютъ ее все болѣе страшною, болѣе рѣдкою, и кончатъ тѣмъ, что сдѣлаютъ ее совсѣмъ невозможною; но утѣшать себя такими соображеніями, приблизительно, все равно, что радоваться что та или другая эпидемія становится очень сильна и очень смертельна, потому что она сокращаетъ число людей воспріимчивыхъ къ той или другой болѣзни и дѣлаетъ остальныхъ осторожнѣе.

Но того, кто проще смотритъ на дѣло, это наводитъ на мысль, что если внѣшнія условія мѣняются, то сущность человѣческой воли почти всегда и вездѣ остается неизмѣнною, и что если всѣ человѣческія расы, при благопріятныхъ условіяхъ, способны къ цивилизаціи, то при неблагопріятныхъ онѣ точно также способны къ одичанію. Несомнѣнный прогрессъ

существуетъ только въ области знаній, а не въ области нравовъ; конечно, развитіе знаній отражается и на нравственности, но нѣтъ надобности быть послѣдователемъ Руссо или Толстаго, чтобы видѣть, что отраженіе это не всегда бываетъ благопріятно. Э. фонъ-Гартманъ говоритъ, что онъ предпочелъ бы изрѣдка подвергаться риску быть ограбленнымъ въ лѣсу древними Германцами, нежели постоянной опасности быть обманутымъ среди современныхъ.

Что нравственное и умственное развитіе далеко не всегда идутъ параллельно — фактъ настолько общеизвѣстный, что нѣтъ надобности на немъ останавливаться.

Единственный источникъ нравственности, доступный для большинства человѣчества, даже допуская, что существуетъ другой, есть любовь къ ближнему. На этотъ источникъ во всѣ вѣка указывали почти всѣ религіи и мыслители; но сомнительно, чтобы самъ онъ сталъ отъ этого обильнѣе. Если проявленія человѣческаго эгоизма теперь менѣе рѣзки, то это скорѣе отъ того, что онъ сталъ лучше понимать собственные интересы, нежели отъ того, что онъ уступаетъ мѣсто новорожденному альтруизму. Итакъ, говоря о прогрессѣ, необходимо различать, какой именно прогрессъ имѣется въ виду, нравственный, эстетическій, чисто научный, или техническій.

Но не касаясь вопроса о сущности прогресса въ той или другой сферѣ, остановимся пока лишь на отношеніи къ нему печати, которую принято считать самымъ могущественнымъ его орудіемъ.

Если мы оглянемся назадъ, на то что сдѣлано печатью со времени изобрѣтенія книгопечатанія, мы не можемъ не видѣть громаднаго значенія ея во всѣхъ отрасляхъ человѣческаго знанія. Но когда присматриваешься къ современному ея положенію, невеселыя мысли приходятъ въ голову, и невольно является сомнѣніе относительно той роли, которую она призвана играть въ будущемъ.

Интересную характеристику печати будущаго даетъ извѣстный астрономъ Фламмаріонъ въ сочиненіи *Конецъ міра*. Судя по современному положенію дѣла, характеристика эта имѣетъ всѣ шансы осуществиться гораздо скорѣе нежели его астрономическія гипотезы.

Дѣло происходитъ въ двадцать пятомъ вѣкѣ. Всѣ встревожены появленіемъ кометы, которая направляется прямо на землю. Ученыя общества заняты наблюденіями и вычисленіями. «Въ это время, говоритъ Фламмаріонъ, ежедневные журналы пустили въ публику тревожную вѣсть сопровождая ее трагическими комментаріями и множествомъ интервью, гдѣ они заставляли уче-

ныхъ держать самыя странныя рѣчи. Они наперерывъ старались превзойти точныя данныя вычисленія, дѣлая ихъ еще болѣе мрачными посредствомъ болѣе или менѣе фантастическихъ разсужденій. Но давно уже журналы цѣлаго свѣта, всѣ безъ исключенія, сдѣлались простыми коммерческими операціями. Печать, которая нѣкогда оказала такія услуги освобожденію человѣческой мысли, свободѣ и прогрессу, находилась на содержаніи правящихъ лицъ и крупныхъ капиталистовъ, опозоренная всевозможными финансовыми компромиссами. Каждый журналъ былъ торговымъ дѣломъ. Для каждаго изъ нихъ единственная задача состояла въ томъ, чтобъ ежедневно продать какъ можно больше листовъ и заставить заплатить за свои строки болѣе или менѣе маскированными объявленіями: «дѣлать дѣла»—все заключалось въ этомъ. Они выдумывали ложныя извѣстія, которыя спокойно опровергали на слѣдующій день, при каждой тревогѣ подкапывались подъ основы государства, искажали истину, влагали въ уста ученыхъ рѣчи, которыхъ тѣ никогда не держали, безстыдно клеветали, безчестили мущинъ и женщинъ, сѣяли скандалы, нагло лгали, объясняли продѣлки воровъ и убійцъ и умножали преступленія, какъ будто не подозрѣвая объ этомъ, давая формулы вновь открытыхъ взрывчатыхъ

веществъ. Подвергали опасности собственныхъ читателей и дѣйствовали предательски относительно всѣхъ соціальныхъ классовъ съ единственною цѣлью возбудить до пароксизма всеобщее любопытство и распродать «побольше нумеровъ».

Едва ли придется ждать столѣтія, чтобъ оправдались эти нападки на журнализмъ будущаго; теперь уже нѣтъ ни одного изъ приведенныхъ здѣсь обвинительныхъ пунктовъ, котораго нельзя было бы подтвердить болѣе или менѣе многочисленными примѣрами. Ясно, что если дѣло пойдетъ тѣмъ же порядкомъ, то предсказаніе Фламмаріона сбудется очень скоро. Если вглядѣться въ то, что происходитъ теперь въ печати всѣхъ странъ, нельзя не усомниться, дѣйствительно ли она продолжаетъ еще быть орудіемъ прогресса.

Стараясь все болѣе приноровиться къ уровню развитія, къ инстинктамъ и вкусамъ толпы, по своимъ дѣйствительнымъ, невысказаннымъ побужденіямъ она нерѣдко стоитъ даже ниже этого уровня; ни для кого не тайна, что во всѣхъ странахъ существуютъ и процвѣтаютъ газеты, которыя держатся преимущественно шантажемъ,—и это допускается подъ предлогомъ свободы слова.

Журналы, претендующіе на серіозное поли-

тическое значеніе, не брезгаютъ никакими средствами, чтобы возбудить любопытство и «продать побольше нумеровъ». Клевета, оскорбленія, грубыя ругательства, выдуманныя извѣстія, все это одинаково пригодно для достиженія цѣли. Неужели не ясно, что въ такомъ видѣ печать можетъ быть только орудіемъ нравственнаго регресса, какими бы прогрессивными вывѣсками она ни прикрывалась и въ какія бы гуманныя фразы ни драпировалась ея погоня за наживой?

Впрочемъ, даже драпировка эта считается иногда излишнею. Еще не такъ давно въ одной изъ большихъ газетъ поднятъ былъ вопросъ «о безплодной честности». А между тѣмъ печать, несомнѣнно, становится силой, и по мѣрѣ развитія народнаго образованія сила эта должна возрастать.

Не пора ли подумать о томъ, чтобы заставить ее дѣйствительно служить на пользу страны, а не для наживы ловкихъ и полуграмотныхъ торговцевъ и не для потѣхи мнимыхъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей? Наши законы о печати устарѣли и, ставя иногда совершенно ненужныя стѣсненія и формальности, они въ то же время не гарантируютъ ни общества, ни частныхъ лицъ отъ самыхъ наглыхъ злоупотребленій печатнымъ словомъ.

Люди мало знакомые съ дѣломъ склонны думать, что тѣ уродливыя явленія, которыя встрѣчаются въ современной журналистикѣ, сами въ себѣ носятъ свое противоядіе и что на нихъ не стоитъ обращать вниманія, потому что публика и сама будто бы въ состояніи оцѣнить чего стоятъ подобныя явленія. Но мнѣніе это совершенно ошибочно; такихъ читателей ничтожное меньшинство, и газеты составляются не для нихъ, а чѣмъ обширнѣе кругъ читателей и чѣмъ дальше онъ стоитъ отъ газетной фабрики, тѣмъ меньше онъ въ состояніи оцѣнить качество ея товара.

До тѣхъ поръ пока книга являлась результатомъ серіознаго труда и несомнѣннымъ выраженіемъ дѣйствительныхъ мнѣній автора, несмотря на отдѣльныя исключенія, вліяніе печати въ общемъ не могло не быть цивилизующимъ; но по мѣрѣ того, какъ книги и журналы стали превращаться въ коммерческое предпріятіе, гдѣ личность автора стала все болѣе стушовываться за издательскою вывѣской, положеніе стало мѣняться.

Невозможно требовать, чтобы книгопродавцы и издатели работали въ убытокъ, а авторы писали исключительно ради высшихъ научныхъ или нравственныхъ соображеній. Но если печать въ силу измѣнившихся условій перестала

преслѣдовать исключительно духовныя цѣли, можно требовать, по крайней мѣрѣ, чтобы на той коммерческой почвѣ, на которую она большею частію становится, она честно вела свое дѣло, и чтобы тамъ, гдѣ для достиженія своихъ цѣлей она пользуется средствами непозволительными и вредными для общества, она преслѣдовалась бы наравнѣ со всякою другою торговлей, злоупотребляющею довѣріемъ публики. Почему фальсифицировать муку или вино постыдно, а печатать завѣдомую ложь можно? Почему содержатель питейнаго заведенія, уличенный въ злоупотребленіяхъ, лишается права на продолженіе торговли, а рѐдакторъ или издатель, уличенный въ самыхъ возмутительныхъ злоупотребленіяхъ печатнымъ словомъ, можетъ спокойно продолжать свое ремесло и эксплуатировать легковѣрчыхъ читателей? Почему то, что̀ въ частномъ кругу называется неприличіемъ, клеветой и сплетней—въ печати получаетъ громкое названіе обличенія?

Только коренная реформа въ области печати можетъ помѣшать ей превратиться окончательно изъ орудія прогресса въ орудіе опошленія и развращенія массъ, существующее эксплуатаціей низменныхъ инстинктовъ толпы.

Литературный языкъ и „пресса“.

Въ Петербургѣ учреждается новое общество, имѣющее въ виду охрану русскаго языка отъ искаженія его иностранными словами и оборотами рѣчи. Нельзя не сочувствовать этой цѣли; но въ то же время нельзя не видѣть всѣхъ трудностей подобной задачи, особенно при современномъ положеніи нашей печати, когда спѣшность работы, а иногда и недостатокъ образованія заставляютъ писателей пользоваться тѣми или другими выраженіями безо всякаго вниманія, болѣе или менѣе на удачу.

Если такъ относятся къ слову люди, для которыхъ оно является такимъ же необходимымъ орудіемъ, какъ краски для живописца и ноты для музыканта, и которымъ они ежедневно призваны выражать всѣ безчисленные оттѣнки мысли, то можно ли ожидать другаго отношенія отъ людей, которымъ приходится большею частью имѣть дѣло съ тѣсно ограниченнымъ кругомъ понятій, гдѣ они легко могутъ пользоваться го-

товыми фразами, подобно тому, какъ рисуютъ по трафарету?

Въ виду этого, вполнѣ понятна мысль новаго общества—слѣдить за тѣми ошибками противъ духа русскаго языка, которыя такъ часто встрѣчаются въ повременныхъ изданіяхъ. Сомнительно только, чтобъ эти изданія охотно подчинились новой цензурѣ и остались благодарны за указаніе ошибокъ.

Теперь уже существуетъ не мало такихъ выраженій, которыя, представляя явное искаженіе русскаго языка, получили право гражданства почти во всѣхъ журналахъ, такъ что нелегко будетъ изгнать ихъ оттуда.

У Шопенгауэра есть небольшая статья «О языкѣ и о словахъ», представляющая интересъ для каждаго, кто сознаетъ тѣсную связь между мышленіемъ и словомъ. Стоитъ остановиться на этой статьѣ въ виду того, что бо́льшая часть высказанныхъ въ ней положеній не только не потеряла своего значенія, но получаетъ все новыя подтвержденія и можетъ въ равной мѣрѣ относиться не только къ нѣмецкому, но и къ русскому языку.

Извѣстно, замѣчаетъ Шопенгауэръ, что языки въ грамматическомъ отношеніи тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ они старше, и постепенно становятся все хуже, спускаясь съ высоты санскрита

до англійскаго жаргона, этой одежды мышленія составленной изъ лоскутовъ разнородной матеріи. Такое постепенное паденіе языка составляетъ, по мнѣнію Шопенгауэра, серіозный аргументъ противъ усвоенныхъ оптимистами теорій безпрерывнаго поступательнаго движенія человѣчества и въ то же время трудно разрѣшимую задачу, такъ какъ порвобытное человѣчество нельзя себѣ представить иначе, какъ въ состояніи дѣтскаго, грубаго невѣдѣнія. Объясненіе этого противорѣчія Шопенгауэръ видитъ только въ томъ что человѣкъ безсознательно изобрѣлъ рѣчь, такъ какъ въ немъ первоначально существуетъ инстинктъ, благодаря которому, безъ размышленія и сознательнаго намѣренія, онъ создаетъ органъ, необходимый для его разума; но инстинктъ этотъ утрачивается впослѣдствіи, когда языкъ уже существуетъ и первоначальная способность не находитъ себѣ примѣненія...

Будучи рѣшительнымъ сторонникомъ изученія иностранныхъ языковъ, особенно древнихъ, Шопенгауэръ утверждаетъ, что люди мало способные выучиваютъ только слова, но пользуются ими всегда лишь въ смыслѣ приблизительно равнозначущихъ словъ роднаго языка и постоянно сохраняютъ свойственныя послѣднему обороты и фразы. Они не въ состояніи усвоить

духъ иностраннаго языка; а это зависитъ отъ того, что мышленіе ихъ движется не собственными силами, а большею частью заимствуетъ ихъ отъ роднаго языка, обычныя фразы и обороты котораго замѣняютъ имъ собственныя мысли; поэтому даже на родномъ языкѣ они постоянно пользуются избитыми фразами, причемъ и ихъ составляютъ такъ неумѣло, что замѣтно, какъ плохо они сознаютъ ихъ смыслъ и какъ недалеко за предѣлы словъ переходитъ все ихъ мышленіе. Въ сущности, оно значитъ не много больше, чѣмъ болтовня попугаевъ.

Изученіе иностранныхъ языковъ, независимо отъ его практической пользы, является образовательнымъ средствомъ, расширяя наши воззрѣнія, благодаря выступающей многосторонности и оттѣнкамъ понятій, а также благодаря тому, что изученіе это все болѣе пріучаетъ мышленіе отдѣлять понятія отъ словъ. По мнѣнію Шопенгауэра, цѣль эта скорѣе всего достигается древними языками, такъ какъ, благодаря своему отличію отъ новыхъ, они не допускаютъ пословной передачи, а требуютъ, чтобы всѣ наши мысли были отлиты въ другой формѣ.

Изученіе иностранныхъ языковъ направляетъ вниманіе на значеніе и смыслъ словъ, на ихъ сопоставленія и грамматическія формы, и пріучаетъ взвѣшивать ихъ точнѣе, пользуясь дра-

гоцѣннымъ орудіемъ, которое можетъ служить для выраженія и сохраненія мыслей. Человѣческое слово есть самый прочный матеріалъ; когда поэтъ воплотитъ свое мимолетное чувство въ подходящихъ словахъ, оно живетъ въ нихъ въ теченіе тысячелѣтій и каждый разъ возникаетъ снова въ каждомъ воспріимчивомъ читателѣ.

Все искусство рѣчи состоитъ въ томъ, чтобы каждое слово точно выражало мысль и настроеніе говорящаго, но не всегда можно найти на родномъ языкѣ слово, которое точно соотвѣтствовало бы понятію, для котораго имѣется выраженіе на другомъ языкѣ. Бо́льшею частью иностранное слово можетъ быть передано другимъ, выражающимъ тотъ же смыслъ, по крайней мѣрѣ приблизительно; но и это бываетъ не всегда. Шопенгауэръ указываетъ на «скандальный примѣръ» — отсутствіе во французскомъ языкѣ глагола стоять. Для другихъ понятій, наоборотъ, лишь въ одномъ языкѣ находится слово, которое тогда переходитъ во всѣ остальные, напримѣръ латинское «аффектъ», французское «наивно» и т. д. Иногда иностранное слово выражаетъ понятіе съ такимъ оттѣнкомъ, котораго нѣтъ на родномъ языкѣ, и съ которымъ оно какъ разъ мыслится въ данномъ случаѣ; тогда каждый, кому важно точное выраженіе собственной мысли, по мнѣнію Шопенгауэра,

долженъ употребить иностранное слово, не смущаясь тѣмъ лаемъ, который подымутъ педантическіе пуристы. Но для того, чтобы такое нововведеніе было позволительно, нужно, чтобы на родномъ языкѣ дѣйствительно недоставало слова для выраженія даннаго понятія.

Необходимо, чтобы, вмѣстѣ съ умноженіемъ понятій, увеличивался и запасъ словъ того или другаго языка. Но когда, наоборотъ, послѣдній увеличивается безъ увеличенія перваго, это доказываетъ только духовную нищету, которой хотѣлось бы что-нибудь вынести на рынокъ и которая, за неимѣніемъ новыхъ мыслей, является съ новыми словами. Такого рода обогащеніе языка стоитъ теперь на очереди и есть признакъ времени. Но новыя слова для старыхъ понятій все равно, что новая краска для стараго платья.

Таковъ въ общихъ чертахъ взглядъ Шопенгауэра на значеніе иностранныхъ словъ въ томъ или другомъ языкѣ.

Пристрастіе къ употребленію новыхъ словъ для старыхъ понятій не только не прошло со времени Шопенгауэра, но едва ли не увеличилось. Если научная терминологія составляетъ дѣйствительно необходимое условіе точнаго выраженія мысли въ спеціальныхъ сферахъ мышленія, то никакъ нельзя сказать того же о наводненіи разговорной и литературной рѣчи вы-

раженіями, смыслъ которыхъ нерѣдко ускользаетъ не только отъ большинства публики, но и отъ тѣхъ, кто ими пользуется. Въ такихъ случаяхъ мнимая научность легко становится источникомъ лишней неясности. Если у химика въ лабораторіи спросить соли, онъ, разумѣется, въ свою очередь, спроситъ — какой? Но спросивъ за столомъ у сосѣда хлористаго натра, мы вызовемъ только улыбку, недоумѣніе. Если въ такихъ рѣзкихъ примѣрахъ здравый смыслъ каждаго подсказываетъ ему, какое именно выраженіе нужно выбрать, чтобъ его поняли, то никакъ нельзя сказать того же о болѣе сложныхъ, гдѣ нужно много вниманія, привычки и вкуса, чтобы придать выраженію мысли желаемый оттѣнокъ и не вызывать въ читателяхъ или слушателяхъ иногда совершенно не то впечатлѣніе какое имѣлось въ виду.

Одна изъ причинъ значительно содѣйствовавшихъ искаженію русскаго языка состоитъ въ отсутствіи у насъ въ теченіе многихъ лѣтъ серьезной эстетической критики, такъ какъ нельзя разумѣется, считать ею отзывы полуграмотныхъ рецензентовъ, скрывающихъ свою компетентность подъ всѣми буквами русскаго и иностраннаго алфавитовъ. Конечно, какъ бы ни было прекрасно по формѣ то или другое произведеніе, если оно безсодержательно, оно останется

скучно и вяло; и какіе бы промахи и ошибки противъ формы ни попадались въ другомъ, оно будетъ имѣть серьезное значеніе, если въ немъ содержатся глубокія и вѣрныя мысли; но выводить отсюда заключеніе о второстепенномъ значеніи формы—все равно, что доказывать безполезность одежды на томъ основаніи, что некрасиваго человѣка никакая одежда не сдѣлаетъ красивымъ. Въ данномъ случаѣ форма еще существеннѣе, такъ какъ только при посредствѣ ея мы можемъ судить о содержаніи.

Тѣ новыя и хитрыя слова, которыми полны страницы нашихъ журналовъ, вовсе не доказываютъ новизны этихъ понятій и отсутствія ихъ на русскомъ языкѣ, а только привычку пользоваться первымъ попавшимся выраженіемъ, особенно если оно можетъ произвести впечатлѣніе на публику незнакомую съ источниками, откуда оно заимствовано.

Изученіе иностранныхъ языковъ, расширяя кругъ понятій, несомнѣнно, способствуетъ уясненію ихъ и умѣнію пользоваться всѣми оттѣнками родной рѣчи; но не слѣдуетъ упускать изъ виду обратную сторону медали... Такое изученіе нѣсколькихъ языковъ разомъ, особенно въ раннемъ возрастѣ, не даетъ иногда возможности вполнѣ усвоить ни одного изъ нихъ и пріучаетъ къ неточному, приблизительному упо-

требленію словъ или готовыхъ фразъ безъ яснаго пониманія ихъ смысла. При такихъ условіяхъ получается возможность говорить гладко на нѣсколькихъ языкахъ, пока рѣчь не выражаетъ ничего опредѣленнаго, а нужно только *разговаривать*; но если, неожиданно для говорящаго, ему придетъ какая-нибудь оригинальная и вполнѣ опредѣленная мысль, онъ, несмотря на знаніе всевозможныхъ словъ на семидесяти семи языкахъ, окажется безпомощнымъ для ея выраженія.

Однимъ изъ лучшихъ способовъ усвоенія языка какъ иностраннаго, такъ и роднаго являются переводы, заставляющіе постоянно лавировать между соблюденіемъ достаточной близости къ подлиннику и чистотой того языка, на который дѣлается переводъ. Нѣтъ ничего проще, какъ переводить слово за словомъ; но легче выучиться иностранному языку, чѣмъ понять такой переводъ, когда незнакомъ съ подлинникомъ. Переводчикъ, если только онъ работаетъ для публики, а не въ видѣ упражненія, долженъ помнить, что работа его предназначена именно для тѣхъ, кто не можетъ читать оригинала, такъ что всегда лучше отступить отъ буквальной точности, нежели жертвовать ясностью выраженія или чистотой роднаго языка. Едва ли не главной причиной порчи лите-

ратурной рѣчи являются необдуманные переводы, вводящіе въ употребленіе совершенно не русскія и ни къ чему не нужныя выраженія и обороты, въ родѣ петербургско-чухонскаго «выглядѣть».

Это выраженіе, которое на русскомъ переводѣ означаетъ *имѣть видъ*, есть, очевидно, не что иное какъ буквальная передача нѣмецкаго глагола вовсе не нужная на русскомъ языкѣ.

Но есть и другой источникъ многочисленныхъ искаженій литературнаго языка: это— *псевдо-лаконизмъ*. Можно подумать, что авторы глотающія слова, иногда необходимыя для ясности рѣчи, особенно дорожатъ сжатостью формы.

Въ дѣйствительности источникъ этого лаконизма совсѣмъ иной и зависитъ едва ли не отъ того, что они черпаютъ образцы своего слога изъ газетныхъ объявленій; въ противномъ случаѣ, трудно было бы понять, какъ въ теченіе сравнительно короткаго періода времени могли войти въ употребленіе такія безсмысленныя выраженія, какъ «быть одною прислугой», «кончить университетъ» и т. п. На столбцахъ газетныхъ объявленій первое выраженіе, грамматически нелѣпое, имѣетъ то оправданіе, что имъ кратко и ясно выражается именно то, что хочетъ сказать дающій объявленіе и не имѣющій, разумѣется, средствъ платить лишніе гри-

венники и пятиалтинные за правильность своихъ выраженій, но какой смыслъ имѣютъ выраженія: «я послалъ свою прислугу», «я велѣлъ своей прислугѣ затопить печь» и т. п. если они означаютъ горничную или кухарку? Они напоминаютъ тогда инородцевъ, которые всегда говорятъ о себѣ во множественномъ числѣ, а на вопросъ «сколько васъ?» отвѣчаютъ «ми одна».

Выраженія кончить курсъ въ томъ или другомъ учебномъ заведеніи, ради экономіи одного слова, замѣняется выраженіемъ: кончить то или другое заведеніе, и этотъ газетный жаргонъ, за который слѣдовало бы ставить плохія отмѣтки въ гимназіяхъ, проникаетъ на страницы оффиціальныхъ изданій! Въ виду этого желательно было бы, чтобы на подобныя искаженія литературнаго языка обращено было вниманіе не однимъ только частнымъ обществомъ, но и правительственными учрежденіями.

Книги и чтеніе..

Значеніе книги въ современномъ обществѣ такъ очевидно и такъ понятно, что на немъ нѣтъ надобности останавливаться. Все школьное обученіе, не исключая высшихъ учебныхъ заведеній, можетъ составить только подготовительную ступень къ тому что должна дать дальнѣйшая самостоятельная работа, немыслимая внѣ связи съ литературой того или другаго предмета. Но съ другой стороны, эта литература, особенно, въ послѣднее время, имѣетъ склонность до того разрастаться и спеціализироваться, что даже человѣку, посвящающему себя исключительно наукѣ, нѣтъ возможности читать все что печатается даже въ предѣлахъ той области, изученіемъ которой онъ занимается. Поэтому, сами собой возникаютъ вопросы: какъ и что читать?

Если въ кругахъ, стоящихъ далеко отъ науки и литературы любовь къ чтенію сама по себѣ считается еще нѣкоторою заслугой и доказа-

тельствомъ развитія, то для того, кто относится болѣе серіозно къ дѣлу, ясно что чтеніе безо всякаго плана и цѣли не имѣетъ рѣшительно никакого значенія. Но составить себѣ самому такой планъ и строго придерживаться его—дѣло не легкое. Поэтому весьма естественно является желаніе обратиться за совѣтомъ къ людямъ компетентнымъ, которымъ удалось уже болѣе или менѣе, по крайней мѣрѣ для себя, выполнить эту задачу.

Въ иностранной литературѣ существуетъ уже нѣсколько попытокъ составить общую программу чтенія, посредствомъ обращенія къ лицамъ извѣстнымъ въ литературѣ; недавно такую попытку сдѣлалъ у насъ г. Ледерле; но она оказалась не совсѣмъ удачною, такъ какъ изъ двухъ тысячъ лицъ, къ которымъ онъ обратился за указаніями, отвѣтили только 86, «остальное—молчаніе», говоритъ составитель *Мнѣнія русскихъ людей о лучшихъ книгахъ для чтенія*. Въ нѣкоторыхъ журналахъ, гдѣ появились отзывы объ этой книгѣ, въ этомъ молчаніи рецензенты поспѣшили увидѣть доказательство печальнаго равнодушія къ серіозному дѣлу.

Мнѣ кажется, однако, что въ общемъ такое мнѣніе несправедливо, и молчаніе, въ данномъ случаѣ, объясняется не столько нежеланіемъ отвѣтить, сколько сознаніемъ неразрѣшимости

задачи. Мнѣ случалось обращаться съ просьбой объ указаніи источнитовъ къ людямъ мало знакомымъ и даже совсѣмъ незнакомымъ, и я не помню, чтобы когда-нибудь я встрѣтилъ отказъ; но еслибъ я вздумалъ спросить кого-нибудь: какія книги онъ считаетъ лучшими? или, даже, какія книги были ему болѣе всего полезны? онъ, вѣроктио, затруднился бы отвѣтить. Поставленный въ общей формѣ, вопросъ о томъ какая лучшая книга также неразрѣшимъ какъ вопросъ; какое лучшее лѣкарство?

Если говорить о лучшихъ книгахъ въ смыслѣ общеобразовательномъ, вопросъ перестаетъ быть неразрѣшимымъ, но тогда онъ почти совпадаетъ съ вопросомъ о лучшей программѣ для среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній (не спеціальныхъ): вопросъ этотъ, конечно, серіозенъ и интересенъ; но нельзя не согласиться съ мнѣніемъ гг. Жемчужникова, Королева и Эртеля, что указаніе книгъ, чтеніе которыхъ было бы полезно для молодежи, требуетъ спеціальныхъ познаній и затруднительно для лицъ не занимавшихся этимъ спеціально. Даже г. Скабичевскій затрудняется составить подобный списокъ. «Еслибы существовало изданіе полнаго каталога публичной библіотоки,—говоритъ онъ,—я бы сказалъ: вотъ мой списокъ!»

«Степень вліянія», замѣчаетъ онъ далѣе, «и польза книжекъ зависитъ не столько отъ ихъ достоинства, сколько отъ того, чтобъ онѣ были прочитываемы своевременно, то-есть въ добрый часъ, въ силу того, что нѣтъ такой книжки, повидимому нелѣпой или безполезной съ точки зрѣнія патентованныхъ педагоговъ, если она будетъ прочитана когда слѣдуетъ и, съ другой стороны, книги, признаваемыя педагогами наиполезнѣйшими могутъ не только остаться безслѣдными, но и принести большой вредъ, попавъ въ руки юноши не тогда когда нужно».

Г. Скабичевскій, конечно, правъ, что не существуетъ книгъ абсолютно полезныхъ, или абсолютно вредныхъ, такъ же какъ не существуетъ яда или лѣкарства, дѣйствіе котораго независѣло бы отъ дозы и отъ способности организма его усвоивать; но если такъ, то онъ, другими словами, говоритъ только то же самое что тѣ, кто находитъ задачу, поставленную г. Ледерле принципіально неразрѣшимою.

Еслибы въ этомъ могло оставаться теоретическое сомнѣніе, достаточно было бы привести нѣкоторые изъ списковъ, которые напечатаны въ книгѣ г. Ледерле и производятъ впечатлѣніе не каталога публичной библіотеки, а нѣсколькихъ карточекъ, выхваченныхъ наудачу изъ перетасованныхъ каталоговъ различныхъ ея

отдѣловъ, причемъ даже названія сочиненій списаны не всегда безъ ошибокъ.

Вотъ, напримѣръ, по словамъ издателя, извѣстный писатель, не пожелавшій обнародовать свою фамилію, предлагаетъ списокъ изъ 78 книгъ, гдѣ мы встрѣчаемъ и Ксенофонта, и Талмудъ, и Макіавелли, и Ѳому Кемпійскаго, и Рабле, и Конфуція, и Лао-тзе, и Конта, Арабскія сказки, и Библію, и даже книгу С. Илера о *Буддѣ и его религіи*, которую составитель предлагаетъ читать неизвѣстно на какомъ языкѣ, такъ какъ заглавіе ея пишетъ: «*Buddha et ca réligion*» *by St.-Hilaire*. Если только это не шутка со стороны «извѣстнаго писателя, не пожелавшаго обнародовать фамилію», то это весьма интересный документъ для характеристики нашей современной литературы.

Такой же документальный интересъ имѣютъ и нѣкоторые другіе отзывы и списки.

Поэтому, если изданіемъ г. Ледерле не вполнѣ достигнута ближайшая его цѣль, и изъ собранныхъ имъ указаній едвали возможно сдѣлать какой-нибудь выводъ относительно того, какія книги можно считать лучшими, то сборникъ его представляетъ значительный интересъ, какъ характеристика той системы, или, точнѣе, того отсутствія всякой системы въ чтеніи, которое встрѣчается не только среди публики, но и среди самихъ литераторовъ.

Вопросъ о томъ, когда и какія книги, вообще, можно читать съ пользой, разумѣется, крайне труденъ и сложенъ, и если громадное большинство лицъ, которымъ онъ былъ предложенъ, уклонились отъ отвѣта на него—это неудивительно; но, казалось бы, каждому гораздо легче представить «списокъ тѣхъ книгъ, какъ художественныхъ, такъ и по всѣмъ отраслямъ знанія, которыя въ его жизни, отъ самыхъ юныхъ лѣтъ, произвели на него наиболѣе сильное впечатлѣніе и, по его мнѣнію, способствовали его нравственному и умственному развитію».

Тутъ, повидимому, достаточно припомнить свои впечатлѣнія и подѣлиться ими, но и это далеко не такъ просто, какъ кажется. Гр. Л. Н. Толстой пишетъ издателю, что «къ сожалѣнію не можетъ исполнить его желанія, такъ какъ составить списокъ ему не хочется, а для того, чтобы вспомнить и подумать, рѣшительно нѣтъ времени». Этотъ отвѣтъ огорчилъ издателя и привелъ въ негодованіе нѣкоторыхъ критиковъ, но для составленія списка книгъ, имѣвшихъ на насъ то или другое вліяніе, нужно не только время и добрая воля, а также психологическій анализъ собственной внутренней жизни и готовность отдать эту жизнь на судъ посторонникъ лицъ. Это своего рода ис-

повѣдь; когда такую исповѣдь даютъ Руссо или Толстой, она несомнѣнно поучительна; когда за нее берется Башкирцева, съ искреннимъ увлеченіемъ и самонадѣянностью молодости, она можетъ быть интересна; но для того чтобы вѣрно и сознательно, безо всякой рисовки, описывать свои личныя впечатлѣнія, необходимы или геній, или наивность. Поэтому для громаднаго большинства людей, относящихся къ вопросу серіозно, такого рода исповѣдь невозможна, и профессоръ Янжулъ совершенно правъ, когда, по поводу составленія помянутаго списка, говоритъ:

«Для удовлетворенія этой просьбы, мнѣ кажется, потребуется мотивировка такихъ книгъ и такія *личныя біографическія свѣдѣнія, которыя собирать и домо, и неудобно по многимъ причинамъ*. Безъ сообщенія подобныхъ свѣдѣній самая оцѣнка книгъ теряетъ свое значеніе».

Одно время въ модѣ были книжки съ вопросами: Какой вашъ идеалъ? Какое ваше любимое блюдо? Гдѣ-бы вы желали жить? Кто, по вашему мнѣнію, самый великій полководецъ? Въ которомъ часу вы встаете?» и т. д. Пробѣлы этихъ книжекъ дамы и барышни предлагали пополнить своимъ знакомымъ, которыхъ ставили иногда въ затруднительное положеніе, особенно, когда эта просьба заставала ихъ врас-

плохъ, но тамъ по крайней мѣрѣ можно было отдѣлаться шуткой. Несравненно труднѣе дать отвѣтъ на вопросъ, какой вашъ любимый писатель или любимая книга?—когда отвѣтъ этотъ предназначается для публики. На одного сильнѣе всего дѣйствуетъ Гомеръ, на другаго Шекспиръ или Гете, на третьяго Пушкинъ или Байронъ, а на четвертаго совсѣмъ второстепенный писатель или неизвѣстная книга, но иногда и самъ онъ не можетъ отдать себѣ въ этомъ яснаго отчета.

Весьма интересное указаніе на значеніе второстепенныхъ и мало извѣстныхъ книгъ находимъ мы въ сообщеніяхъ гг. Шмелева и Нотовича. Опредѣленіе того, насколько вліяніе это было полезно или вредно, зависитъ, разумѣется, отъ точки зрѣнія, но самый фактъ интересенъ, и на немъ стоитъ остановиться.

Разсказъ г. Шмелева можетъ служить прекраснымъ обращикомъ того, какъ дѣйствуютъ иногда книги, читанныя случайно и безъ разбора, и какіе неожиданные результаты отъ нихъ получаются. «Читать церковную и гражданскую печать меня научилъ отецъ, говоритъ г. Шмелевъ, когда мнѣ было шесть лѣтъ отъ роду, а писать и считать я выучился у 17-лѣтняго деревенскаго парня».

«Всѣхъ книгъ у отца было не болѣе десят-

ка: *Псалтирь*, *Часовникъ*, *Святцы*, азбука церковная и двѣ гражданскія, *Описаніе Іерусалима въ лицахъ*, съ рисунками, и еще нѣсколько книгъ духовнаго содержанія. Въ школѣ грамотности, назову по нынѣшнему, чтенія было больше. Тамъ я по вечерамъ читалъ *Библію*, *Кіевскій Патерикъ въ лицахъ*, *Апокалипсисъ*, *Страсти Христовы* древняго письма и склада, *Путешествіе въ Іерусалимъ Трифона Коробейникова*, *Анекдоты о Балакиревѣ и Бову Королевича въ лицахъ* и *Конька-Горбунка*. Чтеніе Апокалипсиса производило на меня сильное, удручающее впечатлѣніе; въ дѣтствѣ и отрочествѣ у меня преобладало мистическое настроеніе, но, тѣмъ не менѣе, я почитывалъ и сказки».

Первая книга, произведшая на г. Шмелева сильное впечатлѣніе, была *Міръ Божій* Разина; скоро онъ попалъ, однако, мальчикомъ въ книжную лавку къ своему двоюродному дядѣ, въ одинъ изъ приволжскихъ губернскихъ городовъ; книги тамъ были большею частью издателей Никольской улицы; но, по словамъ разказчика, попадались и дѣльныя, съ научнымъ содержаніемъ.

«Я очень любилъ читать хрестоматіи Полеваго и Филонова, и въ нихъ величайшее удовольствіе доставляло мнѣ чтеніе отрывковъ изъ

Тургенева, Аксакова, Гоголя и Льва Толстаго. Вообще же въ хрестоматіяхъ почти каждая страница читалась мною съ увлеченіемъ, и это было чтеніе, повторяемое по нѣскольку разъ. Время увлеченія ариѳметикой, французскимъ языкомъ, географіей и хрестоматіями было для меня какимъ-то свѣтлымъ праздникомъ въ моей однообразной, до крайности скучной жизни и, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно было временемъ наиболѣе сильнаго душевнаго влеченія къ гимназистамъ, которыхъ я изо всѣхъ учащихся особенно любилъ и уважалъ и которымъ болѣе всего завидовалъ».

Въ этихъ наивныхъ и искреннихъ строкахъ сказывается такая любознательность, что нельзя не пожалѣть о неудавшемся стремленіи къ общему образованію будущаго сельскаго учителя и о томъ, что рѣшающее значеніе на его дальнѣйшее развитіе должна была имѣть книга, очевидно, тѣхъ же издателей Никольской улицы, но едва ли изъ числа дѣльныхъ.

«Теперь,—говоритъ онъ,—я назову книгу, которая сильнѣе всего повліяла на мое умственное развитіе. Это была книга «*Побѣда надъ смертью*», разсказы изъ народной медицины (сочинителя не знаю). Какъ видно по заглавію, это была книга медицинская, но ей-то, именно, и суждено было вывести меня изъ мрака на

свѣтъ и произвести коренной переворотъ въ моихъ понятіяхъ. Дѣло въ томъ, что въ этой книгѣ мимоходомъ осмѣиваются нѣкоторыя народныя суевѣрія и предразсудки. Это меня озадачило, такъ озадачило, что я читалъ книгу съ большими остановками и переходилъ къ слѣдующей статьѣ не прежде, чѣмъ хорошо усвоивъ предыдущую. Въ результатѣ получилась гибель всего фантастическаго міра. Такъ вотъ какое важное, рѣшительное вліяніе оказала на меня книга *Побѣда надъ смертью*! А случилось это на 16—17 году моей жизни».

Авторъ не говоритъ, къ сожалѣнію, что онъ разумѣетъ подъ фантастическимъ міромъ: Бовукоролевича, Конька-горбунка, Лѣшаго и Кикимору, или многое другое, что трудно отнести къ этой категоріи. Во всякомъ случаѣ, нелѣпое заглавіе книги, произведшей радикальный переворотъ въ душѣ 16—17 лѣтняго мальчика, не можетъ не заставить задуматься надъ значеніемъ этого переворота, особенно, въ виду того результата который отъ него получился; эта медицинская книжка, расшатавшая «мистическое» настроеніе автора, повидимому, не вызвала въ немъ желанія ближе ознакомиться съ естественными науками и усвоить себѣ ихъ отношеніе къ другимъ областямъ знанія; онъ замѣчаетъ только, что съ тѣхъ поръ «и чай

пить стало не грѣхъ», а читая раскольниковъ и острожниковъ Ливанова—онъ окончательно потерялъ уваженіе къ людямъ «древняго благочестія».

«На мое рѣшеніе жить ближе къ природѣ,—говоритъ г. Шмелевъ,—въ селѣ, деревнѣ, на дачѣ, на хуторѣ, словомъ, только не въ городѣ, повліяло болѣе всего чтеніе хрестоматій. Но я зналъ, что тяжелая крестьянская жизнь, полная лишеній, очень мало оставляетъ времени для спокойнаго наслажденія природой, я сталъ придумывать, какимъ бы интеллигентнымъ трудомъ я могъ заняться въ деревнѣ. Торгашество мнѣ было не по душѣ, писарство мало привлекало. Я остановился на учительствѣ».

Итакъ, хрестоматія и книга неизвѣстнаго автора *Побѣда надъ смертію* опредѣлили настоящее призваніе и образъ жизни разказчика. Конечно, положеніе и дѣятельность сельскаго учителя могутъ составить окончательную цѣль лишь для немногихъ и, судя по послѣднимъ строкамъ его исповѣди, г. Шмелевъ не принадлежитъ къ числу этихъ немногихъ; но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, какое направленіе получаютъ стремленія человѣка подъ вліяніемъ того или другаго чтенія.

Вообще отвѣтъ на вопросъ о собственномъ развитіи и о способахъ его достиженія является

затруднительнымъ, такъ какъ онъ предполагаетъ собственную оцѣнку этого развитія, и нужна твердая увѣренность, что такая оцѣнка вполнѣ правильна и не субъективна; а самопознаніе дается не легко. Къ тому же надо быть вполнѣ довольнымъ достигнутыми результатами, чтобы совѣтывать и другимъ идти тѣмъ же путемъ. Такимъ оптимизмомъ и счастливою увѣренностью въ себѣ обладаютъ лишь весьма немногіе. Къ числу ихъ можно, кажется, отнести О. К. Нотовича. «Я хорошо помню», говоритъ онъ, «тѣ книги, которыя зародили во мнѣ первую сознательную склонность ко всему доброму и прекрасному, которыя, такъ-сказать, способствовали твердому обоснованію всего моего будущаго нравственнаго міросозерцанія».

«Первая книга, внушившая мнѣ первую, еще смутную, идею равенства людей передъ законами природы, передъ Творцомъ, на всѣхъ ступеняхъ ихъ развитія, а вмѣстѣ съ тѣмъ,—идею законности существованія животнаго вообще, или его права на жизнь—это было безсмертное твореніе Де-Фоэ *Робинзонъ Крузо*.

«Робинзонъ, дикарь Пятница и коза играли въ моемъ юномъ воображеніи роли главнѣйшихъ героевъ великой комедіи всемірной исторіи, среди которой мнѣ самому приходилось, какъ всякому ребенку, на каждомъ шагу отста-

ивать свое право на любовь, на сочувствіе, на помощь, на жизнь вообще. Я одинаково сочувствовалъ и Робинзону, и Пятницѣ, и козѣ, сливалъ ихъ въ одно цѣлое, въ одинъ организмъ, душу котораго я ощущалъ въ моей собственной.»

Что бы мы ни думали о степеняхъ развитія людей вообще, степень развитія краснорѣчія, достигнутая г. Нотовичемъ въ приведенныхъ строкахъ—весьма высокая. Это сліяніе Робинзона, Пятницы и козы въ одно цѣлое весьма замѣчательно, а способность ощущать ихъ душу въ своей собственной вполнѣ исключительная... Что касается «равенства людей передъ законами природы», то мысль эта не такъ оригинальна, и въ этомъ отношеніи не только всѣ люди, но и коза и та даже трава, которую она ѣстъ, и камни, по которымъ она ходитъ, совершенно равны и одинаково не въ состояніи нарушить ихъ; столь же понятна съ этой точки зрѣнія, законность существованія какого бы то ни было животнаго, хотя довольно трудно понять, какимъ образомъ съ этою законностью можетъ согласоваться *право* на жизнь другаго животнаго, которымъ первое вынуждено питаться.

Несмотря на утвержденіе, что онъ хорошо помнитъ книги, способствовавшія обоснованію

его нравственнаго міросозерцанія, трудно сказать въ какой мѣрѣ *Робинзонъ Крузо* повиненъ въ позднѣйшей философіи г. Нотовича, тѣмъ болѣе, что, «по счастливой случайности, какъ онъ говоритъ далѣе, вслѣдъ за *Робинзономъ* ко мнѣ въ руки попала старая книга, которой, повидимому, суждено было, если можно такъ выразиться, закончить въ моемъ сердцѣ культивировку *добраго чувства* и навсегда упрочить его во мнѣ. Это была даже не цѣлая книга, а лишь вторая часть какого-то беллетристическаго произведенія. Скажу вамъ еще болѣе забавную вещь: я не вполнѣ увѣренъ, русскаго ли она или иностраннаго автора, такъ какъ имени послѣдняго не помню. Еще болѣе— я и самаго заглавія книги не помню. Знаю только, что она имѣла двойное названіе, изъ котораго въ памяти моей сохранилась вторая половина... *или картина человѣческаго сердца.*

На этотъ разъ память измѣнила г. Нотовичу; но даже уцѣлѣвшій въ ней отрывокъ заглавія, кажется ему краснорѣчивымъ:

«Вы согласитесь,—говоритъ онъ,—что названіе это само за себя говоритъ. Судя по сюжету этого обрывка, это скорѣе переводный иностранный романъ, такъ какъ онъ трактуетъ о жизни индійскихъ паріевъ и объ отношеніи къ нимъ Европейцевъ. Смутно помню, что

Европеецъ, надо полагать Англичанинъ, гдѣ-то въ индійскихъ лѣсахъ, набрелъ на одинокую хижину, въ которой пріютились два отвергнутыя всѣмъ человѣчествомъ существа—старикъ со своею дочерью. Европеецъ встрѣчаетъ въ этой хижинѣ широкое гостепріимство, остается въ ней ночевать и просыпается среди чуднаго душистаго цвѣтника, поддерживаемаго нѣжными ручками прелестной дѣвушки». Остальное само собою понятно: хозяева хижины—паріи; но человѣколюбивый Англичанинъ, не смущаясь этимъ, рѣшаетъ посвятить всю жизнь этой дѣвушкѣ. Это съ его стороны, конечно, такъ же похвально какъ со стороны Нотовича заявленіе, «что объ этой замѣчательной книгѣ онъ не перестаетъ вспоминать до сихъ поръ, чуть ли не каждую недѣлю, и что еслибъ онъ могъ ее разыскать, то ничего не пожалѣлъ бы на самое роскошное изданіе ея».

Очень можетъ быть, что книга, о которой говоритъ здѣсь г. Нотовичъ, дѣйствительно содѣйствовала его нравственному развитію; но это до такой степени дѣло личнаго чувства, и подобныя впечатлѣнія такъ не поддаются обобщеніямъ, что со стороны судить объ этомъ почти невозможно. Что же касается развитія серіознаго философскаго мышленія, то примѣръ г. Нотовича едвали вполнѣ убѣдителенъ;

«Я уже въ раннемъ возрастѣ, говоритъ онъ, прочиталъ весьма толковую провинціальную библіотеку, состоявшую изъ нѣсколькихъ сотъ томовъ, какъ избранныхъ русскихъ, такъ и иностранныхъ писателей, такъ и всякаго вздора». Г. Нотовичъ полагаетъ, что безпорядочное чтеніе этой «толковой библіотеки», состоявшей изъ избранныхъ сочиненій и «всякаго вздора», принесло ему только пользу. Г. Скабичевскій могъ бы, наоборотъ, всѣ недостатки въ произведеніяхъ г. Нотовича объяснить тѣмъ, что избранныя и вздорныя произведенія иностранныхъ и русскихъ писателей прочитаны имъ не въ томъ порядкѣ какъ слѣдовало.

Въ книгѣ г. Ледерле разбросано, впрочемъ, не мало такихъ мыслей и фактовъ, которые имѣютъ совсѣмъ иное значеніе нежели то, о которомъ мы сейчасъ говорили. Серіозный интересъ представляетъ статья Л. Ѳ. Кони. Но это именно статья, — бѣглая критика литературы извѣстнаго періода, — а не категорическій отвѣтъ на вопросы г. Ледерле; правда, исходная точка зрѣнія критики тутъ вполнѣ субъективна; но, въ сущности, это неизбѣжно во всякой критикѣ, такъ какъ она не можетъ не основываться, прежде всего, на личномъ впечатлѣніи пишущаго.

Указывая на то, что многія глубокія истины и выстраданныя идеи могутъ оказать могущественное вліяніе на умъ и этическое развитіе молодыхъ людей вступающихъ, или только-что вступившихъ въ жизнь, А. Ѳ. Кони добавляетъ: «Но для тѣхъ, кто уже на опытѣ читалъ книгу жизни и выстрадалъ, или оплакалъ многія ея страницы, эти истины и идеи явятся не какъ новое слово, а какъ осязательный выводъ изъ собственныхъ «ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ».

Что касается личныхъ его впечатлѣній въ юности, то А. Ѳ. Кони говоритъ, что читалъ много и жадно, безъ системы и руководства, и что разобраться въ томъ, какая именно книга имѣла вліяніе на его развитіе — чрезвычайно трудно. Почти то же самое говоритъ и Я. П. Полонскій. «Вообще все, что въ продолженіе долгой моей жизни было мною прочитано, несомнѣнно оставило во мнѣ частицу своего вліянія. Викторъ Гюго, Байронъ, Теннисонъ и Тютчевъ и графъ А. Толстой, и Зола, Дикенсъ etc, etc, но подглядѣть въ себѣ самомъ долю этихъ вліяній едвали возможно. Что касается ранняго періода чтенія, то трудно, я думаю, не согласиться съ замѣчаніемъ Я. П. Полонскаго, что «склонности и дарованія дѣтей неодинаковы: одному (какъ мнѣ, напримѣръ), полезно было

читать поэтовъ и беллетристовъ, другому—латинскихъ и греческихъ классиковъ, третьему-историковъ и записки путешественниковъ, четвертому—Брэма и т. п. Это уже дѣло воспитателей угадывать природное влеченіе молодыхъ людей и давать ихъ уму подходящую пищу».

Вообще чтеніе книги г. Ледерле убѣждаетъ въ томъ, что̀ не трудно было предвидѣть—то-есть въ невозможности сдѣлать какіе-нибудь общіе выводы изъ собранныхъ свѣдѣній. «Возьмите любаго изъ знаменитыхъ писателей, имена которыхъ встрѣчаются въ каждомъ спискѣ «лучшихъ книгъ», и посмотрите, что̀ говорятъ о немъ разные критики: одни называютъ золотомъ, то, что̀ по мнѣнію другихъ, мусоръ».

Отъ этого мнѣнія Макса Мюллера, повидимому, не такъ далекъ и самъ составитель «Мнѣнія Русскихъ людей о лучшихъ книгахъ для чтенія», когда, на основаніи разнообразія мнѣній нѣмецкихъ и англійскихъ ученыхъ, приходитъ къ убѣжденію, что къ данному вопросу примѣнимо старинное изреченіе Quot homines tot sententiae.

Библиотека ООН
Академии Наук СССР